

АЛТАЙ

БЗ

1(24)

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

65 г.

А 521 кр.	559397
Алтай	1(24)
	210.

559397

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

23/78098				
6/8 8/11				
14/9-14585				
20/10 10616				

Гип. им. Котлякова. 16 — 8 000 000. 1963 г.

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ 1963

№ 1
1(24)

758855

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

В. Зеленский

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

О черк

— Ничего-то он в политике не смыслит, этот агроном. Ведь ясная была команда — начинать без промедления сев. Так нет же, затеял проверку сеялок. «Без моего разрешения ни один агрегат не выйдет в поле». Подумаешь!..

Ну, специалист ты, допустим. Ладно. А и председатель в колхозе, слава богу, налицо. С него-то с первого стружку снимут, если не будет должных темпов. Соседи давно включились, сводки в газете печатают. А мы что — хуже других?

Вообще, он уже не в первый раз подводит руководство и весь колхоз в целом.

Три года назад, когда повсеместно внедряли бобы, наш Дядечко «отличился»: посеял их не квадратно-гнездовым способом, как указывалось, а ленточным. Ославились на весь район.

Правда, урожай мы получили неплохой, и впоследствии на совещании по Кулунде вышла установка бобы загущать... Но к чему было нам то лезть наперед? Вот теперь, пожалуйста, сей по-новому, никто слова не скажет. Потому что а-про-бировано.

Прошлой осенью опять история. Взял Дядечко в «Сельхозтехнике» опрыскиватель, заправил его соленой водой и давай поливать бобы. Кто приказал? Зачем?

— Чтобы скорее листья опали и можно было пускать комбайн на прямую.

И показывает журнал со статьей какого-то профессора, в которой описывается этот самый способ.

Мы, конечно, дали команду прекратить безобразие. Да, потери при раздельной уборке неизбежны. Но в самоуправстве, извините, нас никто не упрекнет!

Мало ли что пишут в журналах. Им за то деньги платят. А на мне персональная ответственность. Не дай, попало бы кому-нибудь на язык: «В златополинском колхозе солят бобы». Каков мог быть резонанс?

Нет, выставлять колхоз на посмешище не позволим.

Дальше. Нынче весна была напряженная. Зяби мы почти не имели. Весновспашка, боронование, прикатывание, сев—работы невпроорот. А время строго лимитировано. Еле-еле удалось в календарные сроки уложиться. Большая гора свалилась с плеч, казалось, все сошло благополучно.

И вдруг, уже незадолго до уборки, узнаем, что одно поле, двести пятьдесят гектаров, Дядечко засеял пшеницей прямо под плуг. Без предпосевной обработки! Да еще издевается: так, мол, поступали раньше крестьяне в сухие весны, вроде нынешней. Представляете?

А ну, узнали бы в районе? «Дедовские методы. Опыт далеких предков» и прочее. Готовый фельетон. То, что на данном поле по два центнера прибавки получили—так это лишь осенью стало известно. А до той поры сколько раз пришлось бы покраснеть?

Нет, экспериментами пускай ученые занимаются. Они за это...

Как народ смотрит? А что народ! Неорганизованная масса. Мы на правлении прямо предложили: послать Дядечко на бригаду. Не поддерживали нас... Механизаторов много в контору нашло. Кричат: как же без агронома?

А зачем он, агроном-то? Есть система. Есть вышестоящие организации. Скажут, когда, что и как делать.

Но колхоз — это колхоз. Демокра-а-тия! Двумя голосами хор не перепоешь.

Да, насчет воспитательной работы — это правильно. Своевременно ставится вопрос. Распустились люди. Каждый норовит свое слово сказать. Демагогов развелось слишком много.

И что им дался этот агроном?..

Если бы Иван Никитич не знал Дядечко еще с институтских времен, то, может, и поверил бы изустным сказкам о его чудачествах. Побольше таких чудаков!

И сейчас, слушая друга, Иван Никитич ни разу не изменил серьезности, хотя, признаться, и удивлялся про себя.

А показывал ему Дядечко свой знаменитый дом, который строил вот уже семь лет. Дом — не изба пятистенная и даже не крестовик, а такая хоромина метров пятнадцать в длину да и в ширину едва ли

меньше. Середина крыши — в виде фонаря, вся из стекла. На солнечной стороне стеклянные же две веранды. Внутри еще не совсем отделано.

— Вот здесь будут жилые комнаты. Много комнат — у меня же четверо сыновей. Тут лаборатория. Наверху будет оранжерея: лучок, огурчики, помидоры круглый год. Веранды — для винограда. Попробую вырастить и цитрусы. Отопление будет центральное. На кухне «малая механизация» — жене облегчение.

— Нелегко строиться, это верно, — продолжал хозяин. — За те же деньги можно было два средних дома срубить. Кое-кто посмеивается, знаю. Но мне нужна лаборатория, а колхоз денег на строительство не дает. Чего ж еще ждать?

Кроме того, я хочу, чтобы мой дом служил за образец. Что скрывать, строят у нас на селе еще очень примитивное жилье. Без малейших удобств. Неправда, что нет возможностей. Они ограничены у индивидуального застройщика, это так, но все же имеются. Я вот строю сам, шабашников не зову. Только братья иногда приезжают на помощь. С одной рукой маюсь. А то бы давно уже дом был готов.

Потом они сидели в саду, ели знаменитый «пепин шафранный» — сажены Дядечко привез когда-то от самого академика Лисавенко.

— Тоже шуточки сочиняли, — усмехнулся агроном. — Яблоки в Кунде, вот выдумал... А теперь ходят просят посадочный материал. Так-то оно дается, все новое.

Он вздохнул.

— У себя дома я покажу, что можно выращивать на нашей земле, в наших условиях. Овощи и фрукты сами за себя агитируют. А то ведь не могу убедить правление завести в колхозе хотя бы простейший огород, не говоря уж о тепличном хозяйстве.

Слушает Иван Никитич, смотрит в серьезное, немножко даже суровое лицо агронома и думает: «Да он нисколько не изменился! Та же гордая посадка головы, не улыбочивый взгляд серых глаз и непрестанная, беспокойная работа мысли. Уверенный в себе и сильный, как прежде».

Таким всегда и был Саша Дядечко. Еще в Алтайском сельхозинституте он выделялся. Нет, не наружностью — был он щупл и бледен — но энергию имел необыкновенную. Все ему дела не хватало. В сорок шестом году, на втором курсе, вошел в научное студенческое общество. На опытном участке в Рубцовской степи Саша изучал действие биостимуляторов и влияние на урожай глубины заделки семян и густоты посевов пшеницы.

А недалеко от выпуска он по заданию кафедры селекции и семеноводства заложил еще опыты в Поспелихе. Метался, как огонь на ветру.

Мяча бы погонять или сделать вылазку в кино, — но Саше некогда. Скажут ему ребята: «Не горячись, впереди целая жизнь, успеешь!». А он твердит: «Хочу познать зерно — без этого я не агроном».

И с тем олять укатит в степь, к своим деланкам. Преподаватели прощали ему научную карьеру, но он рвался к земле.

Еще черта была у него заметная — большая впечатлительность.

В известное время такие люди вдвое тяжелее переживали неудачи в сельском хозяйстве.

Вспомнилось, раз летом Саша возвращался из Рубцовска необычно растерянный, поникший.

— Слушай, — беспокойно блестя глазами, говорил он, — ты уверен, что мелкокомковатая структура почвы — главное для урожая?

— Конечно. Об этом же сам академик Вильямс писал. Он даже не рекомендует пасти по парам скот, чтобы сохранить комочки...

— А я, брат, сомневаюсь. Понимаешь, нынче в колхозе поднимали пласт многолетних трав. Семь лет он не знал плуга. Я видел эту землю. Она рассыпалась в ладонях, как гречневая каша. Посеяли пшеницу, ждали небывалого урожая. А что выросло? Я сейчас только оттуда. Ходил по полю и плакать хотелось: семян колхозники не соберут. Ты скажешь, год был засушливый. Так почему же пшеница по пшенице лучше уродила?

Кто мог ответить ему? Все тогда исповедовали «учение Вильямса».

Как нарочно, после окончания института Дядечко угодил в один степной колхоз, который специализировался на семеноводстве многолетних трав.

Ничто так не отягчает душу, как бесплодная работа. Но агроном не сдавался. На совещаниях он говорил «крамольные» речи. Требовал простора для творчества специалистов. Грозился поехать в Москву, к «самому» и рассказать всю правду о деревне.

А год был 1952-й... Говорили Саше благоразумные люди: плуи на все, береги здоровье. Но он не мог наплевать на здоровье свое не берег. Случалось, в посевную либо в страду его насильно отправляли товарищи на олды. Только бессилён был специалист со своей ученостью, когда у хлебороба пропадал интерес работать на земле.

1953-й год встал Дядечко главным агрономом Златополинской МТС. В сентябре с осенними ветрами из Москвы пришли теплые вести. В Барнаул на краевую конференцию он ехал бодрый и уверенный, как никогда.

«Пора кончать с шаблоном в сельском хозяйстве. Земле — полную нагрузку. Последнее слово на поле должно быть за агрономом». С такими мыслями поднялся комсомольский секретарь Дядечко на трибуну. Предполагал ли он, что его неправильно поймут?

Нет, никогда Саша не заботился попасть «в унисон». Говорил, что думал.

Но культ личности, тогда еще не названный своим именем, был в силе.

Секретарь крайкома, человек властный, хотя в сельском хозяйстве малосведущий, трижды подавал реплики из президиума: «Ты что же, против государственной дисциплины? Против науки? Анархист!».

А Дядечко, он из тех, что не гнутся, а ломаются. Всю ночь в гостинице он не спал, ходил возбужденно по тесному номеру, садился, что-то

писал. Ни с кем не разговаривал. А утром отправился на прием к тому самому секретарю.

... Прямо из кабинета Сашу увезли в больницу, и Иван Никитич надолго утратил с ним связь.

— Как жил я все эти годы? Разно жил, — рассказывает апроном. — Вышел я из лечебницы целинной весной 1954 года. Место мое в МТС оказалось занято. Предложили ехать в другой район. Я решил остаться в Златополе, в здешнем колхозе.

Деревня была на подъеме. Тут бы только и развернуться как следует, да не так-то легко освободиться от старого, когда у него корни многолетние.

Травы и чистые пары мы, правда, распахали еще в 1956 году, заменили их кукурузой. Ввели безотвальную вспашку зяби. В наших местах она помогает накапливать снег зимой: на летние осадки надежды мало. Урожай у нас что ни год на два—три центнера с гектара выше, чем в соседних хозяйствах.

Но сказать, что навели порядок на земле, я пока не могу. Да, теперь у нас научно-обоснованная система земледелия. Споры утихли. И я мечтаю: вот если б на практике так скоро добывалась победа, как в теории. Озолотились бы!

Но правопольщики висят еще на плечах, хватают за ноги. Ты не гляди, что он на трибуне хорош, что так ловко пускает словечки-коленки. Проверь, у него кукуруза потонула вся в лебеде. А горох посеян в таком месте, где сроду и бурьян не рос. Трав нет, так теперь ему пшеницу подавай для скота.

А с другого фланга тоже наш старый враг — шаблон в агротехнике. Дай ему устояться — любую, самую лучшую систему земледелия погубит.

Дядечко говорил, все больше увлекаясь:

— Знаю я такой сорт людей: он всегда держится за «генеральную» линию в науке и никогда в теории не ошибется. А дать ума каждому куску земли не может или не хочет. На этом углу и расходится наука с жизнью.

Возьми пропашную систему. Она требует, чтобы треть посевной площади занимали кукуруза с бобами и горох, как лучшие предшественники зерновых. Значит, приходится доставлять скошенную зеленую массу с любых, даже самых отдаленных полей к фермам, а в обратном направлении везти органические удобрения. Так это и делается по сей час.

А по-моему, принцип должен быть такой: корова сама идет к кормам, удобрения заготавливаются вблизи полей. Следовательно, надо силос закладывать на месте, в поле. Там же устраивать летние передвижные лагеря для скота. Я даже проект временных построек набросал, как-нибудь покажу. Можно в лагере наладить приготовление навозо-земляных компостов по методу Лысенко. К фермам же придется подвозить только ту часть силоса, которая будет скармливаться зимой, в самое бездорожье.

Лучший это выход из положения или не лучший — не могу утверждать. Давайте разберемся спокойно. Допустим, ты не согласен. Тогда предложи другое. Главное, думай, думай, думай!

Смотрит Иван Никитич на агронома круглыми глазами и думает: а ведь он сделает! Все сделает, о чем иной боится и помечтать. А вслух говорит:

— Ты, Михалыч, подготовь свои предложения. Обсудим на совете управления...

Дядечко молча накрывает руку Ивана Никитича левой своей рукой. Она у него опромная, не по фигуре, и шершавая — рука хлебороба.

В жаркий по-летнему день в начале сентября мы сидели с молодым инженером Златополинского филиала кулундинской «Сельхозтехники» в тени дощатого склада. Напротив из открытых дверей мастерской доносились характерное гудение и шипучий треск электросварки. Там в спешном порядке делались лемеха-силачи.

— Очень просто: берем отработавший лемех и привариваем к нему пластины из рессорной стали, — пояснил инженер. — И эта вещь выдерживает десять смен. А новый лемех — только до обеда. Земля мягче сухая. Если бы не это приспособление, то вряд ли зяби напахали.

На дороге из колхоза показался старенький вездеход неопределенного цвета. Человек, сидевший за рулем, вел машину как-то странно. Было видно, что правая рука только лежит на баранке, а всем управляет левая. Вместе с тем, «газик» приближался довольно быстро. В шофере мы без труда узнали Александра Михайловича Дядечко, главного агронома колхоза имени Ленина.

— Вы знаете, — оживился инженер, — Дядечко еще до получения рекомендации из Барнаула начал мудрить над приспособлениями. И, в общем, его мысль была правильной.

Между тем, Александр Михайлович вышел из машины и направился в дальний конец двора, к большой куче сваленного там металлолома. Правую руку он держит в кармане, отчего плечо заметно приподнято, а левой сильно размахивает на ходу. Шагает он широко — как все люди, привыкшие ходить по свежевспаханым полям и по строчкам скошенной пшеницы.

Выбрав из хлама несколько рессорных листов, Дядечко так же спорно зашагал обратно к мастерским.

Было немного непривычно видеть агронома за таким делом: где же колхозные механики, не им ли заниматься этими самыми лемехами?

Но после всего, что я узнал об этом человеке, удивлению не оставалось места. Встречались мы не один раз. Был я у Дядечко на участке, видел и сад, и дом. Тот самый дом, что уже восьмой год дает пищу районным острякам.

Впрочем, эти местные анекдоты не очень смешны. Все так по-хоро-

шему понятно: человек украшает свое жилище, свою усадьбу. Для Кулунды это ново. Но кто-то должен начать первым!

Сделать жизнь на сибирской земле не просто сносной, но и привлекательной — это уже не шутка.

Слышал я, между прочим, что Дядечко отлично рисует. Александр Михайлович и сам проговорился: «Вот перейду в новый дом, тогда можно будет всерьез живописью заняться. Сейчас некогда. Да и негде».

— Вон там видите сарай и горку глины? — перебил мои мысли инженер. — Это завод кирпичный. Забавная у него биография. Неужто нигде не слышно?

Задумала «Сельхозтехника» выпускать свой кирпич. Купили два пресса, один из них установили. А доверили его абсолютно безграмотному человеку. Скоро посыпались жалобы: кирпич никуда не годится. Но наделать успели много. Теперь производство забросили. Второй пресс даже не собрали. И первый стоит без дела. Убытков тысяч на пятнадцать, если не больше. Щедрина на них нет. И прокурора!

— Да кто же позволил такое головотяпство?

Инженер пожал плечами: кажется, все нормальные люди, не дураки вроде.

И от этого сделалось по-настоящему грустно. Хоть были бы дураки...

...Гудела и брызгала голубыми искрами электросварка. Дядечко подхватывал готовые лемеха и грузил их на машину. Эта работа поглощала все его внимание: человек очень спешил.

А картин своих он так и не показал. Постеснялся.

*с. Златополь,
Кулундинский район.*

Геннадий Володин

НОВЫЕ СТИХИ

ЗАМКИ

Замки.
Они сторожевыми псами
Везде надежно охраняют двери.
Висят,
В людей, в их честность не поверив.
А кто виновен в этом?
Мы же сами.
Их вешаем на двери,
На ворота,
Сараи охраняем от кого-то
Стальной этой неподкупной стражей.
...А вот сердца.
Ведь в них почти что каждый
Входит, как в комнаты,
Имеет право,
Каким хоть будь он злым или лукавым:
Ведь мы сердца не держим под замком.
Так неужели мы их ценим ниже,
Чем кладовые с пыльными мешками?
Нет!
Чтоб взгляд потомка не обидеть
Замком,
Хранившим сытый двор купца,
Все сделаем,
Чтоб можно было видеть
Дома,
Распахнутые, как сердца.

Под ногами скрипят половицы —
Я в таежной избе кособокой
И глядит на меня с божницы
Кто-то гордый
И очень строгий.
Может, это Христос?
Едва ли...
Или, может, святой какой-то?
Нет —
Святых ведь не рисовали
В домотканых косоворотках.
Ну, а этот —
Грудь нараспашку
И веснушками нос исклеван.
Я спросил у хозяйки:
— Мамаша,
Это кто такой намалеван?
И она,
Осуждающим взглядом
Посмотрев на меня,
Сказала:
— Это муж мой...
...Под Волгоградом...
Отвернулась и замолчала.

О, как она плясала
У сдвинутых столов!
Казалось:
Не касалась
Подошвами полов.
Летали гибко руки
И хлопали влопад.
Наполненные рюмки
Потенькивали в лад.
Потом,
Сгасив чертинки
В хмелеющих глазах,
За дверь метнулась Нинка,
Ни слова не сказав.
Метнулась и пропала,
Пальто оставив тут.

И свадьба замолчала
На несколько минут.
А я тогда смутился
Под взглядами парней:
Так вышло —
Я женился,
Женился не на ней.

ПЕТУХИ

И я курил вергун взатяжку,
Плясал под выдохи мехов,
Носил на ворота рубашки
Расшитых ярко петухов.
Хотя по-деревенски чокал,
Был среди первых заводил.
И провожать свою девчонку
В село соседнее ходил.
На тропке,
Где не разминуться,
Меня соперник мой встречал,
Готовый в эту же минуту
Мне двинуть со всего плеча.
Никто не отступал ни шагу,
Но волю не давал рукам.
Лишь петухи, полны отваги,
Адели по воротникам.

Л. МЕРЗЛИКИНУ

На лугу,
Где в логах заосоченных
Дергачи скрипят,
Как сто телег,
Ляжем,
Загасив костер в полночь,
На стогу устроив свой ночлег.
О любви заспорим,
Как бывало,
По-мальчишьи,
Опыт свой презрез.

Будут звезды падать за увалы,
Будто вишни,
За ночь перезрев.
А когда уснем под вскряки уть,
Руки разметав над головой,
Жены нам приснятся почему-то
И во сне нас уведут домой.

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

Г. Комраков

НА ГОРЕ

РАССКАЗ

Мы поднялись на гору. Прямо над нами — лодными руку, достанешь! — северный ветер гнал клочья грязно-серых туч. Внизу, где-то далеко-далеко, неуклюжий теплоходик с громким названием «Передовой» разворачивал тупорылую баржу.

От Гошки пахло спиртом. Он стоял рядом и говорил, говорил, говорил. Я не знал, зачем все это, но терпеливо слушал. Я не

мог не слушать. Гошка — мой непосредственный начальник, механик «Передового», на котором я ходил мотористом...

Гошка прошел медные трубы. Его огненно-рыжую бороду знали на всем побережье от Пивека до Хатанги. Хотя Гошка был старше нас с Иваном всего лет на шесть, мы откровенно благоговели перед ним. Он выпил на своем веку цистерну спирта, знал тысячу занимательных историй и ко всему этому был по-настоящему хорошим механиком. Когда Гошка, заступая на вахту, оглушительно рывкал: «На редан!» — и выводил до отказа рукоятку подачи топлива, ей-богу, наш изрядно потрепанный стопятидесятицилиндровый двигатель рокотал веселее. А когда он, заложив «с устатку» стакан спирта, начинал рассказывать, как он ходил на свой страх и риск на углу суденышке спасать экипаж самолета, сделавшего вынужденную посадку на рыхлую льдину, мы, боясь пропустить хотя бы слово, готовы были слушать его без выходных...

Над моей головой облака. Под ногами свинцовая гладь реки. Перед глазами лицо Гошки, обрамленное жесткой шотландкой. Гошка говорил о Клаве...

Клава... Она приехала к нам в начале зимы. Как сейчас помню ее, окоченевшую, кулем свалившуюся с нарта у крыльца конторы. Я помог ей стянуть с плеч малицу и отряхнуть с пальто прилипшие волоски. Я первым из обитателей нашей зимовки увидел ее лицо, сведенное морозом в неподвижную маску. Я был первым, кто услышал ее голос. Почему я?

С реки донеслись тревожные сигналы «Передового». Большая донная льдина, уже размытая вешними водами, но еще достаточно грозная

из-за своей массы, нагоняла баржу. На корме баржи суетился шкипер. Он выставил навстречу льдине багор и что-то отчаянно кричал, вероятно, звал на помощь. К шкиперу с багром наперевес бежал его матрос. Багры в руках людей отсюда, с горы, казались соломинками. Что можно сделать этими былинками против такой махины?

— Сейчас будет дело, — хрипло проговорил Гошка, хватая меня за плечо.

Но дела никакого не было. Почувствовав сопротивление, льдина на мгновение приостановилась и вдруг распалась на множество мелких кусков.

— Пофартило Кузьмичу, гнилой уже лед, а то было бы дело, — сказал Гошка, и в его голосе мне послышалось сожаление.

Кузьмичем звали шкипера пятьсот девятнадцатой. Если бы льдина стукнула его деревянную посудину, пришлось бы старику закалять свой радикулит в ледяной купели.

Прекратив сигналить, «Передовой» снова поволок баржу к берегу. Мы закурили.

— А помнишь, Яшка, как вы крутились возле Клавки? — вернулся Гошка к прежнему разговору.

Да, я помню все. В маленьком поселке появилась одна-единственная девушка. С ее приездом для нас началась новая жизнь. Мы — это Иван Сапожников и я. Гошка не шел в счет, хотя именно он был третьим холостяком в поселке. Во-первых, он старше нас. Во-вторых, ходил с бородой. В-третьих... Да разве мало причин, по которым выходило, что в нового штурмана должны влюбиться именно мы.

Приезд Клавы внес много изменений в нашу жизнь. Я, например, стал ежедневно бриться, хотя тупым лезвиям «Метро» на моих щеках работы не находилось. А Иван остаток зимы проходил в роскошной мичманке с огромной капустой...

Клава жила на квартире у начальника затона. Мы приходили к ней в комнатку каждый вечер. Мы смотрели на Клаву тоскливыми взглядами и острили так, что самим было тошно от собственного скудоумия.

Ей, новичку, мы с Иваном сначала, наверное, казались такими полярными волками, землепроходцами, что ли... И только некоторое время спустя Клава ошарашила нас:

— А знаете, мальчишки, мне всегда казалось, что в Арктике работают какие-то особенные люди... Смелые, мужественные, бывалые, как... как ваш механик.

И все-таки не знаю, что чувствовал Иван, а мне было невыразимо хорошо сидеть в одной комнате с Клавой, слушать ее смех... Мне было даже хорошо и легко соглашаться с ней во всем, что бы она ни сказала, хотя я вообще страшно люблю спорить.

— Я ведь все знаю про вас, — отвлек меня от воспоминаний хриплый голос Гошки. — Знаю даже, что тебя Иван побил из-за нее...

Я почувствовал, как у меня горят уши. Вероятно, и физиономия

моя стала пунцовой, потому что Гошка, захохотав, принялся успокаивать:

— Ладно, не бойся, никто не узнает... Могила, — постучал он кулачком себе по груди. — Дело прошлое, чего там...

Дело, действительно, прошлое. Но было это словно вчера. Наша дружба с Иваном дала трещину. Мы стали сторониться друг друга. Обычно широко раскрытые, зеленоватые глаза Ивана все реже и реже встречались с моими. Я стал завидовать ему. Иван кончил речной техникум. У него имелось звание и узкий галун на рукавах парадного кителя. Я же мыкался по свету со справкой, в которой указывалось, что Яков Пильман проучился полгода в восьмом классе. Иван плавал помощником механика, я — мотористом. Мне не довелось учиться. Когда пришла похоронная, мать, которая и до этого еле держалась на ногах, слегла окончательно...

Я, конечно, догоню Ивана, потому что восьмой и девятый классы я уже кончил заочно. Остался год, а потом — прощай «Передовой», и здравствуй мореходка!. Но пока я завидовал Ивану. Во время навигации мы с ним на равных — семь часов у машины. Зато зимой, до ремонта теплохода, я ходил пилить дрова, поднимать изо льда баржи, а Иван в это время сидел в конторе, составляя дефектные ведомости, заявки на запчасти. Но, по-моему, ни черта он там не делал, потому что нельзя находиться рядом с Клавой и заниматься какими-то посторонними делами. Он глазел на нее целыми днями — это точно.

Я кончал работать на час раньше Ивана. Приходил домой со взмокшей спиной, несмотря на мороз. До его прихода успевал умыться и немного поваляться на кровати.

Один раз Иван вернулся из конторы необычно возбужденным. Пожевав на ходу колбасы, он полез в чемодан, достал свою лучшую сорочку, голубой галстук с яхтой под парусом и, насвистывая какой-то мотивчик, стал одеваться. Я спросил: «Куда?». Иван перестал свистеть и независимым тоном ответил: «Понимаешь, у Пироговой с отчетом не ладится. Просила помочь»...

Он так и сказал: «у Пироговой».

Я встал и натянул свитер. Покосившись на меня, Иван спросил в свою очередь:

— А ты куда, если не секрет?

— Как всегда, к Клаве...

— Хм, не предполагал, что ты согласишься в отчетах по навигации... Вряд ли тебе найдется сегодня занятие. Мы будем работать. И потом... По-моему, она тебя не приглашала.

Я действительно ничего не смыслил в отчетах, но зато отлично понимал, на какую банку хочет посадить меня Иван. Почему он решил, что Клаве с ним лучше, чем со мной?..

Я сказал: «Ты трусливый обманщик!». Иван молча подошел ко мне и двинул в ухо. Я не попытался дать сдачи — он намного сильнее меня.

Я опять сказал: «Обманщик!». Иван еще раз ударил меня и ушел.

Я долго лежал на кровати, не зажигая в комнате огня...

Невдалеке, ниже нас, пролетела пара лебедей. Тяжелые птицы, неторопливо махая крыльями, плыли поверх тумана, спускавшегося к реке.

— Видал? — кивнул Гошка во след лебедям. — Говорят, одного убей — другой сам в камни вштопорится... Вранье! Прошлой осенью лебедку срезал, так он, фраер, не дурак — не оглянулся даже... Сказки все! Кормят нас сказками, а мы, ослы, уши развесили — радуемся.

Гошка достал из глубокого кармана комбинезона плоский флакон. Спирт нежно голубел.

— Хочешь? — спросил он.

Пить не хотелось, но, чтобы избежать неминуемых в таком случае уговоров, я молча протянул руку. От трех глотков во рту все высохло. Гошка допил остальное, шумно выдохнул и снова закурил.

«Передовой», наконец, подтянул баржу к берегу. Иван — он стоял сейчас на вахте — заглушил двигатель. Стало очень тихо. Долетел говор грузчиков. Они уже налаживали узкие, пружинистые сходни, открывали трюмы. Мне захотелось спуститься и, заняв место в бесконечной круговой цепочке, таскать мешки до тупой боли в поясице. Я люблю таскать муку. Жаль, что больше чем на пять мешков меня не хватает... Иван может таскать не хуже грузчиков, но не любит. Он говорит, что любовь к тяжелому физическому труду — признак недостаточного развития мыслительного аппарата. Это в мой огород. Черт с ним...

— Все-таки вы меня благодарить должны, — неизвестно для чего Гошка поворачивает разговор в старое русло. — Быть бы вам смертельными врагами, если бы не взял я Клаву. Считаю, помирил вас...

В его словах была доля правды. Когда Клава стала женой Гошки, причин для вражды не осталось...

Гошка долго не замечал Клавы. Единственное, до чего он снисходил, — это при встрече, оттянув двумя пальцами край берета, сказать: «Привет покорителям Севера...» А потом, уже во время навигации, когда в машине часто нечего делать вдвоем, он стал подниматься на мостик и, если на вахте стояла Клава, небрежно облокотившись на леерную стойку, принимался рассказывать «за жизнь». Может быть, именно тогда у них все началось? А может быть, в ту ночь, когда мы брали груз с парохода «Миандра»?..

После вахты я забежал в камбуз чего-нибудь перехватить на сон грядущий. Налил чаю, намазал на хлеб масло. Сижу, жую, смотрю в открытый иллюминатор. Ночь была еще совсем светлая, но на небе уже появились первые сполохи полярного сияния... Вдруг, совсем рядом, слышу Гошкин голос:

— Для тебя экзотика, а для нас, старых полярников, вся эта музыка не стоит одной женской улыбки... Я люблю Арктику, а она не любит

женщин... Не живут они здесь — летят, как птицы в теплые края... Жизнь идет, девочка, а ни семьи, ни ласки...

Потом Гошка почти зашептал:

— Мне бы такую найти, чтобы за мною на край света пошла... Чтобы пурга, мороз, штормы, а мы вместе... Видишь эти руки? Я же медведя белого задушу, как щенка, а тебя... тебя я унесу, куда захочешь.

Да, не знаю, когда у них все это началось, но помню, однажды Клава, не глядя на меня, спросила:

— Как ты думаешь, трудно на севере всю жизнь прожить?

Я ответил противно, совсем как в кино:

— Если друг рядом — не трудно.

Я ответил так, думая о себе. А она...

Это было уже перед Новым годом. Она пришла к нам в одном платье, несмотря на страшный мороз. Глаза ее блестели, волосы немного растрепались, губы припухли. Посмотрев на наши недоуменные лица, Клава дурашливо захохотала и повалилась на мою кровать. В тот же миг мои глаза, впервые за долгое время, встретились с взглядом Ивана и мы подумали одно: пьяна.

— Вы что же, не рады? — капризно спросила Клава. — Или вас удивил мой вид?.. А-а, вы не знали, что я пью водку... А я пью! В техникуме, на выпускном, сразу две рюмки сливянки выпила... А сегодня—спирт. Давай, Ваня, выпьем!

Иван, видимо, настолько обалдел, что не нашел ничего лучшего, как поставить на стол полбутылки разбавленного спирта, закрашенного вишневым экстрактом. Но Клава не стала пить. Она поднялась с кровати и одним движением поправила волосы.

— Спасибо, мальчики, — очень тихо и очень серьезно, точно не она только что была пьяной, сказала Клава. — За все спасибо...

Потом она подошла ко мне и, прежде чем я что-либо сообразил, спокойно поцеловала меня. Это был первый-первый поцелуй, который подарила мне девушка. Но этот поцелуй я скорее осознал, чем почувствовал. Это было совсем не то, хотя бы потому, что после меня Клава так же спокойно поцеловала Ивана. В дверях Клава снова остановилась.

— Вы очень хороши, добрые мальчики... Вы милые, но... мальчики.

Самое обидное — она в чем-то права.

Так ушла от нас Клава. Ушла к рыжему Гошке, а нам оставила горе. Ведь это действительно горе, когда уходит любимый человек... Мы остались одни. Нам казалось, что Клава предала нас, что произошла какая-то ошибка, и в том, что она произошла, виноваты, в первую очередь, мы...

—...Ты что, оглох?

Гошка тряс меня за плечо.

От выпитого спирта слегка кружилась голова. Я посмотрел на Гошку и первый раз за все время спросил себя: «Зачем я здесь?» А вслух сказал:

— Пойду, скоро Ивана сменять...

— Погоди, успеешь. — удержал меня Гошка. — Разговор еще не закончен. Ты меня понял?

— Чего — понял?

— Эх, как тебя с трех глотков разобрало, — ухмыльнулся он. — Битых полчаса ему толкую, а он хоть бы хны... Я говорю, как щенки, тычешься носами, а куда, зачем, сами не знаете... Жить не умеете!

Черт возьми! Я уже раньше слышал эти слова. Я помню, как к маме приходила Хана Абрамовна и, выкладывая прямо на постель брикеты сливочного масла, каким-то чудом добытые на продуктовые карточки, хищно шипела: «Жить не умеешь»... Мне хотелось бросить брикеты прямо в усатое лицо Ханы Абрамовны, но масло очень было нужно больной маме. С тех пор, когда мне говорят, что я не умею жить, во мне что-то настораживается.. Меньше всего мне хотелось бы слышать эти слова от Гошки, но он их сказал. Он сказал больше:

— Вот хотя бы ты, Яшка. Кто ты и что ты? Так себе, существо... И чтобы выбиться из этого ранга, ты уже два года морочишь себе голову всякой чепухой... Я же тебя насквозь вижу. Дай тебе место механика на теплоходе, и ты на всю науку плюнешь...

Я молчал. Я не стал объяснять Гошке, что никогда не брошу учебу, потому что мореходное училище — моя мечта. Гошка — сильный механик, но когда я кончу мореходку — буду сильнее его.

А он продолжал:

— Самое главное — пока молод, не суй шею в хомут... Не бери пример с меня, дурака. Надел я себе, Яша, кандалы, плакать хочется. Теперь она мне наследника обещает. — Гошка грязно выругался. — А за чем мне наследник? Я не Вандербильд, мне завещать нечего... Если бы я всех наследников собирал, то северных надбавок на алименты не хватит...

Вот оно что!.. Клава, Клава.. Почему ты не осталась с нами? Пусть не со мной — с Иваном. Мы не такие уж мальчики, мы все понимаем, Клава.. Почему ты не с нами, а с этим?

— Слышь, Яша, предложение деловое есть, — дышал на меня перегаром рыжий Гошка. — Я ведь чую, она на меня телегу катит, под регистрацию подвести хочет... Давай так: услуга за услугу, как подобает честным морякам... Я тебя помощником устрою, хочешь?

— А Иван?

— Салага ты беспонятливая, Яшенька, Иван механиком будет. У него техникум...

— Тогда выходит — тебе работы нет?

— Мне? Ха-ха, — раскатился Гошка. — Меня, брат, хошь на Диксоне, хошь в Тикси встретят по-пански. Только мне эти, как у нас в газетах пишут, — шумные перекрестки арктических морей — не по душе. Я поспокойнее ищу места. Вот по рации уже с одним кирюхой перемигнулся: на Быков мыс зовет...

— Так в чем же дело, причем здесь я?

— А притом, миляга, — с Гошки слетела вся дурашливость, — что мне сматываться приспело, а хвост здесь оставить... Неприспособленный я для пеленочной жизни, понял?

— Чего же ты хочешь от меня?

— Вот это уже по-нашенски, по-моремански, — Гошка вплотную приблизился ко мне. — Пустячок нужен, Яша, в два счета обстригаем дельце — метод испытанный... Значит так... Слушай. Придем завтра в затон ночью, я тебе ключик от двери дам. Зайдешь в мою хату, потихоньку разденься и подваливай к Клавке — она крепко спит. А я вас будто бы накрою, шум подниму... Ты не пугайся, как я шуметь начну, скажи, мол, пьяный, двери перепутал... И все. Остальное я сам доделаю... Понял? Тут, знаешь, без шума тикать никак нельзя. Искать еще придется... А так я будто взревную — и концы в воду. А ты помощником у Ивана. Понял?

Я молча поднялся. Все дрожало у меня внутри. Гошка тоже, тяжело опираясь растопыренными пальцами о камни, поднялся и встал рядом со мною.

— Ну как, Яша, заметано? — спросил он, наваливаясь на меня.

Я никогда никого не бил. Наверное, это получилось у меня неумело. К моему удивлению, Гошка пошатнулся, взмахнул руками и покатился с горы. Он бился о камни и что-то кричал, пока не зацепился за острый выступ скалы. Потом он поднялся, провел ладонью по лицу и, увидев кровь, по-волчьи взвыл. Он полез вверх, изрыгая все ругательства, которые знает Арктика. Он цеплялся за карликовые березки, прочно вклинившиеся свои корни в едва заметные расщелины, он карабкался на четвереньках, как большой паук с глазами, налитыми бешенством. Он кричал, что сейчас сделает из меня камбалу... Я мог бы убежать, но было противно. Я не хотел бежать от Гошки. Я ждал его, хотя мои зубы выбивали дробь. Как только он схватился руками за край камня, на котором мы стояли, и, подтянувшись, положил на выступ свою квадратную бороду, я ударил ногой...

Это не по правилам. Я знаю. Но когда бьют таких, о правилах не думают...

Я стал спускаться с горы. Надо мной северный ветер очищал небо от грязных клочьев. Я не боялся спускаться вниз, потому что там не только Гошка, там люди.

Анабар — Рубцовск.

Александр Эдоков

КОМАНДИРОВОЧНОЕ

Считаю нудный стук копыт,
Полдня в седле — не до сноровки.
Мой конь устал,
Мой конь храпит —
Мы с ним опять в командировке.
Его я силы берегу:
На сотни верст — ни полустанка.
Наш путь — к белкам, через тайгу,
К чабанским стойбищам-стоянкам.
Настигнул сумрак.
Жгу костер,
Зарылся в мох...
Совсем по-барски...
Какой закат!
Какой простор!
Да, тут не в кресле секретарском...
Ковер цветов передо мной:
Ромашки, розовые маки,
Вон колокольчик голубой,
Гвоздик оранжевая накипь.
А вот и ночь...
Черно — ни зги,
Шумят березки-невидимки,
И в блестках млечной мелюзги
Трезвонят тихо звезды-льдинки.
Ни передать, ни рассказать.
Все небо в лунных мгlistых перьях,
Как наяву — ни дать ни взять —
Куинджи
Или даже Рерих!

И что-то там гудит-поет,
Тайга в краю озерных линий,
И чудно-нежное встает
В напевах скрипок Паганини...
Умерь восторженный угар!
Давай вернемся к будням нашим,
Нам завтра встретится Айдар —
Чабан урочища Ак-Таша.
Мы с ним пообедем, оглядим,
Зайдем в аил, очаг раздуем,
И постоим, и посидим,
О том и этом потолкуем.
...Но вот опять видений шквал,
Опять мираж...
По крайней мере,
Мой конь — красавец Буцефал,
А не какой-нибудь там мерин.
А я?..
Я — не бумажный жук —
Корсар с серьгой и усами,
Я в Шервурдском лесу брожу,
Я вольной братии служу
На бригантине с парусами.
Я — вот он! Голову сломя,
Сквозь гул и дым, мольбы и стоны
Веду своих комсомолов
На штурм гранитных бастионов!
Но... Нет виденья моего:
Тебе, старик, уж двадцать пятый...
И ты, должно быть,
Чуть того...
Свихнулся что ли,
Или спятил?..
А сердце — нет,
Оно — неймет,
Оно кричит, зовет:
«Восстаньте!..»
Надеюсь, всяк меня поймет,
Кто сердцем лирик иль романтик.
Читатель скажет:
Блажь и брак,
И не погладит по головке...
А я свое:
Что ж, коль не так,
Попробуй сам...
В командировке...

КУБИНСКАЯ РУМБА

Нет, Куба — не только гитара,
Экзотика,
Танцы и гавани.
Нет, Куба — не только сигары,
Что из самой Гаваны.
Нет Куба — не только Кастро
И ярость в наганьем дуле,
Не только
Бутоны астр
На месте, пробитом пульей.
А Куба —
Из той же гавани,
Что стало уже нарицательным,
А Куба — твоё недавнее,
Что было в двадцатых,
Тридцатых...
А Куба — из той же смеси,
В чём мы закалялись в стали,
В чём были мы злы и веселы.
Чем были — и чем мы стали!

ЮНОСТИ

Тебе всегда бы
Звучанье скерцо
И буйный говор
Полета-танца,
Тебе в груди бы,
Тебе бы в сердце
Нетленный всполох
Протуберанца!
Тебе бы сжатость
Стиха и прозы,
Волнение гимна
И грусть романса,

Тебе бы
«Рондо-капричиозо»,
Не жалко даже
Всего Сен-Санса!
Тебе века бы,
Чтоб видеть, вызнать,
Тебе всего бы,
Что всех дороже,
И лозунг-солнце
В дороге-жизни:
Летать рожденный —
Ползти не может!

Лев Квин

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал...

Павел КОГАН, молодой советский поэт, погибший на фронте Великой Отечественной войны.

УГОЛ И (Чья вина?) ОВАЛ

Драматическая история в 2-х частях
с прологом

Пьеса поставлена Алтайским
краевым театром драмы

Электронная библиотека АКУНЬ, akunlib.ru

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- ДАНИЛОВ**
Иван Афанасьевич — директор завода, в прошлом командир партизанского отряда. Про него говорят, что он не жалеет ни себя, ни других.
- КОВРОВ**
Сергей Владимирович — председатель горисполкома, в прошлом командир роты в партизанском отряде. Мягкий, обходительный. Многие именно так и представляют себе идеал руководителя.
- АНТОНИНА** — его жена, партизанская разведчица. Память о ней жива и сейчас.
- КИРИЛЛ** — их сын. Парень явно неплохой, но гвоздей из него пока не сделаешь.
- ЛЮЛЬКО**
Александр Петрович — заведующий горкомхозом. Человек очень нервный.
- КЛАВА** — его дочь, секретарь заводского комитета ВЛКСМ. Девушка с характером.
- ШЕВЦОВА**
Анна Семеновна — секретарь Коврова. Женщина одинокая, отнюдь не сухарь.
- ТЕТЯ НАСТЯ** — пенсионерка. Это серое безликое слово часто заслоняет от нас человека.
- СЕНЯ** — молодой партизан из роты Коврова.
- ПОЖИЛОЙ ПАРТИЗАН** — тоже из роты Коврова.
- БЕЛЯЕВ** — горе-Кулибин атомного века.
- ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР** — пожилой честный специалист. Его дело — продукция.
- СЫН БЕЛЯЕВА** — совсем еще юнец.

Действие происходит в наши дни, когда людям, строящим будущее, прошлое постоянно напоминает о себе.

ПРОЛОГ

На затемнении звучит тревожная мелодия военных лет. Мелодия становится тише. Лучи прожекторов выхватывают из темноты напряженные лица командира партизанского отряда Данилова и командира роты того же отряда Коврова.

Ковров. И ты все-таки посылаешь?

Данилов. Да.

Ковров. Антонину?

Данилов. Война, Сергей.

Ковров. Иван, это уже не война — это безумие. Ты же сам говоришь: там хаос... Давай переждем. День, два... Пока прояснится. Иначе ее тоже схватят.

Данилов. Не бойся, не схватят.

Ковров. А Болдина?

Данилов. На мне отряд, Сергей. Целый отряд. Пятьсот штыков.

Ковров. Штыков!.. (Пауза). Посылай меня!.. Я пойду вместо Антонины.

Данилов. Ты вместо Антонины, повар вместо радистки, радистка вместо тебя...

Ковров. Ты посылаешь ее на бессмысленную гибель... Отмени приказ!

Данилов. Потому что она твоя жена?

Ковров. Нет! Сейчас никого нельзя посылать. Это погибель. Напрасная. Из-за твоего бессердечия!

Затемнение.

ЧАСТЬ I

Тревожная мелодия, звучавшая в прологе, сменяется спокойной, широкой. Из темноты постепенно возникает картина мирного строящегося города. Новые здания, строительные краны, заводские трубы. Все светлее, светлее... Это, оказывается, вид из широкого окна кабинета председателя горисполкома Коврова. Обычная учрежденческая мебель. На отдельном столике макет жилого дома. Несколько неожиданно выглядит на стене копия с «Неизвестной» Крамского.

Входит Шевцова с папкой, газетами и пучком карандашей в руках. Идет к письменному столу, ставит карандаши в вазочку, прибирает на столе. Все это она продельвает тщательно, любовно.

Что-то в одной из принесенных ею газет привлекает ее внимание. Разворачивает, начинает читать.

Входит Люлько. Подбирается потихоньку к Шевцовой.

Люлько. Кхе-кхе...

Шевцова. Ой!

Люлько. Добрый день, Анна Семеновна.

Шевцова. Разве можно так, Александр Петрович?

Люлько. Уж очень вы пугливая... Не вернулся?

Шевцова. Еще нет.

Люлько (*берет из вазочки очиненный карандаш*). Интересно.

Шевцова (*отбирая у него карандаш*). Обыкновенный красный карандаш.

Люлько. Обыкновенный! Да они у Сергея Владимировича всегда, как пики перед боем! А у меня...

Шевцова. Не ломайте!

Люлько. Не в этом дело. Сергей Владимирович тоже ломает...

Просто, вы ему чините что-то уж очень часто. (*Смеется*). А?

Шевцова. Станете председателем горисполкома — вам тоже будут часто чинить.

Люлько (*смеясь*). А заведующему горкомхоза карандаши по штату не положены?

Шевцова. Почему? Положены. Тупые.

Люлько (*смеется*). Ого!

Открывается дверь. Просовывается голова Беляева.

Беляев. Я извиняюсь... Товарищ председатель горисполкома еще не приехавши?

Люлько. Еще не приехавши. И вообще, сегодня не приемный день.

Беляев. Ничего, я попозже. Может, примут они (*исчезает*).

Люлько. Что за фигура?

Шевцова. Изобретатель.

Люлько. Каменного топора?

Шевцова. Снегоуборочной машины.

Люлько. Сей сложный механизм состоит из двух основных частей: а) черенок, б) лопата...

Шевцова. Напрасно смеетесь, Александр Петрович. Идея довольно оригинальная. Снег растапливается электричеством и тут же, на месте, сливается в канализацию. Никакого транспорта. Сергей Владимирович считает, что нужно поддерживать.

Люлько. Сергей Владимирович!.. Скоро он все-таки, не знаете? Позвонил, попросил зайти, а сам...

Шевцова. Машина уже ушла.

Люлько. А...

Шевцова снова углубляется в газету. Люлька расхаживает по кабинету. Звонит телефон. Люлька, который в этот момент ближе к телефону, чем Шевцова, сделал ей знак рукой, снимает трубку. Зрителю слышен последующий разговор.

Люлька. Да.

Трубка. Сергей?

Люлька. Сергея Владимировича нет. Кто спрашивает?

Трубка. Данилов. Я позвоню попозже.

Люлька (кладет трубку, ходит по кабинету, вспоминая). Данилов... Данилов... (Вдруг застывает на месте и стоит посреди комнаты в глубоком раздумье.)

Шевцова (опуская газету). Да, интересно...

Люлька (машинально). Что?

Шевцова. Помните, на вокзале драка была, милиционера зарезали?.. Лет восемь назад... Так вот, убийцу только теперь поймали. Счетовод на лесопункте. (Подает ему газету) Женатый, дети...

Люлька. Восемь лет... (Читает).

Шевцова (задумчиво). Молодой совсем. Тридцать два... Жалко как-то... Вот знаю, что убил... И все равно... Гадко и жалко...

Люлька (продолжая читать). Сергея Владимировича школа. Всех жалко. Червячка. Бабочку. Бабищу...

Шевцова. Знать бы, какая у него жизнь была все эти восемь лет. Забыл обо всем?.. Или мучился?.. На вид человек, как человек. На счетах шелкал, цифры считал... Говорил с людьми, смеялся... А сам, может быть, все об одном: поймают — не поймают, поймают — не поймают...

Люлька (не отрывая взгляда от газеты, иронически, подделываясь под ее тон). Днем думал, ночью думал...

Шевцова. Вам все шуточки... Семье-то каково! Бедная жена...

Люлька (по-прежнему иронически). Бедные детки...

Шевцова. Да!.. Они-то в чем виноваты, скажите? Муж, отец... Хорошо — пьяница, лупил по выходным. А если заботливый?

Люлька. «Золотой ключик» домой носил в получку. Духи жене на восьмое марта...

Шевцова. Вам смешно?

Люлька. (откладывая в сторону газету). Смешно, ей-богу же смешно!.. Семья, дети... Жалко.

Шевцова. А если...

Люлька (перебивая ее). А если все эти восемь лет он каждый день сам себя казнит — да?.. Ну и что! Кто ему виноват, скажите, пожалуйста?.. Я?.. Вы?.. Сам! Да, да, сам!.. Вот пусть и расплачивается. Кровь человеческая — ее ничем с рук не смоешь...

Пауза. За окном слышится шум машины.

Шевцова. Вот и Сергей Владимирович. (Выходит).

Люлька снова берет газету, читает, задумывается. Входит Ковров с папкой в руке.

Ковров. Ты уже здесь. Привет!

Люлько. Здорово!

Обмениваются рукопожатием.

Люлько. Мрачный сегодня.

Ковров. Ты когда последний раз на скважине был?

Люлько. А что?

Ковров. Я только оттуда. Ничего, ну ничего за всю неделю не сделали! А ведь вот уже конец полугодия. Опять по воде невыполнение! Опять жалобы от населения, опять делегации, петиции! Вот! (*Вытаскивает из папки бумагу и подает Люлько*). Двадцать четыре подписи!

Люлько (*смотрит в бумагу*). Я тебе давно говорю.

Ковров. Что ты мне говоришь? Что?

Люлько. Гнать Гибелева из «Водосвета» к чертовой матери!

Ковров. Гнать! Гнать!.. Это легче всего — гнать. Помочь надо.

Люлько. Гибелеву? Бесполезно! У него одна фамилия — черт!

Ковров. Причем тут фамилия!.. Человек он честный, старательный...

Люлько (*ему в тон*)... Не пьет, не курит, не бабник, взяток не берет — ангел божий с постной рожей... А польза? Польза какая от его высокоморального облика? Может, в городе с водой дело исправилось? Или со светом?.. Нет, ты мне лучше жулика дай, пройдоху дай. Пусть подметки на ходу рвет — зато план будет.

Ковров. Перестань!

Люлько. А этого гнать! Гнать в три шеи!

Ковров. Опять... Да пойми же ты, пойми!.. Выдвинули человека, поставили на должность, а теперь ногой под зад?.. А какая травма для него — об этом ты подумал?

Люлько. Пусть сам о своих травмах думает, у нас не собес.

Ковров. Нет, Саша, хватит! Хватит! Натворили дел с таким отношением к людям. Был период, хватит!

Люлько. Так что же теперь, целоваться с каждым?

Ковров. Целоваться не обязательно. Жалеть людей надо. У каждого свои мысли, свои планы, свои надежды. И каждый по-своему прав.

Люлько. Всех жалеть, все правы...

Ковров. А ты как думаешь — только мы с тобой?.. Да вот возьми хотя бы жилстроительство. Сколько раз здесь правда менялась? То коммунальные квартиры — пусть привыкают люди жить вместе. То дома с колоннами, пошикарнее — социалистический город должен радовать глаз. Теперь как попроще — малогабаритки... Видишь, сколько правд? И если за каждую наказывать, за каждую с работы снимать, на улицу выбрасывать...

Люлько (*с иронией*). А знаешь, был уже когда-то один такой.. Тоже всех жалел... Так его взяли и... распяли.

Входит Шевцова.

Шевцова. Сергей Владимирович, к вам Беляев просится.

Ковров. А... Пусть заходит...

Шевцова. Хорошо. *(Выходит)*.

Ковров. Интересный человек. Самородок. Помочь ему надо.

Люлько. Помочь, помочь...

Входит Беляев с сыном. Беляев — пожилой коренастый мужчина с рыжей бородой. Крестьянского вида. Держится с достоинством. Носит старенькую вылинявшую гимнастерку, поверх нее, несмотря на летнее время, истрепанная стеганка. Его сын — юноша робкий, бледный, худой. Болтающийся железно-дорожный китель с чужого плеча, большие сапоги.

Беляев *(кланяясь)*. Здравствуйте, товарищ председатель исполкома.

Ковров *(выходит из-за стола, пожимает Беляеву руку)*. Здравствуйте, здравствуйте... Как живете?

Беляев. Так вот... Живем да маемся, а все вперед пихаемся.

Ковров. Что за молодец с вами?

Беляев. Младший мой. Двух старших война слопала, так он теперь, значит, и младший и старший. *(Смотрит с гордостью на сына)*. Помощник! В механизме хорошее понятие имеет... Приучаю вот, чтобы в случае чего. В грудях теснить стало, кашель... Измотали бюрократы — шутка сказать!.. Вот даю ему фундамент знаний, ну и куда ходить, чтоб знал.

Ковров. Продолжатель отцовского дела, так сказать... Хорошо, очень хорошо... Познакомьтесь. Заведующий горкомхоза товарищ Люлько — лицо, прямо заинтересованное в вашей машине.

Беляев. Очень приятно, товарищ заведующий. Случаем, не инженер?

Люлько. Нет.

Беляев. А то как новое знакомство с инженером, так мне новый препон. Молодежь! Не верят, что человек своим умом все ихние науки может достать. Советская власть, народная власть, таланту свободный ход. А они сразу: «Диплом есть?» А на кой мне, извиняюсь, ихний диплом, когда у меня вот здесь... У Кулибина тоже диплома не было — так, нет? Или у Левши...

Ковров. Садитесь, товарищ Беляев. *(Его сыну)*. И ты тоже садись... Садись, садись! Вон там стул.

Беляев. Постоит. Много чести. *(Усаживается, степенно покашливает в кулак, ожидая, когда Ковров начнет разговор)*.

Ковров *(вытаскивает из ящика письменного стола истрепанную папку, перевязанную бечевой)*. Посмотрел я ваши труды... Я не специалист по этому делу — филологический кончал когда-то... Диапазон у вас, мне кажется, чересчур широкий.

Беляев. Чего?

Ковров. Диапазон. Круг вопросов... Техника, электричество. Даже резина... Не слишком ли много всего?

Беляев. Что много, то много, это, верно, есть. Как что новое увижу, так сразу бы разобрать, посмотреть, что к чему, на свой лад перестроить.

Ковров. А вот с грамотой неважно.

Беляев. Да, грамотешки не хватает... Но грызу, грызу... Вот, изучаю... Полезная в нашем деле книга.

Люлька. Разрешите полюбопытствовать... «Перышкин и Крауклис. Курс физики. Часть первая. Механика. Учебник для восьмого класса». (С насмешкой). Полезная...

Беляев (отбирая у него учебник). А надсмешки, я так думаю, строить нечего. Партия как учит? «Век живи, век учись» — так, нет? Вот вы ученый человек, на большую должность поставлены. А спроси, к примеру... ну, хотя бы, что есть сила трения... небось, не ответите — так, нет? А?.. А ведь восьмой класс!

Люлька (злась). И много думаете за свои открытия взять?

Беляев (с большим чувством). Эх, товарищ заведующий горкомхоза... Вы коммунизм строите, а я так нет?.. Да я, может, побольше вас о коммунизме думаю... Вот хлопец стоит, не даст соврать: в воскресенье последнюю козу соседу за шарикоподшипники для нового плуга сменял... Дома пусто, как у голодного в брюхе, жинка моя и в пир, и в мир, и в добрые люди в одном-единственном старом платье ходит, сам я тоже, видите, по фронтовой моде одет... Нет, ничего мне от государства не надо, даром все отдаю.

Ковров (быстро, чтобы снять возникшее напряжение). Ну, а как дела на заводе? Вы уже справлялись?

Беляев (еще не остыл). Справлялся... Толку-то!

Ковров (нажимая кнопку звонка. Вошедшей Шевцовой). Главного инженера химзавода, пожалуйста.

Шевцова. Хорошо, Сергей Владимирович. (Уходит).

Ковров. Сейчас я сам с ними поговорю.

Беляев. С вами-то они, конечно дело, иначе... А со мной только сквозь зубы. Каждая лапша макарону из себя строит.

Звонит телефон.

Ковров. Юрий Арнольдович!.. Здравствуйте... Ну, как там наша снегоуборочная?

Трубка. В механическом, Сергей Владимирович... Откровенно говоря, много возни... А эффект, боюсь...

Ковров. Конечно, недоработки есть. Но вы помогите, помогите изобретателю.

Трубка. С планом своим у нас...

Ковров. Комсомол подключите — там у вас одна только Клава Люлька чего стоит.

Трубка. Да, это, пожалуй, мысль. В неурочное время, в порядке шефства...

Беляев (Коврову). Мне бы самому к ним — посмотреть.

Ковров. Сейчас к вам изобретатель придет... Пропуск ему закажите... Договорились? *(Кладет трубку, Беляеву)*. Езжайте! *(Встает)*.

Беляев *(тоже вставая)*. На плуг мой новый взглянуть не желаете?.. Здесь, в тетрадке... Думаю, в Москву послать. В сельскую академию. Пусть пользуются... Чертежи бы только надо, товарищ председатель горисполкома. На твердой бумаге, с циркулем, с тушем...

Ковров *(проводя Беляева с сыном к двери)*. Будете на заводе — они сделают. Директора там сейчас нет, скажите главному инженеру — я просил.

Беляев и сын выходят.

Люлька. Опять благотворительство?

Ковров. А почему не поддержать человека?.. Конечно, отмазаться проще!

Люлька *(язвительно)*. Особенно для тебя.

Ковров. Ну и язык! Как только тебя жена и дочь терпят!

Люлька. А они сами языкастые. Особенно, Клава.

Ковров. Ну, Клава у тебя чудная!

Люлька. Зато уж твой Кирилл...

Ковров. Что Кирилл?.. Что ты так смотришь?

Люлька. Хотел бы я знать, как ты бы смотрел, если бы Кирилл был моим сыном, а Клава твоей дочерью!

Ковров. Вот ты о чем... Это их дело.

Люлька. Ох, Сергей, боюсь я за дочку. Балованный папень такой... А ты потворствуешь во всем... Пьет... И компания — сам знаешь... Что для него Клава! Растоптал, разбил девке жизнь — и дальше.

Ковров. Зря ты, зря!.. Не пьет он уже давно. И с этими... с отрицателями... тоже все. Клава на него очень хорошо влияет. ... Вот поженятся они...

Люлька *(почти крик)*. Нет!.. *(Сдерживаясь)*. Нет, нет.

Ковров *(смотрит обеспокоенно)*. Что с тобой, Саша? *(Садится к нему на диван, берет за плечи)*. Что случилось?

Люлька. Дочка же... Единственная...

Ковров. Ну, ты уж чересчур... Зачем так расстраиваться? Ничего не произошло...

Входит Шевцова.

Шевцова. Возьмите трубку, Сергей Владимирович. Горком.

Ковров. Кто?

Шевцова. Сам. *(Выходит)*.

Ковров *(снимает трубку)*. Слушаю.

Трубка. Добрый день, Сергей Владимирович... Новость есть. На химзавод директора прислали.

Ковров. Давно пора.

Трубка. Местный... Данилов... Он тебя знает.

Ковров *(настораживаясь)*. Данилов?

Трубка. Ну да! Иван Афанасьевич Данилов. В войну партизанил здесь. Командир отряда. Кажется, крепкий мужик.. Что, если его в депутаты выдвинем вместо Лаптева, бедняги?.. А потом в члены исполкома, а? Как ты думаешь, Сергей Владимирович!.. Алло!.. Алло!.. Ты слушаешь?..

Ковров сидит молча, опустив трубку и устремив глаза в одну точку.

Люлька. Что случилось?

Ковров (*тихо, почти шепотом*). Явился...

Люлька. Кто?

Ковров. Данилов.

Люлька. Данилов? Какой Данилов?

Ковров. Тот самый — помнишь?.. Из-за которого Тоня... Моя Тоня...

Люлька (*после паузы*). Да-а... Если верить библии, Христос в таких случаях подставлял другую щеку.

Затемнение.

Лестничная площадка. Несколько дверей. Одна из них — в квартиру Коврова.

Кирилл и Клава появляются на лестничной площадке.

Кирилл. Вот мы и дома.

Клава. Ты! А мне еще два этажа... Фу, устала сегодня.

Кирилл. Зайдем, отдохнешь.

Клава отрицательно качает головой.

Кирилл. Тогда поцелуй.

Клава. Нет.

Кирилл. Не поцелуешь?

Клава. Отстань.

Кирилл. Нет?

Клава. Я же сказала.

Кирилл. Считаю до трех. Раз... Два... Три!

Хватается за перила, делая вид, что хочет кинуться вниз.

Клава. Кирилл!

Бросается к нему. Он хватается ее, целует, смеясь.

Клава. Ненормальный. Увидят!

Кирилл. А все-таки любишь!

Клава. Ах, Кирилл, мне не до шуток.

Кирилл. Хмуришься все, хмуришься...

Клава. Беспokoюсь я очень, Кирилл... Отец... Что-то с ним делается последние дни... То вспыхнет, хоть беги из дому. То молчит... Сегодня я проснулась ночью, а он стоит возле постели и смотрит, смотрит...

Кирилл. Это из-за меня, Клава. Точно!

К л а в а. Что он так против?
Кирилл. Можно понять... Если бы такой тип к моей дочери подкатывался... Подумай, а? Пока еще не поздно.

К л а в а. Уже подумала.
Кирилл (декламирует).

Где живут два рода в споре,
Где отцов пролита кровь,
Там узнает желчь и горе,
И безгрешная любовь.
И Медлум и Лейли
Узнают роковое «нет»...

(Клава зевает). Эх, проза жизни. Такая лирика! Сам Хлебников! Велемир Хлебников! А ты...

К л а в а. Не обижайся, Медлум. Твоя Лейли встала сегодня в пять.

Кирилл. Душевные переживания?

К л а в а. Почти... Данилов собирал на утро ИТР ночной смены. Надо же было мне перед этим своих комсомольцев проверить.

Кирилл. Еще бы! Новое начальство!.. К нам он тоже сегодня приперся. Правда, так, мимоходом.

К л а в а. Ну и как?

Кирилл. Цельнометаллический. Смотрит, молчит, а глаза... Шпаги! Не люблю! Фараон. Рамзес Тутанхамонович.

К л а в а. Да, не очень разговорчивый. И резкий... Твоему Травкину с ходу влетело.

Кирилл. Я же говорю — фараон... Ну, выпил вчера человек, проспал малость.

К л а в а. Нашел кого защищать!.. Конечно, твой дружок.

Кирилл. Бывший...

К л а в а. Одно время держался, а теперь опять... А еще хотели просить его читать химию для коммунистических бригад. Он бы им начал. Спиритус вини ректификати.

Кирилл. Все со своей секретарской колокольни! Выпил — не выпил. Плюнул — поцеловал. Выговор с занесением — выговор с исключением... Ты и замужней дамой думаешь в комсомольских секретарях ходить?

К л а в а (с вызовом). А что?

Кирилл. Ничего... В одной руке папка с протоколами. В другой Андрюшка.

К л а в а. Кто?

Кирилл. Андрюшка. Родственник. Будет ведь у нас когда-нибудь сын... А впрочем, ладно, секретарствуй. Мне даже лучше. Кто я такой на сегодняшний день? Так, безвестный мастер смены, бледный нуль, ничтожество из протоплазмы в модном галстуке.

К л а в а. Кирилл!

Кирилл. А в лучах твоей славы ко мне прибавится палочка!.. Кто это идет? Это идет собственный муж комсомольского вождя... И друзей

у меня будет — представляешь? Одному выговор снять, другому получить, третьему членские взносы без очереди уплатить. И все ко мне. Воздействуй, пожалуйста, по благу. А я что? Я — будьте любезны! Поллитра — и пожалуйста. Кому выговор, кому взносы. Эх, ползавода друзей!

Клава (*смеется*). Здорово ты!

Кирилл. Может, надо бы лучше в клоуны? Солнечный клоун Кирилл Ковров. А?

Клава. Вот, опять... Смысл жизни... Скучно, грустно...

Кирилл. Шутю, шутю я — разве не видишь! Вот ведь до чего народ недогадливый!

Клава. Ой, пятый час уже! Полшестого мне на примерку — целый месяц не могу выбраться.

Хочет идти. Кирилл загораживает дорогу.

Кирилл. На прощанье.

Клава. Ну что ты! На лестнице, как маленькие.

Кирилл. Да никого нет.

Хочет ее обнять. В это время раздаются шаги. Они отскакивают друг от друга, как ошпаренные.

Клава (*шепотом*). Ой!

Кирилл (*смотрит вниз*). Отец.

На лестничную площадку поднимается Ковров.

Клава. Здравствуйте, дядя Сережа.

Ковров. А, Клабочка, здравствуй!

Кирилл. Ты что-то рано сегодня.

Ковров. Голова разболелась.

Кирилл. Хочешь, я чай поставлю? И Клава с нами.

Клава. Нет, спасибо, мне бежать надо.

Ковров. И я не хочу... Лучше прилечь. (*Клаве*). Да... С тобой говорил главный инженер насчет машины Беляева?

Клава. Снегоочиститель?

Ковров. Да.

Клава. Говорил... Только он ему кажется очень несовершенным.

Ковров. Как мы любим отмахиваться от людей!.. несовершенный... Так надо помочь! Идея ведь интересная. У вас есть конструкторы-комсомольцы. Представляешь, как это подбодрит человека. Он же горы свернет! Люди, люди, о них надо думать!

Клава. Мы сделаем, дядя Сережа, обязательно сделаем.

Ковров. Вот это другой разговор...

Открывает дверь, проходит в квартиру.

Клава. Как ты думаешь, он заметил?

Кирилл. Конечно!

Клава. Неудобно все-таки.

Кирилл. А он давно знает.

К л а в а. Что знает?

К и р и л л. Что ты меня любишь.

К л а в а. Это еще надо доказать.

К и р и л л. Сейчас докажу.

К л а в а. Интересно!

К и р и л л. Ты меня поцелуешь.

К л а в а. Интересно!

К и р и л л (громко). Целуй, ну!

К л а в а (зажимая ему рот рукой, тихо). Бесстыдник, люди кругом.

К и р и л л (еще громче). Не поцелуешь?

К л а в а (оглядываясь, с опаской). Перестань, прошу тебя, перестань!

Кирилл жестом показывает, что Клава должна его поцеловать. Клава отрицательно качает головой.

К и р и л л (громко). Ах, нет?

К л а в а (поспешно). Ну, ладно, ладно... Вымогатель!

Только хочет поцеловать Кирилла, как снова слышатся шаги. Опять они отскакивают друг от друга.

К и р и л л. Мистика...

На лестничной площадке появляется Данилов, рано поседевший, подтянутый, скупой на жесты. Ищет номер квартиры.

К и р и л л. Вам кого?

Д а н и л о в. Коврова.

К и р и л л. Коврова?

Д а н и л о в (только сейчас узнав Клаву). Вы? Добрый вечер.

К л а в а. Добрый вечер, товарищ Данилов... До свидания, я спешу. (Кириллу). До свидания, Рамзес Тутанхамонович! (Прикусив губу, чтобы не рассмеяться, быстро взбегает вверх по лестнице).

Д а н и л о в (удивленно). Что она сказала?

К и р и л л. Да так... Вам Коврова? Это здесь, заходите.

Открывает дверь, пропуская Данилова вперед.

Затемнение.

Комната в квартире Коврова. Тахта, торшер. Большой портрет улыбающейся Антонины.

К и р и л л. Обождите минуту, сейчас я его позову. (Хочет выйти в соседнюю комнату, но Данилов его удерживает).

Д а н и л о в. Вы его сын? Кирилл?

К и р и л л (сухо, но с удивлением). Кирилл.

Д а н и л о в. Кирилл, Кирилл... Какой парень!

К и р и л л. Я не понимаю.

Д а н и л о в. Мать как звали? Антонина — а дальше как?

К и р и л л. Антонина Афанасьевна.

Данилов. А девичья фамилия?

Кирилл *(начиная догадываться)*. Данилова... Неужели...

Данилов. Сестра... Не помнишь меня? Сколько лет тебе было? Семь?.. А как ты из партизанского отряда в Москву улетал — помнишь? Полно раненых, а ты разнылся: к окну-у!.. Пришлось тебя за воротник и в кабину к летчику.

Кирилл. Так это вы?.. А отец говорил — погиб.

Данилов. Лицом в мать *(всматривается)*. Глаза, нос...

Кирилл. Я позову отца.

Данилов. Зови. Только...

Кирилл. Порядок!

Кирилл идет в спальню отца. Данилов подходит к портрету Антонины, рассматривает его.

Из комнаты выходят Ковров и Кирилл.

Ковров прямо с постели, в халате.

Ковров. Ты?

Данилов *(идя к нему навстречу с протянутыми руками)*. Сергей!

Ковров *(стоит, словно окаменел)*. Ты... Пришел... Сюда... ко мне...

Данилов. А куда? В горисполком? Товарищ Ковров, директор завода Данилов просит принять его по личному вопросу.

Ковров. Пришел... После всего... Подставить тебе другую щеку? Как Христос...

Данилов. Что такое, Сергей?

Ковров. А как я должен? Или, думаешь, я забыл?..

Данилов. Ты не отвечал на письма...

Ковров. Письма!.. Думаешь, несколько слов — и сразу все забыто, все прощено?.. Ах, да, да! Мягкий характер! Ты называл меня великим гуманистом. А сам считал тряпкой... Тряпкой!.. Кирилл, сын, выйди!

Кирилл. Отец!

Ковров. Прошу тебя — выйди. Побудь в той комнате. *(Кирилл нехотя выходит)*. И дверь закрой. *(Данилову)*. А ты на что рассчитывал?.. Что я встречу тебя с распростертыми объятиями? Усажу за стол, да? Скажу жене, чтобы сбегала вниз за водкой?.. Но жены нет. Нет! Ты ведь сам тогда... Я просил тебя — помнишь?.. А ты? Ты разве посчитался с этим?

Данилов. Я не мог тогда иначе...

Ковров *(перебивая)*. Не мог, не мог, не мог! Как же!.. Честный. Принципиальный. Прямой, как штык. Командир отряда, царь и бог. Тебе все подчинялись. И Тоня, и я, и каждый из нас... Ты мог взять и приказать любому — и все. И ты приказал... Тоне... И все зря! Зря!.. Ты знал, что зря, ты не мог не знать... Я помню, как было, я не могу забыть. Жена ведь! Жена моя!

Данилов. Моя сестра!

Ковров. Да. Твоя сестра. Вспомнил... А тогда?.. Ты гнал от себя эту мысль. Вдруг бы тебя посчитали неприципиальным... И вот, через

столько лет, ты являешься сюда, ко мне в дом, раскрываешь объятия и говоришь: Сергей!.. Как будто ничего не произошло. Как будто Тоня вот здесь, рядом. Как будто она сейчас войдет из той вон двери икинется тебе на шею — брат!.. Но ведь ее нет здесь! Нет!.. Нет!

Кирилл (*вбегая в комнату и бросаясь к отцу*). Папа! Папа!.. Перестань! Не надо!.. (*Данилову*). Уходите! Не видите, что с ним! Уходите отсюда сейчас же!

Данилов хочет что-то сказать, но, передумав, машет рукой и быстро выходит из комнаты. Кирилл отводит отца к тахе и бережно усаживает.

Ковров. Пришел все-таки... Страшный человек! Впереди цель, на глаза шоры — и все. Прет на цель, как бык на красное.

Кирилл. Цель... Карьера!

Ковров. Нет... Он не для себя... Но узость, узость... Есть такие. В сторону — ни взгляда. Вперед и вперед. Лоб расшибет — и свой, и чужой... Цель — все. Люди — ничто... И мама!

Кирилл. Так это он?.. Ты мне никогда не говорил.

Ковров. Зачем, Кирилл? Что бы изменилось? Война все списала... И нужную кровь... И ненужную... Ненужную...

Кирилл. Сестра, родная сестра!

Ковров. Всех под себя подмял... Меня тоже... У него воля, ум, характер, а я только из университета. Опыта никакого... Жалко было людей. Но я думал: так надо... А разобрался потом. Когда уже было поздно... Это случилось... Ну, да, ровно через три месяца, как тебя, маленького, отправили в Москву... Мама как раз вернулась с задания; она ходила очень далеко: не знаю куда, она никогда не говорила... Обстановка тяжелая. Кругом стягиваются немецкие части, словно петля на шее. Мы тычемся туда, сюда, как слепые шенки... Голодно... Люди измотаны...

По мере того, как Ковров рассказывает, постепенно темнеет. Сумеречный свет неясно освещает лишь Коврова с Кириллом. Потом и он гаснет совсем.

Голос Коврова (*в полной темноте*). Зима. Холод. Снег...

Становится светлей. На сцене постепенно возникает партизанская землянка. Один ее угол отгорожен одеялом и плащ-палаткой — здесь помещается командир роты Ковров. В центре — бочка из-под бензина. В ней бьет яркое пламя. Возле бочки, на полу, спят партизаны. На кругляке сидит Пожилой Партизан. Негромко напевая, он чистит винтовку.

Открывается дверь. В землянку врывается снежный вихрь. Пригнувшись, входит Сеня. В тулупе, с немецким автоматом на груди.

Сеня (*страхивая снег*). От дает!

Пожилой Партизан. Ты опять?

Сеня. А что — замерзать?

Пожилой Партизан. Смотри!

Сеня. Ничего. Ковров мужик свой... Закурим, а?

Пожилой Партизан молча подбрасывает ему кисет. Сеня вертит самокрутку, закуривает. Застегивает тулуп, поправляет автомат. Ему явно не хочется уходить. Смотрит, как Пожилой Партизан собирает затвор винтовки.

Сеня. Да нет же, не так! Дай сюда.

Пожилой Партизан. Убери лапу.

Сеня (*оскорблен*). Пожалуйста... Второй год войны, а он еще над затвором пыхтит... Да я его с закрытыми глазами...

Пожилой Партизан (*наконец, собрал затвор. Весело*). Так то ты... Вояка!.. А я всего третий месяц в отряде.

Сеня. А в городе что — винтовки без затворов?

Пожилой Партизан. Так разве там винтовки?

Сеня. А что?

Пожилой Партизан. Гранаты, мины... А больше листки.

Сеня. От дает — листки!.. И много ты фрицев листками убил?

Пожилой Партизан. Глупый ты, Сенька! Что они — для фрицев, листки эти?

Сеня. А то нет!.. «Дойче сольдаты гиб гефанген». И фриц нарисован... ручки так, чтобы сами, по своей воле... Я когда в Ольховке часового пришиб, сам ему в карман такой «гибгефанген» сунул.

Пожилой Партизан. Как же он «гибгефанген», если ты его пришиб? Эх, Сенька, Сенька!..

Сеня. А как?

Пожилой Партизан. Как, как.. Подошел бы сначала к нему. «Битте-дритте, посмотрите». Листок ему дал бы. Потом спросил бы культурненько: «Ну что? Ферштеен? Гитлер капут. Пошли — хенде хох!». Вот если тогда он «найн» скажет — другое дело!

Сеня (*смеется*). От дает!..

Входит Ковров. На много лет моложе.

Ковров. Все топите?

Пожилой Партизан (*подбрасывает ветку в бочку*). От тепла в брюхе не так играет, товарищ ротный.

Сеня. От дает!

Ковров. А ты что здесь? Сменился?

Сеня. Нет... Погреться.

Ковров. Давай быстрее... (*Заглядывает в «штаб»*). Тони нет?

Пожилой Партизан. К командиру отряда пошла.

Ковров. К Данилову?.. Давно?

Пожилой Партизан. Да уж порядком.

Ковров (*Сене, который направился было к двери*). Ладно грейся, я сам пока постою. Вот двери только открою, дым такой, задохнешься. (*Открывает дверь и остается возле нее снаружи*).

Сеня. Ну, что я говорил? (*Показывает большой палец*). Во мужик! И везучий.

Пожилой Партизан. А, все мы здесь везучие.

Сеня. Брось, дядя... Где вот твоя жинка?

Пожилой Партизан (*задумчиво*). Жинка?.. Жинка, брат, там, у них... В городе жинка осталась.

Сеня. Во!.. А его где?

Пожилой Партизан. А, толку-то!

Сеня. Но с ним — факт!

Пожилой Партизан. Кто про щи да кашу, а Сенька про Катю да Машу. Позавидовал!.. Много она с ним бывает! Вот пришла — и вот опять услали. А он потом ночами... Туда-сюда, туда-сюда... Глаза у тебя есть?

Сеня. А все-таки с ним!

Пожилой Партизан. Опять — пять!

Ковров *(за дверью)* Тоня! Наконец-то!

Сеня. Факт!

Ковров пропускает в землянку Антонину и вслед за ней идет в свой «штаб».

Сеня, подняв воротник тулупа, наконец, выходит на пост.

Антонина. Метет. От Данилова сюда чуть не заблудилась... *(Сбрасывает платок)*.

Ковров *(садится на койку, смотрит на нее выжидающе. Но она молчит, и он начинает первый)*. Ну как?

Антонина. Что — ну как?

Ковров. Ты знаешь.

Антонина. В порядке.

Ковров. Опять?

Антонина. Да...

Ковров *(вскакивает с койки)*. Нет, это невыносимо! Невыносимо! Только что вернулась — и опять!

Антонина. Тише!.. Милый мой, Сережа, ведь надо!

Ковров. Ух, проклятое «надо»... Когда уже будет конец всем этим надо, нужно, необходимо...

Антонина. Когда кончится война.

Ковров. И опять на целый месяц?

Антонина. Нет... Дня через два вернусь.

Ковров. Через два?.. Недалеко... *(Догадываясь)*. В город?.. Но ведь туда уже ушли... Болдина. Зачем же снова?.. Ну хорошо, дело твое, я не интересуюсь. Ты права, ничего не поделаешь. Но я здесь схожу с ума, когда ты уходишь.

Антонина. Зачем же, Сережа?.. Вернусь — а ты сумасшедший... Все будет хорошо. Вот увидишь!

Ковров *(после паузы)*. Когда?

Антонина. Сегодня... Скоро... И все! Не будем больше об этом... Дай твой полушубок — пуговицы еле держатся.

Ковров. На.

Подает ей полушубок. Она начинает пришивать пуговицы. Оба молчат. Ковров, нервничая, рассказывает по помещению.

Снова входит Сеня. Приотпывая и приплясывая, он показывает, как сильно замерз.

Пожилой Партизан. Рассказывай! Пяти минут не простоял.

Сеня. Ага — пять! Целый час, наверное.

Пожилой Партизан. Как там — из кухни баландой не тянет?

Сеня. А я не принохиваюсь — одно расстройство. Приказ! Обед в три, ужин в девять — хоть сдохни. Данилов!

Пожилой Партизан. Тоже загигать мастер... Подъемы, распорядки, шагом марши... Чистая казарма!

Сеня. Да, порядочек... Раньше хоть к Маше в деревню когда сбегашь.

Пожилой Партизан. Что — супца похлебать?

Сеня. От дает — похлебать... А что, сейчас бы здорово супца крупяного. Горяченького, с говядиной. И с косточкой сахарной... (*Мечтательно.*) До чего же я любил косточки сосать!

Пожилой Партизан. Ничего, вот принесут картошки вареной, запьешь кружкой воды горячей, поболтаешь брюхом — и суп готов. Вкусненький, горяченький. Без косточки только.

Сеня. От дает! (*Смеется.*)

Ковров. Смеются... Весело... А у меня тут... Я боюсь за тебя, Тоня, так боюсь!

Антонина. Не надо, Сережа.

Ковров. Временами мне кажется, вы оба из дерева. Ты и твой брат... Из дерева... Скажи что-нибудь. Что-нибудь!

Антонина (*порывая нитку*). Рвутся... Прелые...

Снова вдевает нитку, шьет. Пауза. Порыв ветра распахивает дверь. В землянку врывается свист бури. Молодой партизан подходит к двери, захлопывает ее.

Пожилой Партизан. Да, погодка — будь она неладна.

Сеня. Что вы, дядя, самая что ни на есть партизанская! (*Хвастливо*). Вот когда я часового в Ольховке... точно так же мело.

Пожилой Партизан. Сколько можно об одном вшивом фрице! У тебя что — он один только и был?

Сеня. У меня — да? Один — да? А на мосту — чей? А под Старым Бродом? А на Черепке?

Пожилой Партизан (*подзадоривая его*). На Черепке? Тебя там и близко не было.

Сеня. Меня — да? Не было — да? Да у кого угодно спроси!

Пожилой Партизан. Ну у кого? У кого?

Сеня (*озираясь*). Да хоть у кого... (*Опускается на колени рядом с одним из спящих*). Подъем, Чижик! Вставай, слышишь? (*Тот что-то мычит, но не просыпается*). От дает!.. Вставай! (*Кричит*). Да вставай же, черт!

Ковров (*откидывает дверь из одеяла*). Что ты там орешь?

Сеня. Да вот, не проснется никак.

Ковров. Ну и пусть спит. Они двое суток не спали.

Сеня. Да хватит ему, товарищ командир. А то еще ото сна что сделается. Чижик, а, Чижик!

Ковров. Отстань от него, слышь!

Пожилой Партизан. Кому говорят!

Ковров. И иди на пост. *(Опускает одеяло. Антонине)*. Люди какие стали. Ни капли жалости. Черствые, как прошлогодний хлеб.

Антонина. Люди как люди... Смеются, спят, шутят... Просто ты сегодня очень обостренно все воспринимаешь. А они как всегда. Люди...

Ковров. Как всегда... Каждый день твоя билет в лотерею... Сегодня погибнуть... Завтра... Через час... Как всегда!

Антонина. Думаешь, они не понимают? Но разве может человек жить с вечной мыслью о смерти... Что за нитки!

Ковров. И тебе не жаль их?

Антонина. Жаль?.. Они же мои товарищи. А жалость... Это, наверное, когда человек считает другого слабее себя... Вот Кирилла нашего мне часто бывает жаль... До слез.

Ковров. А меня?

Антонина. Ты сильный... Обидишься.

Ковров. Тоня, послушай...

Антонина. Нет, я больше не могу!.. Ими совершенно невозможно шить.

Ковров. Да брось ты возиться с пуговицами! Я сам потом пришью... *(Антонина накидывает платок)*. Куда?

Антонина. За нитками.

Выбегает из землянки. Ковров за ней.

Ковров. Тоня!.. Тоня!..

Голос Антонины. Я скоро...

Ковров, опустив голову, возвращается обратно.

Пожилой Партизан. Покурите с нами, товарищ ротный. Табачок вот завелся.

Сеня. Во самосад!

Ковров. Не хочется. *(Проходит в «штаб»)*.

Пожилой Партизан. Квельый... Не иначе, как опять с жинкой расстается. *(Сене)*. Вот тебе и везучий! Да-а... Жизнь... Как там мой, в городе?..

Пауза. В землянке появляется командир отряда Данилов.

Данилов. Дневальный!

Сеня. Я за него.

Данилов. Как отвечаете?.. Почему не на посту?

Сеня. Да я на миг.

Данилов. Приказ об осадном положении знаете?.. Пять суток! Строгого.

Сеня. Уж и прикурить нельзя.

Данилов. И еще пять. За курение на посту. Завтра сменитесь — и под арест. Повторите приказание.

Сеня. Товарищ командир, я...

Данилов. Повторите!

Сеня. Смениться и под арест. Десять суток.

Данилов. Строгого... А еще раз — под трибунал... Шагом марш!

Сеня, лихо козырнув, пулей вылетает из землянки.

Данилов. Комроты у себя?

Пожилый Партизан (*вытягиваясь в струнку*). Так точно, товарищ командир отряда!

Данилов идет в «штаб», отстегивая на ходу командирский планшет.

Данилов. Здравствуй, Сергей.

Ковров (*мрачно*). Привет.

Данилов. Распускаешь людей... Куда к черту так!

Ковров. Не кричи — разберусь.

Данилов. Не надо — уже... Где Антонина?

Ковров. Вышла.

Данилов. Вот твой план операции (*вытаскивает из планшета карту и расстилает на столе*). Почему заслон такой жидкий?... Сколько человек берешь?

Ковров. Со мной двадцать два.

Данилов. Ерунда!

Ковров. Мало?

Данилов. Минимум, пятьдесят.

Ковров. Люди измучены. Половина только что вернулась с Черного Брода... А там фрицев всего одно отделение. Шесть человек, ручной пулемет.

Данилов. Напоретесь на засаду — перестреляют без толку. И всю операцию сорвете.

Ковров. Справимся. А эти пусть отоспятся.

Данилов. Нет. Нельзя.

Ковров. Люди двое суток не спали.

Данилов. Нет... После войны отоспятся... Кто доживет.

Ковров. Ох, жестокий!

Данилов. Выступишь в двенадцать. Секреты я предупредил.

Ковров. Просто-напросто жестокий.

Данилов. Все ясно?

Ковров (*о своем*). Кажется, теперь — да.

Данилов (*не обращая внимания на его тон*). Что ж Антонина не идет?

Ковров. Не знаю.

Данилов. Пошли за ней... Я буду ждать в штабе.

Ковров. Ей что — уже уходить?

Данилов. Да.

Ковров. Говорят — в городе плохо.

Данилов. Да.

Ковров. Большой провал. Аресты.

Данилов. Да.

Ковров. Из наших кого-то схватило гестапо.

Данилов. Болдину.

Ковров. Болдину?! Провокатор?

Данилов. Скорее всего. Пока ничего неизвестно. Там полный хаос.

Ковров. И ты все-таки посылаешь?

Данилов. Да.

Ковров. Антонину?

Данилов. Война, Сергей.

Ковров. Иван, это уже не война. Это безумие. Ты же сам говоришь: там хаос... Давай переждем. День, два... Пока прояснится. Иначе ее тоже схватят.

Данилов. Не бойся, не схватят.

Ковров. А Болдина?

Данилов. На мне отряд, Сергей. Целый отряд. Пятьсот штыков.

Ковров. Штыков!.. (Пауза). Посылай меня!.. Я пойду вместо Антонины.

Данилов. Ты вместо Антонины, повар вместо радистки, радистка вместо тебя...

Ковров. Ты посылаешь ее на бессмысленную гибель... Отмени приказ!

Данилов. Потому что она твоя жена?

Ковров. Нет! Сейчас никого нельзя посылать. Это погибель. Напрасная. Из-за твоего бессердечия!

Входит Антонина.

Антонина. За мной, Иван?

Данилов. Да... Пора.

Антонина. Я сейчас.

Данилов. Жду в штабе. (Уходит).

Антонина (обнимая Коврова). Сергей, родной!

Ковров. Чего в нем больше жестокости или упрямства!

Антонина. Перестань, ну, перестань же!

Ковров. Тоня, если я тебя потеряю... Если потеряю...

Антонина. А если я тебя?.. Ночью ты идешь на операцию. Я хоть слово сказала?.. Меньше люблю?.. И так очень тяжело, Сережа. Зачем же мучить друг друга?

Ковров. И я ничего не могу сделать! Ничем не могу ей помочь!

Антонина. Все будет хорошо. Я вернусь через два дня.

Ковров (не слушая ее). Они поймают, поймают, как Болдину...

Антонина. Ты верь мне. Верь! Не жалея — верь!

Порывисто целует его, бежит к выходу.

Ковров (бежит за ней. За сценой). Тоня! Тоня!..

Антонина (за сценой). До встречи! Жди!

Затемнение.

В слабом сумеречном свете снова возникает Кирилл и Ковров.

Ковров. Она ушла.

Кирилл. И что?

Ковров. Все. Больше не вернулась... Через два дня наш лагерь обложили каратели... Отряд разгромили... Меня ранило, лесник подбрал... Вот...

Пауза. Оба погружены в невеселые мысли.

Кирилл встает, подходит к торшеру, пытается зажечь свет. Не зажигается.

Кирилл. Черт! Снова сиди без света... *(Хочет выйти)*.

Ковров. Куда ты?

Кирилл. За лампой.

Ковров. Не надо. Так посидим.

Кирилл *(возвращается на место. После паузы)*. А Данилов? Что с ним стало?

Ковров. Прорвался с горсткой людей через линию фронта... Воевал... Потом, говорили, где-то он на Севере. Это же такой человек: ни себе покоя, ни людям... Командовал там какой-нибудь стройкой. Представляю, как от него людям доставалось! Мороз, пурга, полярная ночь, — а он разве посчитается? Давай, давай — и все! И что удивительно, — он ведь честный, прямой, принципиальный... Только эта честность для него важнее людей, важнее их жизни, их судеб... Нечто вроде бога...

Кирилл. Идола. С человеческими жертвоприношениями!

Ковров. Если бы не эта прямолинейность... Не эти шоры на глазах... Ведь и в тот раз тоже была возможность поступить совсем по-другому.

Затемнение

Партизанская землянка. Пожилой Партизан возится у печки.

Голос Коврова *(за сценой)*. Тоня! Тоня!..

Голос Антонины *(за сценой)*. До встречи! Жди!

Пожилой Партизан идет к открытой двери, чтобы закрыть ее, но его опережает Сеня, появляющийся с улицы.

Сеня. От дает! *(Топчется у двери, не решаясь, однако, отойти от нее)*. Десять суток... Казарма!

Пожилой Партизан. Помолчи, сопля!

Сеня *(опешив)*. Так ты же сам говорил...

Пожилой Партизан. Сам... Сам... Сам да не вам... Как иначе такими, как ты? Извините, простите, разрешите, погодите?

Сеня. А что он, в самом деле...

Пожилой Партизан. Разговорчики!.. А ну на пост... Живо!

Сеня *(растерянно)*. От дает!..

Поспешно выходит. Пожилой Партизан сидит на кругляке, подперев руками голову, о чем-то раздумывая.

Входит Ковров.

Ковров. Закурить есть?

Пожилой Партизан. Берите, товарищ ротный... Самосад — первый сорт.

Сидят, молча курят.

Пожилой Партизан. Проводили?

Ковров. Проводил.

Пожилой Партизан. Да-а... Жизнь... У вас тут... У меня там... Слетать бы, узнать, как они... Не поможете, товарищ ротный?

Ковров. А? Что?

Пожилой Партизан. Может, отпустит командир отряда.

Ковров. Куда?

Пожилой Партизан. Да в город. Своих проведать. Жинка, сынок.

Ковров. В город?

Пожилой Партизан. Я быстро.

Ковров. Но там знаете, что делается?

Пожилой Партизан. У меня друзей полно. На вокзале, в депо. Только узнаю и обратно.

Ковров. Полно друзей..

Пожилой Партизан. А то беспокойно очень, товарищ комроты... Семья ведь...

Ковров (*у него рождается какая-то мысль*). Да... Да, да... Верно!.. Ждите. Я к Данилову! Ждите!

Выбегает из землянки.

Затемнение.

Кабинет директора завода. Письменный стол, на стуле в беспорядке лежат образцы заводской продукции: катушки с синтетическим волокном, ткань. По всей видимости, здесь недавно шло производственное совещание.

В кабинете Данилов. Он заканчивает разговор по селектору.

Данилов. Проверьте!

Селектор. Хорошо, я поручу...

Данилов. Нет, сами... И через час доложите. (*Выключает селектор*). Мастера...

Входит Люлька.

Люлька. Можно?.. Здравствуйте.

Данилов. Здравствуйте.

Люлька. Люлька, Александр Петрович, заведующий горкомхоза... Вы меня, конечно, не помните... Да и вас узнать трудненько. Годы, годы...

Данилов. Не помню... Садитесь, пожалуйста!

Люлько. Здесь, в городе. До войны.

Данилов. Где вы работали?

Люлько. На станции. Но встречались мы с вами не там. У Сергея Коврова.

Данилов. А...

Люлько. Последний раз — перед войной, на Первое мая... Я тогда танкор был — куда там!

Данилов. Да, да... Припоминаю. Вы все с Тоней танцевали.

Люлько. Ну так она ведь тоже плясунья... была... Да, война, война... А вы что-то долго не возвращались в родные пенаты.

Данилов. Страна большая... Простите, но сейчас ко мне товарищи придут...

Люлько. Что вы, что вы!.. Фу!.. Разрешите? *(Льет из графина воду, пьет)*. Э... Хороша водица!.. Я к вам как раз по поводу воды. У вас ведь три свои артезианские скважины?

Данилов. Три.

Люлько. Есть решение одну из них передать городу. Вы знаете?

Данилов. Да.

Люлько. Значит, будем оформлять.

Данилов. Нет... Завод строит на реке насосную станцию. Через два месяца у нас будет техническая вода и мы передадим городу не одну — все три скважины.

Люлько. Через два месяца?.. В городе не хватает питьевой воды.

Данилов. Завод ведь не может остановить производство.

Люлько. Да, положение. Вам трудно, я понимаю... Придется сделать так. Оформим документально передачу скважины городу. Вода будет числиться за нами, а потреблять будете вы.

Данилов. Нет... Это очковтирательство.

Люлько. Товарищ Данилов! Все-таки выбирайте выражения.

Данилов. А вы выбирайте методы работы. Думаете, я не понимаю, для чего это вам? Завалили строительство собственной скважины, а теперь хотите отчитаться бумажной водой.

Люлько *(после паузы, с примирительным смешком)*. О, да вы ершистый, я смотрю... Ну, хорошо, допустим, завалили. Почему же вам не помочь городу?

Данилов. Через два месяца завод отдаст городу все три скважины. Вот это будет помощь. А от вашей фикции жители не получают ни одной лишней капли.

Люлько. Значит, нет?.. Что ж... Только ссориться с городом вам вряд ли имеет смысл. Энергию ваш завод получает с наших электролиний. А они ох как перегружены! Так что я бы вам посоветовал...

Данилов *(встает)*. Я уже знаю, что вы мне можете посоветовать.

Люлько *(тоже встает)*. Слушайте, товарищ Данилов!.. Я знаю — вы человек заслуженный, партизанили и все такое. Но и мы тогда под юбкой не прятались. Тоже видели виды — слава богу! Так что вы

бросьте!.. Директор вы у нас новый, предприятие ваше трудное — тут с ваших предшественников пух и перья летели. Вам бы поддержки искать местного руководства, а не на рожон лезть..

Данилов (*резко*). У вас еще что-нибудь?

Люлько. Ну, знает!.. (*Быстро идет к выходу, сталкивается в дверях с входящей в кабинет Клавой*).

Клава. Папа?

Люлько. Пусты! (*Выходит*).

Клава (*недоуменно смотрит ему вслед. Данилову*). Вы просили зайти.

Данилов (*еще не остыл*). Что вы там с главным не поделили?

Клава. А-а, успел уже пожаловаться... Ничего! Побеседовали. Уточняли точки зрения сторон.

Данилов. Уточняли или оскорбляли?

Клава. Правда — не оскорбление.

Данилов. Например, сухарь?..

Клава (*запальчиво*). Правильно!

Данилов. Консерватор.

Клава. Правильно!

Данилов. Проценто... Проценто... Как вы его?

Клава. Процентогон.

Данилов (*пряча улыбку*). Вот, вот.

Клава. И это правильно. Абсолютно правильно!

Данилов. Механическая голова...

Клава (*с долей смущения*). Разве?

Данилов. Да.

Клава Гм. Это уже в пылу спора. Он меня тоже как-то там обозвал... Сопливой, что ли... Не помню... Хорошо, механическую голову я могу взять обратно... Но все равно — губить живое дело никто не имеет права. Ни главный инженер, ни повыше.

Данилов. Директор?

Клава. Хоть бы и директор!.. Новый цех, такой ответственный! Создаем там бригады коммунистического труда. Только-только стали формироваться коллективы и на тебе — перетасовывать! Как карты в колоде. Эту масть к этой, ту к той. Лучших к лучшим, худших к худшим. Проценты, проценты, проценты...

Данилов. А ваша программа?

Клава. Наша?.. Первым делом никаких перестановок. Чтобы были коллективы, а не проходные дворы. Пусть у них пока еще не такие показатели. Зато потом, когда все подтянутся... О людях надо думать, о живых людях, не только о процентах.

Данилов. Программа ваша мне нравится. А нотации — нет. Вы и с комсомольцами так разговариваете?

Клава. Нет.

Данилов. Только с начальством?

Клава. Я кое-что слышала о ваших методах руководства на Севере.

Данилов *(с веселым интересом)*. Даже так! И не одобряете?

Клава. Я думаю лучше сразу сказать вам об этом.

Данилов *(снимает телефонную трубку)*. Главного инженера... Юрий Арнольдович?.. Вы заняты?.. Ничего, это потом. Зайдите ко мне... Да, сейчас. *(кладет трубку)*

Клава. Зачем?

Данилов. Погодите...

Пауза. Оба ждут. Входит Главный инженер.

Главный инженер *(Данилову)*. Слушаю вас.

Клава. Извините... За механическую голову.

Главный инженер *(не глядя на нее)*. Там еще кое-что было.

Клава. Остальное все остается.

Главный инженер. Очень мило.

Данилов. Она приводила вам свои доводы?

Главный инженер. Ребячество.

Данилов. Ваши соображения?

Главный инженер. Все очень просто. *(Вытаскивает из кармана блокнот и начинает подсчитывать)*. Все три бригады за прошедший месяц дали от ста трех до ста пяти процентов. Берем среднюю — сто четыре. Завод же в целом — сто семь. Внутри бригад полный разбой. От восьмидесяти до двухсот десяти процентов. Производим перестановку внутри бригад. Получаем три бригады со следующими средними показателями: девяносто пять, сто двадцать и сто семьдесят. Среднее выполнение по трем бригадам: сто тридцать. Отнимаем сто четыре. Чистый выигрыш двадцать шесть процентов. *(Вырывает листок из блокнота и подает Данилову)*. На узком участке — учтите...

Данилов *(смотрит расчеты)*. Да, верно.

Главный инженер. Я знал, что она будет спорить и поэтому сам все проверил.

Клава. В этом месяце у них будет сто шесть — не меньше.

Главный инженер. Реорганизация даст сто тридцать.

Клава. А люди?.. Их вы спросили?

Главный инженер. Полагаю, сначала руководство должно решить в принципе.

Данилов. Кое-что придется все-таки изменить. У меня тут мысль одна.

Клава *(запальчиво)*. Комитет комсомола вас не поддержит!

Данилов *(как будто не слышал)*. Бригадирами туда надо инженеров. Молодых, хороших ребят. Месяца на три, на четыре. Вот Кирилл Ковров...

Клава *(удивленно)*. Он мастер смены! А вы — на бригаду.

Данилов. Для пользы дела. Вы же знаете, это особое производство, сложное, знаний много надо.

Клава (смотрит на него пылливо). А не потому, что он...

Данилов. Давайте, давайте.

Клава. Нет, это было бы чересчур...

Данилов. Подумайте насчет кандидатур.

Клава. Я одна не решаю. Мы обсудим ваше предложение на бюро. (Поворачивается, чтобы уйти).

Данилов. Это не предложение. Это указание.

Клава. Не знаю, как там, на Севере, но здесь ваши методы руководства явно не подходят. (Уходит).

Данилов (с плохо скрытым одобрением). Характер!

Главный инженер. Товарищ директор, я тоже против посылки инженеров в бригады. На заводе нехватка специалистов.

Данилов. А мы их на сторону не отдаем. В наши же бригады. И к тому же временно.

Главный инженер. Я категорически возражаю. Поднимется шум — неправильное использование кадров.

Данилов. Пошумят и перестанут. А бригады будут крепче.

Главный инженер. Товарищ директор, я привык считать своей главной задачей постоянное увеличение выпуска продукции. Сомнительные эксперименты — не моя область... До сих пор я думал, что этим занимаются только... девочки. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, на которое мне хочется обратить ваше внимание. Позвольте мне говорить откровенно, я имею на это право, хотя бы по возрасту. Вы у нас человек новый. Если в первый же месяц вашего пребывания на заводе кривая выполнения плана пойдет вниз, ваш авторитет основательно пострадает. А в министерстве, насколько мне известно, у вас не одни благожелатели. Против вашего назначения были серьезные возражения. К тому же, там существует мнение, что я сам мечу на место директора. Они подумают, что я нарочно вставляю вам палки в колеса.

Данилов. Пусть себе думают.

Главный инженер. Я к этому отношусь не столь безразлично... Я вам больше не нужен?

Данилов. Пока нет.

Главный инженер уходит.

Затемнение.

Уголок заводской территории.

Мужчина в рабочей спецовке, стоя на стремянке, возится с проводами.

Входят Данилов и Клава.

Данилов (продолжая разговор) ...И еще одно. Комсомольцы в механическом чудовище сооружают.

Клава. Не чудовище, а снегоочиститель.

Данилов. Так вот, надо прекратить.

Клава. Это неправильно, Иван Афанасьевич. Я считаю...

Данилов. А я уже подсчитал. На электроплитках и то дешевле снег растапливать, чем на вашем бронтозавре. Надо же учитывать экономический эффект.

Клав а. Товарищ Ковров другого мнения. Он просил помочь изобретателю...

Данилов. У нас государственное предприятие.

Клав а (волнуясь). О человеке тоже думать надо. Этот изобретатель...

Данилов. Разве так помогают? (Твердо). Словом, я отдал приказание начальнику цеха разобрать. А насчет изобретателя... Давайте подумаем вместе, как лучше ему помочь.

Мужчина роняет инструмент.

Мужчина. Э, браток! Подай отвертку.

Данилов подает отвертку, оба пристально всматриваются в лица друг друга.

Данилов. Сенька? Степанчиков?

Мужчина. Товарищ командир!

Соскакивает со стремянки. Обнимаются.

Данилов. Значит, все-таки ты... Мужчина, мужчина... А был... (Лукаво). Ты помнишь...

Сеня. Десять суток!

Данилов. Строгого.

Смеются.

Сеня. А ведь отсидел я всего только двое... Как пошла тогда катавасия, как пошла! (Клаве). А как же! Их, понимаешь, раз в пять больше!

Данилов. Да, смяли они нас. Мало оттуда вышло.

Сеня. И моим косточкам там бы гнить, если бы не вы... (Клаве). Шутка сказать: семь километров на себе такого верзилу переть!

Данилов. Много ли в тебе было — кожа да кости... Теперь бы, пожалуй, не дотащил. (Пытается его поднять).

Сеня. От дает!.. Это я после отпуска — первый день... Да, знаете, товарищ командир, Ковров ведь тоже здесь.

Данилов. Знаю.

Сеня. Председатель горисполкома!

Данилов. Да.

Сеня. Виделись уже?

Данилов. Виделись.

Сеня. Еще есть тут наши... Ильин Иван, конопатый такой, помни-те?.. Он на шарикоподшипнике.

Данилов. А тот, пожилой, с тобой все спорил?

Сеня. Дядя Петя?.. Этого нет.

Данилов. Тоже в том бою погиб?

Сеня. Нет. Он ведь как ушел тогда, так и не вернулся.

Данилов. Ушел?

Сеня. Ага, в город... Вы не знаете?

Данилов. Не знаю.

Сеня. Да как же!.. В тот самый вечер... Когда вы мне десять суток...

Затемнение.

Ночь, пурга, воет ветер. Пожилой Партизан без оружия, в телогрейке, похожий на безобидного деревенского дядьку, прикуривает сигарку. Появляется Сеня, в тулупе, с автоматом. Замечает человека.

Сеня. Стой!

Пожилой Партизан. А я бегу, да?

Сеня. А-а, ты... *(Подходит ближе, смотрит с удивлением)*. Чего это?

Пожилой Партизан. Стеганка... Ну, дыра...

Сеня. Да нет... Весь какой-то... Вроде беспартийный... Ленту с шапки спорол.

Пожилой Партизан. Тихо!

Сеня. А что?

Пожилой Партизан. В город я, Сеня.

Сеня. Отдает!

Пожилой Партизан. Про семью узнать.

Сеня. А не сцапают?

Пожилой Партизан. Не должны.

Сеня. Там портреты же твои на заборах висят.

Пожилой партизан. Три месяца уже... Другие наклеили... Да и вид у меня...

Сеня. Да, видок... Ковров пустил?

Пожилой Партизан. Он... Хотел сначала к Данилову, потом сам отпустил.

Сеня. Данилов пустит!.. Вот отсижу десять суток — тоже попрошусь у Коврова.

Пожилой Партизан. Дурак!

Сеня. Это почему?

Пожилой партизан. Не выйдет ничего.

Сеня. А тебя как?

Пожилой Партизан. У меня дело, а у тебя так.

Сеня. Дело? А говоришь — про семью узнать.

Пожилой Партизан. Про семью — одно, а поручение от комроты — другое... Только ты.. Ясно?

Сеня. А то нет!

Пожилой Партизан. Ну, бывай!.. Винтовку мою посмотри.. если долго... А то впаяет мне Данилов десять суток за ржу.

Сеня (*ему вслед*). Ни пуха, ни пера!
Голос пожилого Партизана. Иди к черту!..

Сеня с автоматом на пруду рассказывает возле землянки.
Затемнение.

Луч света выхватывает из темноты лицо Данилова.

Данилов. Пустил его... Пустил... Зачем, хотел бы я знать? Зачем?..

Занавес.

ЧАСТЬ II

Комната в доме у тети Насти. На тумбочке — телекомбайн. В окно видны несколько этажей многоэтажного здания.

Тетя Настя сидит возле стола с пальцами в руках. На носу очки. Она вышивает, что-то тихо напевая. В дверь стучат.

Тетя Настя. Кто там?

Голос Данилова. Живет здесь Анастасия Титовна Малинина?

Тетя Настя (*откладывая в сторону рукоделие, про себя*). Ишь ты, Малинина! Вспомнили! Уже пятнадцать лет, как Ткачева. (*Идет к двери. Снова стук*). Иду, иду!.. Кто там такой беспокойный? (*Открывает дверь*). Ну, заходите. (*Входит Данилов*).

Данилов. Здравствуйте.

Тетя Настя. Здравствуйте. (*Смотрит на него, не узнавая*). Ко мне, что ли?

Данилов. Тетя Настя, тетя Настя... Не узнаете?

Тетя Настя. Да нет, почему же... Батюшки! Ваня! Данилов Ваня! (*Бросается к нему на шею, целует, плача*). Ваня!.. Ванюшка!.. Седой, о господи!.. Сколько же тебе лет?.. погоди, не говори. Когда Нюра родила, мне семнадцать было... Теперь мне... Сорок шесть тебе! Сорок шесть, Ваня!

Данилов. Значит, вам...

Тетя Настя. А, что мои годы считать... Пойдем, пойдем. Не у двери же стоять. (*Ведет его к столу*). Вот тут садись. Или лучше тут.

Данилов. Все равно... Едва вас нашел. Знаю, где-то здесь был ваш домик. Кручусь вокруг да около, а найти не могу. Хорошо, старожилы помнят, показали.

Тетя Настя (*суетясь и убирая со стола*). Я сама, когда приехала, насилу отыскала. Кругом домов понастроили — вон какие! Был домик на улице, а теперь во дворе.

Данилов. Вы здесь не жили?

Тетя Настя. Говорю же, только приехала. Недели три всего... На колесах жили мы с мужем. Железнодорожный строитель он у меня. Мотались в вагончике туда-сюда. Теперь на пенсию вышел. Вот и вернулись с ним в мои родные края.

Данилов. А кто в доме жил?

Тетя Настя. Сначала чужие люди, потом мужнины родичи. На целину подались — молодые они.

Данилов. Вот оно что! А я после войны вам писем пять написал. Как в воду!.. Потом, уже совсем недавно, года полтора, посылаю запрос в милицию. Нет, отвечают, в нашем городе Анастасья Титовны Малининой.

Тетя Настя. Была Малинина, да вся вышла. Он Ткачев — ну и я — куда денешься!

Данилов. Ткачева... Тогда понятно. Не найдешь, не зная... Как вы, тетя Настя? Рассказывайте...

Тетя Настя. Чего рассказывать-то! Вот я вся тут... Видишь, старенькая совсем стала. Очки вот... С носа не снимаю... Прихварываю все — то тут кольнет, то там стрельнет — тоже, видать, от молодости моей... А вообще ничего, не поддаемся. Пенсию мы с ним оба получаем — на двоих тыщу. Домишко свой. Телевизор вот — кино дома смотрим... Ну, а ты, Ваня? Давно у нас в городе?

Данилов. Нет, совсем недавно...

Тетя Настя. Небось, начальником большим?

Данилов (*усмехаясь*). Так себе. Средним... Директором химического завода.

Тетя Настя. Какой это химический? Там, на Западном поселке? Со здоровой трубой?.. Вот так средний!.. Дымит на весь город.. (*Вздыхает*). Эх, была бы мать жива — как радовалась... Валя тоже с тобой?

Данилов (*мрачней*). Нет.

Тетя Настя. Что же не взял?

Данилов. Дрянь дело с Валею, тетя Настя. Нет Вали.

Тетя Настя. Как? Неужто померла?

Данилов. Нет... Развелись.

Тетя Настя. Батюшки!.. А любил-то как!.. И давно?

Данилов. Давно. В сорок девятом.

Тетя Настя. Чего так?

Данилов. Долгая история, тетя Настя... У меня в сорок восьмом были неприятности... Короче говоря, посадили. Работал тогда в Сибири. Был там человек один. На большой должности, но подлец каких мало... Ошибку я сделал. Думал, один с ним справлюсь. А он оказался хитрее. Подлог учинил, добился, чтобы меня... из партии. А потом и посадили. На Севере был, в лагере... Валя прислала развод...

Тетя Настя. Ай-яй-яй...

Данилов. Потом разобрались, выпустили... В партии восстанови-

ли.: Но время прошло. Узнал, что Валя в Москве. Приехал. У нее муж, дочка... Вот так, тетя Настя.

Тетя Настя. Эх, Иван, Иван! Неугомонная твоя голова... Пока правду искал, сам все растерял.

Данилов. Что же делать... *(С невеселой усмешкой)*. Чужую бороду драть, своей не жалеть.

Тетя Настя. Да уж... Не пожалел... *(С неожиданной пронзительностью)*. Трудно тебе?

Данилов. Почему трудно?.. *(После паузы)*. Трудно... С людьми иначе как-то надо. Вот чувствую, то говорю, но не так говорю. Улыбаться, что ли, чаще?

Тетя Настя. И это нужно. Нужно... Но главное, чтоб по справедливости. Тогда, на худой конец, люди за тебя сами улыбку додумают.

Данилов. Тетя Настя...

Тетя Настя *(спохватившись)*. Ой, что же это я сижу? Надо же чайку поставить.

Данилов. Не стоит, тетя Настя.

Тетя Настя. Торопишься?.. Быстро — газ! Воды у нас днем не бывает, так я ночью встаю и во все кастрюли... Посиди, послушай. *(Идет к телекомбайну, ставит пластинку)*. «Красная розочка»... Нравится?

Данилов. Вы все пластинками увлекаетесь? Помните, ваш граммофон, вот с такой трубой.

Тетя Настя. И ты все глядел, кто там поет.

Данилов. Потом Антонина подросла — и она туда же... У вас пластинка была, Тоне нравилась, все напевала... Вот эта... *(Напевает)*.

Тетя Настя. Смотри, что вспомнил!.. Это ж «У самовара». *(Поет)*. «У самовара я и моя Маша, а на дворе давно уже темно...». *(Идет на кухню, за русскую печь, и оттуда продолжает говорить)*. Да, граммофон... А знаешь, как он во время войны нам дух поднимал... Все продала, а граммофон нет. Соберутся у меня, бывало, соседи, поставим «Катюшу» или «Три танкиста» — тихонечко, на одной только иголке, чтобы, не дай бог, на улице не услышали. Слушаем, слезы текут, и хорошо нам всем... *(Появляется с чайником в руке)*. Нет, нет, ты ее не снимай, это долгоиграющая). Пусть себе... *(Опять проходит на кухню)*. Да... И как будто нет ни войны, ни оккупации, ни фашистов окаянных вокруг...

Данилов. Куда же вы его дели? Сломался?

Тетя Настя *(снова выходя из кухни)*. Вот и все. Сейчас вскипит... Граммофон?.. Что ты! Ему сносу не было. Фашисты его расстреляли, когда забирали нас... *(Ставит на стол чашки, вазу с конфетами, пенные)*.

Данилов. Вас вместе тогда, с Антониной?

Тетя Настя. Вот здесь, в этой комнате.

Данилов. Сразу, как она пришла?

Тетя Настя. Что ты — сразу! Она с одним повидалась, с другим, и потом только...

Данилов. С другим?! Вы не путаете, тетя Настя?

Тетя Настя. Путаю! Да я каждую минуту этого проклятого дня по гроб жизни помнить буду!.. Путаю! До сих пор не могу понять, как же это так все случилось?

Данилов. Расскажите, тетя Настя. Как можно подробнее. Это очень важно. Очень!

Тетя Настя. Ну, пришла она от вас тогда из леса. Все очень даже хорошо: документы у нее по дороге проверяли — не придрались. Пришла, значит, и говорит мне, чтобы я сбегала на Московскую. Рядом с домом, где до войны кондитерская была. Там женщина одна жила, так жилью ее передать, что ему продукты из деревни привезли... Сходила я на Московскую, домой вернулась. Тоня ждет, волнуется. «Ну как, тетя Настя?» Передала, говорю. Через час или чуть больше стучат в дверь. Он, видать, пришел за продуктами. Тоня меня на кухню. Посиди, говорит, пока я с ним разговаривать буду. А из комнаты мне в кухню все слышно. Не по-русски говорят. Кавер-кадавер, морген-зорген, айн-цвай... Пяти минут не побыл — пошел. Антонина его к двери проводила...

Во время рассказа тети Насти постепенно гаснет свет. Когда он загорается снова, обстановка в комнате несколько изменилась. Она сейчас такая, какой была в годы войны. Окно закрыто черной, светонепроницаемой шторой. Стол сундук да три табуретки, на одной из которых стоит граммофон с большой трубой.

В комнате Антонина. Она закрывает на замок двери. Затем идет к столу и сосредоточенно читает бумагу, полученную, по всей видимости, от посетителя. Входит тетя Настя. Начинает прибирать в комнате, неодобрительно поглядывая в сторону углубившейся в чтение Антонины.

Тетя Настя *(не выдержав)*. Фриц?

Антонина *(не отрываясь от бумаги)*. Немец.

Тетя Настя. Фриц, значит.

Антонина молчит.

Тетя Настя. Встречала я его где-то... Вот видела — и все... Да уж не в комендатуре ли? Батюшки! Неужели там?.. Тонька!

Антонина. Да?

Тетя Настя. Да брось ты свою бумагу... Из комендатуры он, точно! В прошлый месяц нас на уборку гоняли. Он! Точно, он!.. То-то, я гляжу, личность знакомая!.. Тонька! Тонька! Да слышишь ты меня, Тонька!

Антонина. Я знаю, тетя Настя.

Тетя Настя. Что знаешь?

Антонина. Все.

Тетя Настя. Про комендатуру?

Антонина. Да.

Тетя Настя. И тащишь сюда, в мой дом?

Антонина. А куда? В комендатуру?

Тетя Настя *(догадываясь)*. Так он что...

Антонина. Не знаю, тетя Настя, не знаю, не спрашивайте.

Тетя Настя. Ой, смотри, Тонька!.. Знаешь, как говорят: и от доброй собаки блох наберешься.

Антонина. Тетя Настя, мне идти сейчас...

Тетя Настя. На ночь глядя? Комендантский час.

Антонина. Спешное дело...

Кто-то стучит в дверь. Тихонько, словно скребется. Обе женщины напряженно прислушиваются.

Антонина (*шепотом*). Стучат.

Тетя Настя. Ага... Может, опять он?

Антонина. Не знаю... Не должен.

Снова стучат, на этот раз погромче.

Тетя Настя. Пойду, гляну.

Антонина. Нет! Я сама. Может, в самом деле он... Вы побудьте на кухне.

Тетя Настя. Ах, Тонька, Тонька!..

Антонина. Не выходите. Я вам скажу, когда.

Тетя Настя уходит. Антонина подходит к двери и прислушивается. Опять стучат. Решившись, она отодвигает запор и чуть приоткрывает дверь.

Антонина. Кто?

Голос. Свой.

Антонина открывает дверь пошире. Там человек, лицо которого не видно зрителю.

Антонина. Вы?!.. Вы?!

Затемнение.

Комната в квартире Коврова.

Кирилл, стоя у зеркала и мурлыча под нос песенку, причесывается, затем принимается за более сложную работу — повязывание галстука. Входит

Ковров.

Ковров. Отправляешься?

Кирилл. Да. Договорились с ребятами сходить в городской парк.

Ковров (*с тревогой*). Смотри!

Кирилл. Что ты!.. Разве только грамм двести...

Ковров. Ну вот!

Кирилл. ...Томатного сока.

Ковров (*ласково*). Мошенник!

Кирилл. Из всех видов алкогольных напитков Клава признает только сок.

Ковров. Клава?

Кирилл. Она тоже будет.

Ковров. Так бы и сказал. А то — «с ребятами».

Кирилл. Нет, пап, честное слово, с ребятами тоже... Ты же знаешь — пусть временно, а все же бригадир бригады коммунистического труда.

Ковров. Хоть бы в выходной дали людям отдохнуть.

Кирилл. Мы как раз отдыхать.

Ковров. Хорошее дело — ваши бригады... Но если их приберет к рукам Данилов... Получится то же «давай, давай» — в несколько видоизмененной форме. У него умение превращать в химическое сырье самые возвышенные чувства. Даниловщина!

Кирилл. Ты знаешь, как я к нему отношусь. Но насчет нашего отдыха — тут ты явно неправ, пап. У нас отличные ребята! Мне просто приятно с ними.

Ковров. Что ж. Я рад.

Кирилл. *(после небольшой паузы)*. Слушай, пап... Можно тебе подбросить один коварный вопрос?

Ковров. Валяй.

Кирилл. Вот, предположим, вступим мы с Клавой в законный брак... Нет, нет, ты не очень торжествуй, я не говорю, что поженимся. Только предположим.

Ковров. Давай предположим.

Кирилл. Где нам тогда жить?

Ковров. А чем вам плохо в нашем городе?

Кирилл. Брось, пап! Я серьезно.

Ковров. Где бы ты сам хотел?

Кирилл. Видишь ли, можно было бы у Клавы — у них все-таки три комнаты... Но вот дядя Саша... Он ко мне не очень... А если здесь, а, пап? В родной пещере. Эту пещеру тебе, а ту нам.

Ковров. И чтобы вы через меня ходили?

Кирилл. Давай тогда эту нам, а ту тебе.

Ковров. Чтобы я через вас ходил?

Кирилл. Ты смотри! Безвыходное положение!.. Ну, давай мы через окно, что ли. Рядом пожарная лестница. И невысоко — второй этаж.

Ковров. Иначе никак нельзя?

Кирилл. Я понимаю! Ты не хочешь видеть, как чужая женщина угнетает твоего единственного сына. Пусть угнетает где-нибудь подальше.

Ковров. Опять не угадал!.. Я от вас с Клавой никуда. Мой очаг давно разорили — хоть у вашего погреюсь... И вообще... Смотришь, на обед пригласите, рубашку когда Клава отутюжит.

Кирилл. Сплошная загадка!

Ковров. Не понимаешь?

Кирилл. Отказываюсь.

Ковров. А если нам вместо этой квартиры взять трехкомнатную, а? Одну комнату мне, две вам.

Кирилл. Дадут?

Ковров. Как никак я председатель горисполкома.

Кирилл. Был бы блеск.

Ковров. Так и сделаем.

Кирилл (*спохватившись*). Но учти — это только предположительно.

Ковров. Конечно, предположительно.

Кирилл (*смотрит на него подозрительно и грозит пальцем*). Ох, и хитрый ты, пап! (*Оба смеются*)... Что ты думаешь сегодня делать? Воскресенье, погода такая... Давай с нами, а? Смычка поколений. Старый партизанский дуб и молодая поросль коммунизма.

Ковров. Что ты, ребята твои застесняются. Я ведь их никого не знаю.

Кирилл. А Клаву?.. Представляю, как она запрыгает... Ты ведь для нее — у-у... В день по три раза требует, чтобы я с тобой примерблал. Даже обидно... Пошли, а?

Ковров. Не могу. Если бы ты вчера сказал. А то я уже договорился.

Кирилл. С кем?

Ковров. С Александром Петровичем. Поедем с ним в пригородный совхоз. Покупаемся — там у них чудесный пруд. Заодно договоримся с директором насчет свежих овощей для города... (*Из передней слышен звонок*). О, легок на помине. Иди, Кирилл, открой.

Кирилл уходит. Через несколько секунд из передней доносится голос Люльки.

Люлька. Дома?

Кирилл. Да.

Оба входят в комнату.

Люлька. Здравствуй, Сергей... (*Кириллу*). Еще только галстук прилаживаешь?.. А Клава уже умчалась.

Кирилл молчит. Повязал галстук, надевает пиджак.

Люлька. Не пара она тебе, Кирилл.

Кирилл (*уязвлен*). Голубая кровь?

Люлька. Кровь, кровь!.. Не будет ей с тобой счастья.

Кирилл. Мистика... У меня по диамату всю жизнь сплошные пятёрки... Подтверди, пап... Я пошел.

Уходит.

Ковров. Зря, Саша, зря!

Люлька. Что ты знаешь: зря, не зря..

Ковров (*примирительно*). Ладно, ладно... Машина здесь?

Люлька. В том-то и дело, что нет. И телефон в гараже молчит. Сейчас схожу, узнаю у Миши... (*Делает несколько шагов по направлению к двери, но, вспомнив о чем-то, останавливается*). Да, что ж ты молчишь? Клава говорила, Данилов к тебе приходил.

Ковров (*неохотно*). Приходил...

Люлька. Ну и что?

Ковров. Нехорошо получилось. Я не выдержал... А тут Кирилл еще... Бухнул ему, чтобы уходил.

Люлько. Выгнал?

Ковров. Все-таки не надо было. Как никак, и ему Антонина не чужая. Тоже переживал немало — не может быть... И потом, столько лет прошло...

Люлько. А говорил: ненавижу, а говорил: пусть только появится... Суешься в волки, а хвост собачий.

Ковров. Саша!

Люлько. Прости!.. Ты прав: жена твоя, дело твое, сам думай, сам решай!.. Не закрывай дверь, я быстро. (Уходит).

Ковров некоторое время стоит в раздумье, глядя на портрет жены, потом, тяжело вздохнув, идет к книжной полке и начинает переставлять книги. Его занятие прерывает длинный звонок в передней.

Ковров. Открыто!

Входит Данилов.

Ковров. Ты?.. Я знал, что ты придешь... Ты не мог, не придти... Это моя вспышка... Ну, нервы, нервы, что сделаешь... Ты должен понять, Иван... Увидел тебя и с такой отчетливостью все вспомнил. Надо было сдержаться. Мне очень жаль, Иван...

Данилов. Жаль...

Ковров. И не будем больше об этом вспоминать... Сколько лет... И вообще... Мне потом рассказали, как трудно у тебя все сложилось... Все! Забудем, забудем!.. В конце концов, ты ведь сам не хотел того, что с ней случилось.

Данилов. Ты знаешь, как она погибла?

Ковров. Не надо, Иван! Забудем!

Данилов. Ты знаешь?

Ковров. Знаю! Каждый шаг ее знаю. В гестапо, в камере, в тюремном дворе, на расстреле... Зачем ты? Зачем?

Данилов. А до гестапо?

Ковров. Что до гестапо?

Данилов. Что было до гестапо — знаешь?

Ковров. Знаю!.. (Теря терпение). Ее взяли в доме Малининой, на явочной квартире. Куда ты ее отправил.

Данилов. И что к ней от твоего имени приходил человек — тоже знаешь?

Ковров. От моего имени?.. Что ты говоришь, Иван!

Данилов. Малинину взяли вместе с Тоней.

Ковров. Знаю.

Данилов. Она уцелела.

Ковров. Да, говорили, будто ей удалось спастись... Но причем тут...

Данилов. Ты пытался ее разыскать?

Ковров. Да... Сразу после войны (волнуясь). Я шел ко всем, кто мог хоть что-нибудь знать. Я писал во все концы, допрашивал пленных... Вот, вот! (Рывком выдергивает ящик письменного стола, высыпает из

него на стол большую пачку бумаг). Вот... Прости, Иван... Но ты сам... Твой тон...

Данилов. Не нашел?... Малинину не нашел?

Ковров. Нет. Не нашел. В Германию ее угнали, в концлагерь.

Данилов. Она здесь.

Ковров (поражен). Здесь?

Данилов. Недавно вернулась... (Пауза). Я говорил с ней, Сергей... Ты хочешь знать, как погибла Антонина?

Ковров. Она рассказала?

Данилов. Садись.

Ковров. Она?

Данилов. Садись и слушай... (Поворачивается к нему, начиная рассказывать).

Затемнение.

Из темноты возникает комната тети Насти. Возле двери стоит Антонина и неизвестный человек спиной к зрителям.

Антонина. Вы?!.. Вы?!

Человек поворачивается лицом к зрительному залу. Это — Люлько.

Люлько. Я... Не ждали?

Антонина. Нет.

Люлько. И не очень радуетесь?... Я так и думал.

Антонина. Нет, почему же...

Люлько. Значит, все-таки радуетесь... А почему тогда не приглашаете войти?

Антонина. Ах, простите... Так неожиданно... Заходите, пожалуйста! (Ведет Люлько к столу. Он садится на предложенный ею табурет). Как вы узнали, что я здесь?

Люлько. Да вот, понимаете, иду по улице, смотрю — впереди как будто знакомая. Присмотрелся: жена Сергея. Антонина.

Антонина. Афанасьевна.

Люлько. Да, да! Антонина Афанасьевна. Неужели, думаю, ошибся?... Нет, она!.. Только хотел подойти, а вы в этот дом завернули. Мне было некогда — торопился по всяким там своим делам. Решил вечером заглянуть... А сейчас, когда подошел, почудилось мне, вроде фриц какой-то отсюда вышел.

Антонина. Ну, знает!.. Благодарю!

Люлько. Я же говорю: показалось... А вы все такая же. Разве только чуть осунулись... Помните, как мы с вами на Первое мая отплясывали?... Двух лет нет, а кажется, в прошлом веке... Как вы к нам в город попали? В такое время...

Антонина. Как попала? Как все... Вы на базаре сегодня были?

Люлько (озадаченно). На базаре?

Антонина. А то увидели бы, как я там яйцами торговала... Это вам не танцы на Первое мая.

Люлька. Спекулянтка?

Антонина. Что будешь делать?.. Время такое. Жить как-то надо. Вон у меня валенки износились. А как новые купить?

Люлька. Да, валенки у вас того... Значит, вы здесь не живете?

Антонина. Что вы!.. Так, остановилась. Десяток яиц хозяйка содрала... Я в Ельцовке. Есть там одна бабка, родственница Сергея.

Люлька. А Сергей где? Все партизанит?

Антонина. Представьте: ничего про него не знаю. Бросил он нас с Кириллом у этой бабки... Или, может, убили.

Люлька. Да, грустно... Но вы, я смотрю, не очень печалитесь... А Кирилл, значит, снова с вами?

Антонина. Как — снова?

Люлька. Так ведь его в Москву отправили на самолете.

Антонина. Ах, вы и это знаете?

Люлька (*усмехаясь*). Не только это... (*Весело*). Ну, хватит шутки шутить, гражданка спекулянт яйцами — вот так! Я вас в городе не видел — мне ваш адрес сообщил Сергей. Часа три назад от него приходил человек, прямо из отряда. Приказано мне Сергеем помочь вам во всем. Связать с нужными людьми, выяснить, кто цел, что с ячейками. И тэ дэ и тэ пэ, как говорится.

Антонина. Сергей?..

Люлька. Вообще, момент вы выбрали не слишком удачный. Еще идут аресты. Люди попрятались кто куда. Трудновато будет разыскать концы.

Антонина. Не все, наверно, попрятались. Вы-то вот не прячетесь.

Люлька. А мне зачем? Я работаю на вокзале, на самом виду у немцев. Пятерка моя вся цела. Человек из городского руководства, с которым я был связан, успел вовремя смотать удочки. Так что я могу ходить да посвистывать.

Антонина. А если бы он даже и попался? Так обязательно и выдал бы?

Люлька. Конечно, не обязательно. Но подполье есть подполье: не доверяй никому, не попадешь к врагу. Кто, например, мог думать, что Сергунов станет выдавать?

Антонина. Сергунов?

Люлька. Да, именно Сергунов, представьте себе. Тот самый, который до войны секретарил в комсомоле... Это мы ему, подлецу, всем объяснили...

Антонина. Вы уверены?

Люлька. Абсолютно! Можете там на меня сослаться.

Антонина. Нет, а все-таки... Какие у вас источники?

Люлька. Говорю вам: от верных людей знаю. Из городского ру-

ководства. У них было подозрение насчет Сергунова, да ничего сделать не успели. Он выдал! Он!

Антонина. Ах, так вы и других из городского руководства знали — не только одного?

Люлька (*секундное замешательство, прикрытое смешком*). Того по организационной линии, а этих так. Личные связи... Я ведь здесь, в городе, слава богу, около тридцати лет живу, многих знаю... Ну, Антонина Афанасьевна, говорите, чем вам помочь?

Антонина. Даже не знаю... Если так обстоят дела...

Люлька. Испугались?.. Или, может, вы мне не очень верите, а?

Антонина. Что вы!

Люлька. По глазам вижу: сомневаетесь... Ну, ничего, поверите. Давайте сделаем так. Сегодня ночью я кое-кого повидаю. А утром, в восемь, получите полный отчет. Устраивает?

Антонина. Вполне... Только мне неудобно...

Люлька. Пустяки! Мы с вами одно дело делаем... Итак, завтра в восемь я у вас.

Антонина. Жду.

Люлька. Вот видите, все-таки хорошо, что я к вам зашел. А по началу вы не очень обрадовались, сознайтесь. Наверное, свинством посчитали с моей стороны, а? Знаете, как говорят немцы? В каждом свинстве есть кусочек ветчины... Ну, разрешите пожать вашу руку.

Антонина (*подавая ему руку*). До свидания.

Провожает Люлька к выходу, закрывает дверь и стоит в раздумье.

Тетя Настя (*выходя из кухни*). Кто такой?

Антонина. Знакомый Сергея.

Тетя Настя. Сгодится тебе, а?

Антонина (*все еще в состоянии раздумья*). Что-то тут не так... Что-то не так... Сергунов никого не выдал. Немец сказал — убили его на допросе.

Тетя Настя. Батюшки!

Антонина. Ничего не выжали — ни единого слова! А этот говорит: Сергунов... Впрочем, гестапо могло пустить такой слух. Чтобы запутать... (*Решительно*). Собирайтесь, тетя Настя!

Тетя Настя. Как собираться? Куда?

Антонина. Уходить надо. Быстро!

Тетя Настя. Что ты, Тоня! Ночью? В темноте? Патрули кругом... Да и он как? Ведь сказал: утром придет.

Антонина. Скорей, скорей!

Быстро одевается. Ее возбужденное состояние передается тете Насте. Она тоже начинает одеваться.

Тетя Настя. Что же случилось такое? Что случилось?

Антонина. Быстрее, тетя Настя, быстрее! Потом скажу!

Тетя Настя. Хоть белья чуток... Не бросать же гадам! (*Поспешно складывает белье из сундука в узел*).

Сильный стук в дверь. Обе застыгают на месте. Тетя Настя, первая придя в себя, показывает Антонине, чтобы уходила через кухню.

Тетя Настя. Окно!

Антонина бежит на кухню. Стук повторяется, еще более сильный. Слышны выкрики: «Эфнен! Зофорт!»

Тетя Настя. Сейчас, сейчас!..

Ставит пластинку, заводит граммофон, раздаются звуки веселой песенки. Оглядываясь на кухню, торопится к двери, отодвигает задвижку. В комнату врываются двое вооруженных гитлеровцев. Один из них направляет на тетю Настю пистолет. Не сводя глаз с пистолета, она шаг за шагом отходит от двери. В это время из кухни, точно так же, пятясь, с поднятыми вверх руками, показывается Антонина. За ней следует гитлеровец с направленным на нее автоматом. Обе женщины сходятся на середине комнаты. Один из гитлеровцев поворачивается и с возгласом «Ферфлухт, нох айн малы!» пускает по граммофону автоматную очередь. Веселая музыка обрывается.

Затемнение.

Снова Ковров и Данилов.

Ковров. Люлька?!.. Люлька?!.. Но как он узнал?

Данилов. Ты послал человека.

Ковров. К нему?!..

Данилов. Нет?

Ковров. Конечно, нет!.. Он пошел узнать о семье. И я попросил, чтобы помог Антонине. Он отлично знал город, подполье, мог найти нужных людей. Не было бы так смертельно опасно. Но он не дошел — исчез где-то на полпути.

Данилов. Значит, все-таки послал.

Ковров. Я не мог не послать.

Данилов (*с горьким сарказмом*). Конечно, иначе она погибла бы из-за моего бессердечия. И ты решил сам позаботиться о ней. Добрый, великодушный, благородный... «Найти нужных людей»... Ты знаешь, зачем Тоня пошла в город?

Ковров. Как зачем? Узнать о провале подполья, наладить новые связи.

Данилов. Ничего подобного.

Ковров. Как?!

Затемнение.

Из затемнения возникает землянка командира партизанского отряда Данилова.

Стол, сколоченный из нетесаных досок, на столе фонарь «летучая мышь», расстеленная карта.

Входит Антонина, садится на скамью, ждет.

Голос Данилова (за дверью). Нет, я сейчас занят. Через полчаса...

Входит Данилов.

Данилов. Зачем, сестренка?

Антонина. Ты знаешь.

Данилов. Давай чай пить. У меня еще кусочек сахара есть.

Антонина. Надо идти, Иван.

Данилов. Ох, сестренка!

Антонина. Никуда от этого не денешься.

Данилов. Обождем еще день.

Антонина. В Подворье сегодня снова привезли два батальона полевых жандармов.

Данилов. Да, сестренка. Окружают.

Антонина. Больше ждать нельзя. Чем раньше, тем лучше.

Данилов. Хотя бы до завтра. Вдруг Болдина ночью вернется.

Антонина. Из гестапо не возвращаются. Ты это знаешь не хуже меня.

Данилов. Может, ее взяли случайно. Проверка документов...

Антонина. А подполье — тоже случайно?.. Нет, Иван, надо идти. Ты не имеешь права рисковать отрядом.

Данилов. Хотя бы до ночи.

Антонина. Я выйду с таким расчетом, чтобы утром быть там. Комендантский час кончается в семь. До восьми еще темно. Я успею.

Данилов. Ты все рассчитала.

Антонина. Слава богу, не первый раз.

Данилов. Может, все-таки лучше мужчине.

Антонина. Ты же отлично знаешь: он предупрежден, что будет женщина... Говори, Иван!

Данилов. Кремер. Вольфганг Кремер. Уполномоченный по снабжению при полевой комендатуре.

Антонина. Прямо туда?

Данилов. Он живет на Московской, тридцать шесть, квартира три. Пошлешь тетю Настю, пусть скажет его хозяйке, что ему принесли из деревни два кило сала и шесть десятков яиц.

Антонина. Два килограмма сала и шестьдесят яиц.

Данилов. Узнаешь время начала карательной операции, может быть, план тебе передаст.

Антонина. Ему можно верить?

Данилов. Он уже доказал. Коммунист. Рискует головой.

Антонина. Еще что?

Данилов. Больше ничего.

Антонина. А узнать о провале подполья?

Данилов. Ни в коем случае! Больше ни с кем не встречайся. Мы не знаем, кто выдал. Сразу назад!

Антонина. Потому что я твоя сестра?

Данилов. Нет, потому что ты наша последняя надежда. Эти данные для отряда — вопрос жизни или смерти.

Антонина. Я выйду в полночь.

Данилов. Сестренка!

Антонина. Кто у нас сегодня в секрете на меже?

Данилов. Сейчас узнаю, обожди.

Антонина. Скорее, пожалуйста. Мне надо к Сергею.

Данилов. Только ни слова! Ни ему, никому; люди и так издерганы... Я сейчас. *(Выходит)*.

Антонина *(повторяет)*. Тридцать шесть, квартира три... Два кило сала, шестьдесят яиц. Два кило сала, шестьдесят яиц...

Затемнение.

Вновь Данилов и Ковров.

Ковров. Какой ужас! Какой ужас! Из-за того, что Антонина не получила этих сведений...

Данилов. Нет, она их получила. Совершенно точные сведения.

Ковров. Получила?!

Данилов. Да. И план тоже. Но передать в отряд не смогла, Люлька...

За дверью голос Люльки: «Ты пока развернись, Миша!».

Ковров вскидывает голову и с ужасом смотрит на дверь.

Данилов *(догадываясь)*. Он?

Ковров *(едва слышно)*. Он.

Люлька *(входя в комнату)*. Поехали, Сергей. Машина у подъезда. *(Заметив постороннего человека)*. О, простите, я... я, кажется... *(Молчание. Он переводит взгляд с одного на другого. Встревоженно)*. Что такое?..

Данилов. Рассказывайте, Люлька. Рассказывайте, как продали фашистам Антонину Коврову. Всех других. Рассказывайте. Ну!

Люлька *(тяжело дыша, затравленно озирается вокруг)*. Нет!.. Нет!.. Нет!..

Ковров. Иван!

Данилов *(резко)*. Что?

Ковров. А дети? Дети?.. Кирилл!.. Клава!.. Пусти его, Иван!.. Пусть удавится, пусть стреляется, пусть исчезнет навсегда... Ради детей! Ради Кирилла, ради Клавы!.. С ними что будет? С ними!

Затемнение.

Авансцена. Проецируется улица города. Обычный уличный шум, моторы автомобилей, звонки трамваев. Из репродуктора несутся металлические звуки песни «Мы с тобой два берега»... Показывается Кирилл. Он навеселе. Навстречу идет Клава. Кирилл проходит мимо, очевидно, не замечая ее.

К л а в а. Кирилл!.. Кирилл!

Кирилл останавливается, стоит спиной к ней.

К л а в а. Кирилл!

Кирилл (*поворачивается к Клаве*). А-а... (*Подходит к ней. Развязный тон*). Слышу — знакомый нежный голос. Думаю — не может быть. Иду дальше — опять окликают. И вот, пожалуйста!..

К л а в а (*с надеждой*). Не узнал?

Кирилл (*с ядовитой галантностью*). Тебя?!.. Не хотел компрометировать. (*Грубо*). Ну что?

К л а в а. Я не видела тебя целый месяц... Так тяжело мне...

Кирилл (*рванувшись к ней и тут же отшатнувшись*). Что я слон — чужие тяжести таскать? У меня своих семьдесят килограммов, никак от земли не оторву.

К л а в а. Кирилл!

Кирилл. Все? Я, простите, спешу.

К л а в а (*не зная, что делать, что сказать*). Куда? Постой!..

Кирилл. Вот это, я понимаю, деликатность! Сразу — куда? Милая комсомольская непосредственность... Молодежный задор... А вообще, не тайна — можно сказать. К Травкину — вот... (*Вспомнив*). Химию он мне взялся преподавать. (*Хохочет*). Спиритус вини ректификации...

К л а в а (*со слезами*). Пропадешь, Кирилл!

Кирилл. Нет, смотрите-ка — ну, в точности мой папочка. Он на всех углах меня караулит и тоже об этом... Какое трогательное родство душ!.. Помнишь, ты меня все агитировала с него пример брать? Каков примерчик, а?

К л а в а. Неужели это все, о чем ты помнишь, Кирилл?.. Неужели, неужели...

Кирилл (*порываясь к ней*). Клава!.. (*Снова переходит на развязную речь*). А, брось, плюнь на все! На все плюнь... И забудь. Мираж. Туман. Фата-моргана!.. Ничего не было. И не будет. Не может быть!.. Плюнь.

К л а в а. Кирилл!

Кирилл (*с болью, с рыданием в голосе*). Ну что — Кирилл? Что Кирилл?.. Видишь же — все рухнуло к черту... Твой почтенный родитель убил мою мать... Мой ему помог... И вообще, наши предки...

Где живут два рода в ссоре,

Где отцов пролита кровь,

Там узнает желчь и горе

И безгрешная любовь...

Хлебников! Сам Велемир Хлебников... А ты зевала, помнишь?

К л а в а. Я люблю тебя, Кирилл. Разве это не самое главное?

Кирилл. А я?

К л а в а (*с надеждой, со страхом*). А ты?

Кирилл. Я?.. Я... (*Снова развязный тон*). А ну ее к черту, эту всю психологию... Пойдем лучше выпьем! Нет, правда...

К л а в а. Кирилл!

Кирилл. Ну, что ты заладила — Кирилл да Кирилл... Кирилл. Кирилл Ковров — у-у, ненавижу! Я бы сейчас и имя, и фамилию, и рожу сменил, чтобы не тыкала пальцем всякая сволочь... Иванов, Петров, Сидоров — есть же на свете счастливые люди... Или Данилов... Во-во — Данилов! Звучит-то как благородно: Да-ни-лов... Фараон! Рамзес Тутанхамонович! Не мог промолчать! Благодетель!..

К л а в а. Разве было бы лучше, Кирилл?

Кирилл. Мы бы ничего не знали. Барахтались бы себе в теплой луже неведения... Кто его просил? Кто просил?

К л а в а. Кирилл!

Кирилл. Поженились бы. Была бы семья... Дети... Сын... Андрюшка.

К л а в а. Правда все равно всплыла бы наружу... Что бы ты тогда сделал?

Кирилл. Я... Я...

К л а в а. Ты бы сказал мне: «Твой отец убил мою мать»... Так лучше сейчас!

Кирилл. Не знаю я ничего... Не знаю (*медленно; пошатываясь, идет прочь*).

К л а в а (*ему вслед, отчаянно*). Обожди, Кирилл!

Кирилл. В другой раз...

Уходит. Клава смотрит ему вслед. В глазах слезы. Становится слышнее уличный шум.

Клава поворачивается и, опустив голову, медленно уходит.

З а т е м н е н и е.

Кабинет председателя горисполкома (из первой части). Небольшие, неприличные на первый взгляд изменения говорят о том, что в кабинете новый хозяин. Окно распахнуто настежь, гардина закинута на раму. Письменный стол, прежде заставленный промоздым письменным прибором, сейчас почти пуст. На нем лишь календарь, чистые листы бумаги. В вазочке несколько карандашей.

За письменным столом Данилов. Берет карандаш, хочет что-то записать, но он сломан. Обрасывает, берет другой, третий, — такая же история. Встает, подходит к окну, потягивается, всей грудью вдыхая воздух. Хочет отойти от окна. Но тут его внимание привлекает картина «Неизвестная», по-прежнему висящая в простенке. Он останавливается возле нее, проводит рукой по раме, качает головой.

Стучат. Входит Шевцова с газетами и листком бумаги в руке.

Шевцова (*держится сухо, подчеркнуто официально*). Свежие... (*кладет газеты на стол*). На завод я звонила. Главного инженера нет — ему передадут.

Данилов. Спасибо... Анна Семеновна, эту картину...

Шевцова (*перебивая его*). Понимаю... Что-нибудь из портретов вождей? Или из революционного прошлого?.. В коммунальном отделе висит «Первая конная». Можно сменить.

Данилов (*словно не замечая тона Шевцовой*). Зачем?.. Я о другом — пыль стереть... А так — пусть Крамской...

Шевцова (*все так же сухо*). Я скажу уборщице.

Данилов. Хорошо. (*Возвращается к столу, раскрывает газеты*).

Шевцова. Я принесла заявление.

Телефонный звонок. Данилов снимает трубку.

Данилов (*Шевцовой*). Положите — я посмотрю. (*В трубку*).
Слушаю.

Шевцова кладет заявление на стол и выходит.

Трубка. Круминь с химзавода... Вы просили позвонить, Иван Афанасьевич.

Данилов. Да... О Беляеве.

Трубка. Беляев?.. А, тот... Бронтозавр.

Данилов. Возьмите его к нам рабочим.

Трубка. Бесплезно, товарищ Данилов! Вы не знаете. У него голова в облаках.

Данилов. Нет, знаю... Я тут с ним весь выходной бился, все спускал с облаков на землю. Сначала обиделся, а потом ничего, понял... Виныаты мы все перед ним. И вы в том числе.

Трубка. Я?

Данилов. Вы... Почему сразу не отказались делать машину? Вы специалист. Должны были видеть, что ничего доброго не выйдет.

Трубка. Ковров настаивал — неудобно...

Данилов. Неудобно... Одному жалко, другому неудобно... И никто не подумал, как это жестоко — понапрасну обнадеживать человека. Он ведь всерьез принимал. Изобретал давно изобретенное. Себе портил жизнь, семье, людям. Направьте его в механический цех — у него золотые руки... Завтра пришлю...

Кладет трубку на рычаг. Берет заявление и начинает читать.

Данилов. Еще не хватало! (*Звонит. Вошедшей Шевцовой, показывая на заявление*). Что это такое?

Шевцова. Заявление.

Данилов. Какое заявление?

Шевцова (*пожимая плечами*). Обыкновенное. Об уходе с работы.

Данилов. Я о другом. Почему вы вдруг решили уйти?

Шевцова. Почему уходят?.. Нашла себе работу. Более подходящую. И оклад на пять рублей больше.

Данилов. На пять рублей... Гм... (*Выходит из-за стола, подходит к Шевцовой*). А если честно? Не хотите со мной работать?

Шевцова. Если честно — не хочу.

Данилов. Почему?

Шевцова. Так.

Данилов. Честно!

Шевцова. Я не подхожу под ваш стиль.

Данилов. Не понимаю.

Шевцова. Не понимаете? Хорошо, я объясню. *(Ее сухость как рукой сняло, она говорит страстно и быстро, выкладывая все, что накопилось на душе за целый месяц)*. Есть вещи, которые меня... ну, я не знаю, потрясли... Люлька... Я помню один разговор с ним... Вот здесь, в кабинете... Провокатор, предатель. Но вот Сергей Владимирович... Его сняли с работы... По собственному желанию — господи, кто не знает, что это за собственное желание!.. Я маленький человек — технический секретарь, но я же все вижу. Клава, Кирилл — конечно, это их личное дело. Но я здесь работаю двенадцать лет. Всех этих людей я знаю... Ну... ну я не знаю как! Некоторые мне близки, как родные... А вы... Вас никто не любит, все вас боятся... За месяц я видела больше расстроенных лиц, чем, ну, я не знаю, за два, за три года... Вот вчера вышел от вас Гибелев, директор «Водосвета»... Взять и вышвырнуть на улицу... Он сидел у меня и чуть не плакал, понимаете? Мужчина!.. У него шестеро ребят... Я так не могу... Вам нужен другой секретарь... Может быть, нервы, может быть, другое. Я не знаю...

Данилов. Садитесь, Анна Семеновна... Да садитесь же!.. Могу вас успокоить: я здесь только временно. Еще месяц-полтора, пока не изберут нового... Это одно. А вот насчет моего стиля — это разговор другой... Притча есть такая. Очень старая. Жил когда-то один мудрец, считался ученым и справедливым. Приходят к нему двое, спор у них. Один говорит: «У моей коровы родился теленок. Значит, он мой?». Мудрец подумал и говорит: «Ты прав». Второй начинает говорить: «Да, но эта корова паслась у меня на лугу и ела мою траву. Выходит, мой теленок!». Мудрец подумал и опять: «И ты прав». При этом был ученик мудреца. Он удивился: «Как так, учитель? Если прав первый, то неправ второй. А если прав второй, то неправ первый». Мудрец поворачивается к нему и говорит: «И ты тоже прав, сын мой!»... Понимаете, я к чему? Руководить, значит решать конфликты. Все время. Один за другим. Все новые и новые. А как конфликт — так две стороны. Одна права, другая нет. Решаешь в пользу одной, другая в обиде. А решать надо, хоть я здесь и временно. Я не могу, как тот мудрец: ты прав, и ты прав, и ты тоже прав. Правда одна... Вот вам и расстроенные! Вот вам и обиженные...

Шевцова. И вы уверены, что всегда правы?

Данилов. Нет! Я такой же человек, как и все... Вот резкий бываю, грубый даже — вы правы. Я сам на себя за это больше всех злюсь. И ошибаюсь тоже нередко. Наверняка!.. Но только надо не в углу где-то там шептаться и заявления об уходе писать, а придти и сказать: вот здесь, товарищ Данилов, вы не того... Но одно дело ошибаться... А другое... Некоторые у нас шарахаются из стороны в сторону. Об одну стену стукнутся, к другой отлетают. Вот было администрирование, человек ни в грош. Теперь они в другую крайность ударились — всепрощение, мягкотелость какая-то. Мол, все люди, все человеки. С кем не случается, с

кем не бывает... А ведь руководить можно только решительной, твердой рукой.

Шевцова. Но не жестокой.

Данилов. Да — не жестокой, согласен. Коммунизм не Суэцкий канал. На костях его не построишь... Но и слизнякам тоже не дано!

Шевцова. Вы говорите твердость, я говорю — жестокость. Одно и то же!

Данилов. Нет!

Шевцова. А как вы определяете границу, интересно? При помощи толкового словаря?

Данилов. Нет. При помощи партийной совести. Твердость — это принципиальность. Жестокость — это злоба и безразличие к судьбам людей. Такой же враг коммунизма, как и мягкотелость... Не согласны?

Шевцова молчит.

Данилов. Что же касается Гибелева... Вы ночью воду в ведро набираете?

Шевцова (*изумленно*). Что?

Данилов. Набираете?

Шевцова (*пожав плечами*). Как все.

Данилов. И в темноте, бывает, сидите?

Шевцова молчит.

Данилов. Также как все, да?.. Так кого же жалеть? Гибелева или сотню тысяч людей?

Шевцова. Гибелев тоже человек.

Данилов. Да. И вернется на машиностроительный, на свою старую должность. Это давно следовало бы сделать, да вот мягкотелость Коврова. А страдал кто?.. Молчите?

Шевцова. Думаю, как бы вам помягче сказать. Я ведь тоже... из мягкотелых.

Данилов. А вы говорите помягче, не бойтесь.

Шевцова. Что мне бояться! Для меня, слава богу, в любой конторе машинка найдется — свои пятьдесят рублей всегда на ней выстучу... И дома тоже детишки есть не просят... (*После паузы, с вызовом*). Вы знаете, для меня нет человека лучше Сергея Владимировича... Больно за него, обидно... Все его бросили... Все!.. Сын ушел, друзья отвернулись... Друзья!.. И вы тоже! Толкуете о принципиальности... А сами... Вы же отлично знаете Сергея Владимировича. Разве он виноват? Разве виноват?

Данилов. Думаю — да.

Шевцова. Доброта — это вина?

Данилов. Если она идет во вред людям — да.

Шевцова. Антонина?

Данилов. Хотя бы.

Шевцова. Да, я знаю... Она должна была получить важные сведения, передать в отряд, ее выдали немцам, отряд потерял последнюю возможность спастись... Знаю, все знаю! Но скажите мне, скажите, вы, принципиальный человек, причем здесь Сергей Владимирович? Он здесь причем?

Данилов. Он?.. Он всегда совал людям свою жалость, как копейку. Не хотят, не нуждаются — так он насильно навязывает: на! на! на!.. В тот раз он пожалел Антонину. Она говорила ему: не жалея — верь! Он пожалел. Отправил ей в помощь человека. И последствия были такими, такими...

Затемнение.

Улица оккупированного немцами города. Кирпичная стена — остаток разбомбленного дома. На ней — объявления, приказы комендатуры, фанерная стрелка с надписью на немецком языке: „Zur Feldkommandantur“ — «К полевой комендатуре». Появляется Люлька. Он куда-то торопится, подняв воротник и сунув руки в карманы пальто. В нескольких шагах позади него — Пожилой Партизан.

Пожилой Партизан. Пст!.. Пст!.. *(Громким шепотом)*. Люлька!.. Саша!..

Люлька стремительно оборачивается, смотрит на Пожилого Партизана, не узнавая.

Пожилой Партизан. Это я... Не узнаешь?.. Борода.

Люлька. Ты?!.. С ума сошел! *(Оглядывается по сторонам)*. Какого черта!.. Фрицы кругом.

Пожилой Партизан. Да нет никого... Я уже минут двадцать следом... Все искал местечко поукромнее... Значит, жив?

Люлька. Жив... Пока... А ты откуда вынырнул? Я думал — взорвался вместе с цистернами.

Пожилой Партизан. Не хватило малость... В отряд утек.

Люлька. Сидел бы там. Беспокорно у нас... Патрули, облавы...

Пожилой Партизан. Ничего. Палиры — во!.. Слушай, как там мои?

Люлька. Твои?

Пожилой Партизан. Ну да. Старуха, сын... Они же с тобой в деповской ячейке... Живы? Да говори же!

Люлька. Что им сделается!

Пожилой Партизан. Живы... *(Вздыхает с облегчением)*. А то я — ух... *(Снова с беспокойством)*. Давно их видел?

Люлька. А?.. Дня два.

Пожилой Партизан *(обрадованно)*. Правда?.. Ух, Саша.. *(Роется в карманах, вытаскивает сверточек)*. Соль вот... Передай ей. Боюсь я через мост.

Люлька. Хорошо. Давай скорей обратно.

Пожилой Партизан. Дело еще у меня есть.

Люлько. Какое там дело! Мотай, говорю, пока цел. Тут у нас такое делается...

Пожилой Партизан. От человека одного поручение... Постой... Так ты его вроде знаешь. Ковров.

Люлько. Сергей?!.. Друг! Жив?

Пожилой Партизан. Жив-здоров.

Люлько. А Антонина?.. Жена его?

Пожилой Партизан. Смотри-ка! И ее знаешь!

Люлько. Говорю — друг. Так цела?

Пожилой Партизан. Цела.

Люлько. Сынишка у них еще был.

Пожилой Партизан. Того в Москву на самолете перекинули. *(Смотрит на Люлько, словно решает что-то).*

Люлько. Что устался?

Пожилой Партизан. Слушай, ты с руководством связан?

Люлько. Ты что, обалдел! На улице! Об этом!

Пожилой Партизан. Ясно... *(Оглядывается, шепотом).* Она здесь, в городе.

Люлько. Кто?.. Антонина?

Пожилой Партизан. Иди на Киевскую. Дом пятнадцать.

Люлько. Она там?

Пожилой Партизан. Один не заходи. Жди меня... Ну, а если что... тогда сам... Помочь ей надо.

Слышны мерные шаги.

Люлько *(шепотом)*. Патруль!

Отворачиваются друг от друга. Люлько читает объявление. Пожилой Партизан — приказ коменданта.

Шаги удаляются.

Люлько. Все! Пошли!

Пожилой Партизан. Погоди... *(Читает)*. «Группа вооруженных бандитов... Повесить на площади...».

Люлько *(пытаясь отвлечь его от приказа коменданта)*. Скорей! Вернутся сейчас!

Пожилой Партизан. «Сергеев Андрей... Горячев Виктор...»
Смотри, это ж наши все, деповские.

Люлько. Идем! Ну!

Пожилой Партизан. «Кривошеев Степан... Паршина Анна...».
Паршина Анна... Анна!.. Анна!

Шаги приближаются. Пожилой Партизан поворачивается к Люлько.

Люлько. Да ты что!.. Ты что... Не знал я... Не знал!

Пожилой Партизан. В глаза смотри! В глаза!

Шаги становятся еще слышнее:

Л ю л ь к о (*не выдержав*). Патруль! Патруль!
Пожилой Партизан бросается на него. Топот бегущих ног. Крики: «Хальт!»,
«Хальт!».

З а т е м н е н и е.

Снова кабинет председателя горисполкома.

Д а н и л о в. Теперь вы понимаете?

Ш е в ц о в а. Боже мой!.. Значит, все-таки шло от Сергея Владимировича... Отряд погиб, потому что он...

Д а н и л о в. Да. (*Протягивает Шевцовой заявление, очень мягко*). Возьмите, Анна Семеновна. Прошу вас, возьмите.

Ш е в ц о в а нерешительно берет заявление. Выходит. Пауза. Данилов в тяжелом раздумье стоит у окна.

Входит К л а в а.

К л а в а. Простите... Там никого нет... Я думала...

Д а н и л о в. Вы?!.. Ко мне?..

К л а в а (*нервно перебирая в руках сумочку*). Я принесла... вот...

Открывает сумочку, достает оттуда бумагу и подает Данилову.

Д а н и л о в (*читает*). «Слет членов бригад коммунистического труда химического завода»... (*Клаве*). Мне?

К л а в а (*волнуясь*). Да.. От комсомольцев... Приглашение... Вы нам помогли тогда... Комсомольцы считают... Комсомольское бюро считает...

Д а н и л о в (*волнуясь не меньше ее*). Но почему же они... Почему прислали вас? Что у них, совсем сердца нет?.. Разве так можно? Вот дурачье!..

К л а в а (*ей очень трудно говорить*). Нет, я сама... Я хотела подчеркнуть... Я хотела вам сказать... Если бы я была на вашем месте и узвала, что отец... Что Люлька... (*поднимает голову и смотрит ему прямо в глаза*). Я могла бы поступить только как вы... Что бы ни случилось... Только как вы!

К о н е ц

П. Антонов

ВЕТЕР рвет ПАУТИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Описанные здесь события произошли в одном из районов нашего края. Автором изменены лишь имена и фамилии действующих лиц.

Не успел я войти в редакцию, как услышал телефонный звонок. Взволнованный женский голос твердил:

— Редакция! Редакция!..

— Да.

— Говорят из больницы. У нас находится ваш сотрудник Николай Корчуганов. Его привезли без сознания, по всему телу следы избиения. Главный врач просит кого-нибудь из работников редакции срочно прибыть в больницу. Возможен смертельный исход.

Я застыл от изумления. Коля в больнице! Тихоня Корчуганов! Без сознания, следы избиения...

— Сейчас буду.

Я черкнул записку редактору и побежал в больницу, ломая голову над неожиданным известием.

Коля Корчуганов работал в редакции литературным сотрудником, работал недавно, после университета. Дела у него все как-то не клеились. Первое время сотрудники подшучивали над ним из-за невесты, которая не захотела из Москвы ехать на Алтай. Наш корректор Клара Константиновна, делая томные глаза, говорила Корчуганову:

— У вас с Наточкой, Николай Петрович, не было настоящего чувства.

А старый печатник Иван Матвеевич укорял Колю во время его дежурства:

— Эх ты, университетчик, с девкой не мог совладать! Да ихнего брата не охами да вздохами увлекать надо. В таком деле решимость, брат, нужна, чтоб раз, два — и в дамках. Тогда она за тобой хучь на край света!

Вскоре Корчуганов не выполнил задания редакции. В праздничный номер он должен был подготовить рассказ передовой доярки из колхоза «Рассвет». Он был в колхозе, встречался с этой дояркой, а статьи не привез. Попало ему тогда

здорово. Но, странное дело, на летучке сколько ни бились с ним, Коля так и не сказал, почему сорвал задание. Он молчал, не отвечая на наши упреки и не оправдываясь. А после вдруг зачастил в «Рассвет».

— Наш Корчуганов роман задумал о рассветовцах написать. — явил заведующий сельхозотделом Качинский. — Ездит, жизнь в лупу рассматривает...

Коля молчал. Последнее время он вообще как-то ушел в себя. Мало с кем разговаривал, видимо, обижался на шутки.

Но что же произошло с ним на этот раз?..

В больнице меня уже ждали и сразу провели в кабинет главного врача. Ирина Леонидовна Шахматова работала у нас четвертый год. И, хотя приехала в район со студенческой скамьи, уже считалась неплохим хирургом.

Ирина Леонидовна была не одна. Возле нее, спиной ко мне, стоял мужчина в белом халате. Он обернулся, я узнал следователя районной милиции Стародубцев.

— Что случилось, Ирина Леонидовна? — спросил я.

— Пока еще ничего не ясно, — почему-то ответил за врача Стародубцев.

— Кто-то избил парня, да так зверски, живого места на нем нет.

— Кто же его привез в больницу?

— Из «Рассвета», на председательской машине. Говорят, подобрали утром возле скотных дворов. Сейчас я туда поеду, — сказал Стародубцев и добавил озабоченно: — Вот только бы он в сознание пришел. Допросить его надо.

В это время в кабинет заглянула старшая медсестра.

— Больной пришел в себя, Ирина Леонидовна. Вы посмотрите его?

— Да, конечно. — Шахматова встала. — Ну, что ж, товарищи, хотя это и не положено, но уж такой случай необычный, идемте вместе.

Корчуганов лежал один в небольшой комнате с завешенными окнами. Здесь, на больничной койке, весь забинтованный, он показался мне меньше ростом. Меня он сразу узнал. На его распухшем, с сильными кровоподтеками лице изобразилось что-то вроде улыбки.

Ирина Леонидовна исследовала Корчуганова, затем к нему подсел Стародубцев.

— Как все это у вас случилось?

— А вот как...

И он стал рассказывать.

Пассажирский поезд Москва — Барнаул летел, отсчитывая километр за километром. Николай стоял возле окна, провожая взглядом рощи, поля, перелески.

Николай любил путешествия, хотя ездить ему приходилось не часто. До поступления в Московский университет он безвыездно жил в небольшом городке Боровске, Калужской области. Во время учебы, конечно, приходилось ездить домой, но это всего каких-нибудь два с половиной часа на электричке. На практике он был в Истринском районе, под Москвой, добираясь туда автобусом. И вот сейчас он считал себя заправским пассажиром, ехал не по-студенчески, а в плацкартном вагоне и имел свою полку. Но лежать на ней Николаю не хотелось, ему больше нравилось встречать и провожать незнакомые станции, запоминать их замысловатые названия: Черусти, Сергач, Шумерля, Шамардан...

Пять лет учебы остались позади, на душе было легко и радостно, ни о чем серьезно думать не хотелось. Но одна мысль не давала Николаю покоя. Он гнал ее от себя, но она возвращалась, особенно по вечерам, когда сумерки скрывали от глаз проносивший мимо поезда ландшафт. Николай подолгу лежал на своей полке с открытыми глазами. В сотый раз вспоминал он мельчайшие подробности холодного прощания на вокзале.

Перебирая в памяти все, что было связано с Натой, Николай вспомнил, как они познакомились. Это было на четвертом курсе. В Доме культуры университета устроили молодежный вечер. В гости к студентам пришли киноартисты. Тут-то

Николай и заметил неподалеку от себя девушку, которая восторженно, вся замирая от восхищения, следила за выступлениями артистов.

В антракте Николай увидел заинтересовавшую его девушку среди танцующих. Но пригласить ее долго не решался, только перед самым финальным вальсом подошел и, запинаясь, предложил станцевать.

Танцевала Ната превосходно, чего Николай не мог сказать о себе, тем более, что на этот раз он чувствовал себя особенно скованным.

После танца он помог ей одеться. Ната познакомила Николая со своими подругами, и разговор сразу стал общим. Девушки учились в театральном училище. Когда все вместе пошли на автобусную остановку, Николай, преодолев робость, успел пригласить Нату в следующую субботу на вечер.

Неделя показалась Николаю вечностью. Он все время думал о предстоящей встрече. Были моменты, когда Николаю казалось, что его терпения не хватит, ему хотелось бежать разыскивать Наташу в огромном городе. Он проклинал себя за то, что не узнал ни ее домашнего адреса, ни номера телефона.

Он все-таки дождался субботы, и когда Ната около восьми вечера сошла со сто одиннадцатого автобуса, они встретились, как старые знакомые.

Они стали встречаться часто. Не было дня, чтобы Николай не позвонил Наточке или не побывал у нее дома. Ната боготворила театр и музыку. Она читала только книги о жизни великих артистов и музыкантов, наперечет знала родословную многих из них. Родители, убежденные, что у девочки сценический талант, пустили в ход все связи и добились своего: ее приняли в театральное училище.

Николаю очень нравилась Ната. Вот только домашние у нее... Уж слишком нежными и баловали Виктор Леонидович и Розалия Карповна свою единственную дочь. Но сказать об этом, значило поссориться с ними. И Николай молчал.

Когда все это началось? Когда в их отношения проник холодок?

Может быть, в тот вечер, когда Николай напрасно прождал Нату возле Большого театра? С большим ущербом для своего студенческого бюджета ему удалось достать два билета на «Кармен», где партию Хозе пел знаменитый Марио. Но Ната так и не пришла.

На другой день Николай позвонил ей, она заявила, что была больна, а когда он начал озабоченно расспрашивать — бросила трубку.

А потом его назначение на Алтай. Ната встретила это известие без восторга. Правда, на вокзале она обещала, что будет писать, но лишь после того, как он сам спросил.

«Нет, не может быть, Ната хорошая, — думал Николай, спокойно ворочаясь на полке. — Я просто мнительный человек, во всем вижу дурное. Вот приеду на Алтай, и начнут от нее поступать письма. Одно за другим...».

В редакции, как показалось Николаю, его встретили довольно холодно. Он рассчитывал, что его обступят, будут расспрашивать о Москве, об университете, о творческих планах. А все получилось иначе. Редактор, едва сказав Николаю несколько обязательных фраз, позвал курьера тетю Мотю, которая должна была отвести на квартиру нового сотрудника.

— Извините, у нас сегодня газета, — сказал редактор. — Поговорим обстоятельней потом, как отдохнете с дороги.

Но обстоятельного разговора не получилось и на второй день, когда Николай, хорошо выспавшись, явился утром к редактору:

— Ну, что же, Николай Петрович, приступайте к работе. Практику вы, надеюсь, проходили, специфику газеты знаете. Поезжайте для начала в колхоз «Рассвет» и привезите рассказ лучшей доярки Анны Ширяевой. Сроку даю вам два дня. Командировку выпишите у бухгалтера Надежды Семеновны...

Больше пришлась Николаю по душе беседа с ответственным секретарем редакции Семелом Анатольевичем Прохоровым. Прохоров работал в газете давно и быстро ввел Николая в курс дела. Район, в котором предстояло теперь работать Корчуганову, был средним, рекордными показателями не блистал ни по животноводству, ни по полеводству.

— Зато и в хвосте не плетемся, — пошутил Прохоров, — одним словом, крепкие середняки. Ну, а колхоз «Рассвет» — хозяйство крепкое, перспективное, в гору идет уверенно, люди там хорошие. Да вы и сами увидите, когда там бываете...

Еще по дороге в колхоз у Николая созрел оригинальный план. Он решил дать репортаж с фермы и написать не об одной Ширяевой, а показать и отстающую доярку, выяснить, почему у них разные надои.

В колхозной конторе Корчуганов застал одного бухгалтера. Это был маленький, седенький старичок. Склонившись над бумагами, он гремел костяшками счетов и на вопрос Николая, где найти доярку Ширяеву, долго не отвечал. Лишь закончив вычисления, переспросил:

— Ширяеву?.. А вы откуда?

— Из редакции.

— Опять, значит, писать про нее будут... Идите прямо на ферму. Ширяева там сейчас, как раз дойка...

Беседа с Ширяевой прошла гладко. Передовая доярка бойко ответила на все вопросы. По всему было видно, что это ей не в новинку.

— Ну, а кто у вас всех меньше надаивает? — спросил Корчуганов.

— А зачем вам? Вы про передовых или про отстающих писать хотите? — лукаво усмехнувшись, спросила Ширяева.

— Да как вам сказать, — смутился Николай, — может быть, для сравнения...

— Тогда вам к Лизавете Вороновой надо. Только она не больно охоча до разговоров. Ну, да сами увидите. Ее группа крайняя справа...

В углу коровника было полутемно. Николай с трудом разглядел женскую фигуру.

— Это вы Лиза Воронова? — спросил Корчуганов.

И сразу же ему стало как-то не по себе. Он рассчитывал увидеть такую разухабистую, остроу на язык, зрелых лет женщину, отлынивающую от работы, а на него робко и смущенно смотрела тоненькая миловидная девушка.

— Вы знаете, — в свою очередь смутившись, стал объяснять Корчуганов, — я из редакции. Мне поручили написать о вашей ферме. Можно с вами побеседовать?..

— Что же вы напишете, если я надаиваю всех меньше?

— А почему?

— Наверное, работаю хуже всех. Вы уж к Ширяевой идите. К ней все приезжают...

Они помолчали. Разговор явно не клеился. Николай не имел еще журналистского опыта, и первая же пауза поставила его в тупик.

— А все-таки, почему же у всех одинаковые надои? — спросил он. — Коровы, что ли, разные?

— И коровы, и корма.

— Но вы же одни корма, наверное, даете?

— Одни, да по-разному. Вы сами поглядите, кто сколько кормов получает, как группы набирают...

Больше в этот вечер Николай ничего не узнал. Ночевал он у старенького бухгалтера, которого застал еще в конторе, когда вернулся с фермы.

После ужина жена бухгалтера стала готовить постели, а он сам, водрузив на нос очки, принялся просматривать газеты.

Николая одолевали сомнения. Он не знал, как поступить. Ему хотелось спросить о работе фермы, проверить то, что ему сказала Лиза Воронова, но он не решался открыться человеку, которого видел первый раз. Наконец, Николай спросил:

— Сергей Феоктистович, вы коммунист?

— А зачем тебе? — в свою очередь спросил старик.

— Да так, узнать кое-что хотел у вас.

— Давай, не стесняйся, тут все свои. А в партии я с восемнадцатого года...

— Да я насчет фермы хотел спросить. Был я там. У Ширяевой, конечно, мо-
лока больше всех, но вот Лиза Воронова загадала мне загадку...

И он выложил старому бухгалтеру все свои сомнения.

Когда Николай закончил, Сергей Феоктистович долго молчал, потом вынул из кармана чистый платок, снял очки, тщательно протер их.

— Я и раньше подозревал, что у Ширяевой показатели дутые. Фермой-то заведует брат ее мужа. Вместе пьянствуют, возможно, что и с кормами у них не все чисто. Только как это проверить? А о Лизавете Вороновой — особый разговор. Она ведь сектантка. Девочка как будто ничего, да мать у нее страсть какая богомольная. От школы дочь отбила, ни в кино, ни в библиотеку не пускает. Знает одни моления. В секте у них за главного Федор Кривушин. Скользкий человек, и прошлое у него темное. В селе он тогда три как появился.

И Сергей Феоктистович рассказал Корчуганову все, что знал о сектантах.

— Сначала мы на них смотрели да посмеивались. А когда хватились, ржавчина в некоторых крепко въелась. Кривушин оказался ловчаком. А в подмогу ему проповедники из соседнего района приезжают. И ведь как ловко людей опутывают, бестии...

В уборку у Ивана Мелехина жена в город в родильный дом отправилась. Когда пришло время вести ее домой, пришел Мелехин к председателю. А лошади, как на грех, все в расходе, и «газик» на ремонте. Как тут быть? Смотрим, катит «Волга» и у мелехинского дома разворачивается. Из нее выходит Анна Мелехина с букетом цветов, а две сектантки (их Кривушин послал, они и наняли такси) несут ее пожитки и ребенка. После этого Анна Мелехина зачастила в секту.

А думаешь, как Кривушин опутал Александру Воронову, Лизаветину мать? Домишко у нее был плохонький. Просила, просила она председателя пособить в строительстве. А председатель у нас в ту пору Дымов был — пьяница, каких поискать. Приедет к нему Александр, а он все к могогарычу подговаривается. Кривушин пронюхал про это, мобилизовал своих. И что ты думаешь — помогли Вороновой построить избу! Она, конечно, тут же вошла в секту и дочь за собой потянула. Работу бросила, а ведь раньше неплохой дояркой была...

Долго не мог заснуть Николай в эту ночь. Он ворочался с боку на бок, старался отвлечься воспоминаниями о Москве, но сон упорно не приходил.

Сектантка... Эта девушка сектантка!

Раньше Николай почему-то считал, что сектанты — это древние старики и старухи, которые непременно одеваются во все черное. А тут девушка, почти подросток, с печальным лицом, с застенчивым взглядом больших робких глаз.

...Утром Николай пришел на ферму, когда пастухи коров еще не выгнали.

— Что так рано, товарищ корреспондент? — как старому знакомому сказала ему Ширяева. — Видно, наша ферма понравилась. Да и то, девчата у нас на подбор, живо сосватаем...

Корчуганов ничего не ответил и вошел в коровник.

Оказалось, что Ширяева действительно была на привилегированном положении. Концентраты она сама брала у заведующего фермой и, конечно, себя не обижала. Да и коровы у нее были, как картинки.

«От таких коров немудрено иметь самый высокий надой», — подумал Корчуганов и пошел в конец коровника, к Лизе Вороновой.

Когда он подошел к ней, она низко надвинула на глаза платок.

— Здравствуйте, Лиза, — сказал Николай. — Вот я опять к вам пришел.

— А зачем вам ко мне ходить? Вы, чай, по всему району разъезжаете, с лучшими доярками беседуете, а я не передовая.

И, отвернувшись, стала отвязывать и выгонять коров.

Николай пошел в контору. Ему надо было поговорить с зоотехником.

— Не обращал я, признаться, на это внимания, — развел руками колхозный зоотехник Иван Николаевич Звонарев, когда Корчуганов рассказал ему о своих наблюдениях. — Ферма хоть и племенная, но учет запутан. Я здесь недавно, мало что еще знаю, — стал оправдываться он.

Так и уехал Николай из колхоза ни с чем. А по дороге решил никому ничего не говорить, пока сам во всем не разберется. Вот тогда-то он и напишет про дутые показатели Ширяевой.

Поэтому он молчал, когда в редакции упрекали его за невыполнение задания. И, не обращая внимания на шуточки и насмешки, застал в «Рассвет».

Первое время Лиза его сторонилась, а когда Николай однажды сказал, что специально заехал, чтобы повидаться с ней, она вся зарделась и, потупившись, попросила:

— Не надо больше ездить, Николай Петрович. Что люди-то подумают? Про вас уже и так мать дозналась. Да и что вам во мне...

Николай тогда ушел с фермы, дав себе слово не приезжать больше. Но не прошло и недели, как он снова очутился в колхозе «Рассвет».

Что влекло его к этой девушке? Он и сам не знал. Но стоило Николаю не видеть ее несколько дней, как ему становилось не по себе, и он ловил себя на том, что опять думает об этой девушке со странной судьбой.

И тогда Николай снова выбирал командировку с таким расчетом, чтобы взглянуть в «Рассвет».

На ферму он старался попасть во время дойки. Доярки над частыми посещениями Николая посмеивались:

— Что ж вы, товарищ корреспондент, бываете у нас часто, а ни разу о нашей работе в газету не прописали? Или мы хуже всех в районе?

Но Корчуганов, не отвечая на шуточки, проходил к Лизе Вороновой. Настороженность первых встреч незаметно прошла. Теперь уже Лиза, когда Николай долго не было, скучала, хотя виду и не подавала. Николай не знал, чего стоили девушке его приезды. Первое время Лиза старалась не думать о нем. Но это ей не удавалось. От закравшегося в сердце незнакомого чувства она искала защиты у бога. Ночи напролет проводила в молениях.

— Боже, сохрани покой рабы твоей! Отврати его взгляд от очей моих. — истово крестясь, страстно шептала Лиза и тут же убеждалась, что вовсе не хочет того, о чем просит своего бога, что этот нерешительный, застенчивый парень с каждым днем становится ей дороже.

В село они обычно шли вместе. О чем только ни говорили они темными, полетнему еще теплыми вечерами. Николай рассказывал Лизе о Москве, об университете, о товарищах по учебе. Неожиданно для себя Николай обнаруживал, что Лиза о многих обычных для него предметах или вообще ничего не знает, или имеет лишь смутное представление.

— Как так можно в наше время! — возмущался Николай.

Он советовал Лизе читать книги, раз даже собственноручно написал ей, какие, по его мнению, она должна прочитать в первую очередь. Но Лиза покачала головой.

— Нельзя мне. Книги — это дело рук дьявола. Читать их грех...

Идти в кино она тоже отказывалась, при этом опять ссылаясь на дьявола.

— Так в священном писании сказано, — упорствовала девушка.

— Да брось ты, Лиза, это священное писание. Все, что там написано — сплошная чепуха. Электричество, по-вашему, тоже от дьявола, а оно нам жить, работать помогает. А радио, а телевидение? Ведь если бы был бог, то разве он допустил, чтобы спутника запустили? Вот и космонавты наши все небо исколесили, а с богом не встретились. Все это выдумки, ваши проповедники просто морочат вам головы... Вот они вас настраивают и работу бросать, но если вы не будете работать, то жить-то как? По-звериному, что ли?

Лиза все больше молчала. Только раз, когда Николай рассказал ей, что получил письмо от товарища, работающего в газете «Челябинский рабочий», сплосила сама:

— А невеста у вас в Москве, Николай Петрович, была?

— Невесты не было, а с девушкой дружил, Наташей зовут...

— Наташа... Где она сейчас?

— В Москве. В театральном училище на последнем курсе.

Больше об этом они никогда не говорили, хотя Николаю было что рассказать про Наташу. Вернувшись как-то из командировки, он увидел на столе в своей комнате письмо. Адрес был написан знакомым кудрявым почерком. Схватив конверт, Николай вдруг замешкался. А если в письме «конец всему»? Если Ната пишет, что дружит с другим?..

Опасения оказались напрасными. Ната подробно описывала, как весело провела остаток каникул, как начала учебу на последнем курсе. Но письмо было какое-то вежливое и холодное. Так пишут по-обязанности, а не из потребности поделиться с другом.

— Что ж, может быть, и к лучшему, — сказал Николай самому себе и засунул письмо в книгу.

Когда-то дорогой и близкий образ Наташи постепенно таял, уходил все дальше и дальше, уступая место этой удивительно странной девушке — Лизе Вороновой.

Лизу нельзя было назвать красавицей. В ее облике не было ничего бросающегося в глаза. Но стоило присмотреться к ней повнимательнее, как открытие следовало за открытием. Так, например, по-старушечьи повязанный платок скрывал чудесную русую косу, под старым заношенным платьем угадывалась стройная фигура. А когда с лица девушки сходила настороженность и замкнутость, оно делалось удивительно привлекательным.

Особенно трогали Николая ее глаза. В глубине их таилась невысказанная грусть, несвойственная нашим людям, боязнь всего окружающего.

Как-то раз, теплым сентябрьским утром, Николай шел с Лизой, только что закончившей утреннюю дойку. Николай рассказывал что-то смешное из студенческой жизни, а Лиза думала о своем.

Почему мать, которая ее так любит, не может понять, что Николай такой простой и такой хороший, желает ей только добра? Да его же и сравнить нельзя с братом Федором! Тот и раньше был неприятен Лизе, а теперь она его просто ненавидит. И как только матери вздумалось назвать его женихом! Даже смешно. Этот противный Федор и Николай. Коля... Коля...

Лиза с нежностью взглянула на спутника и вдруг, увидев идущего навстречу пожилого человека, испуганно вздрогнула.

— Уходите, уходите, Николай Петрович! — шепнула она.

— Что с вами, Лиза? — не понимая, что так испугало девушку, спросил удивленный Николай.

Он хотел взять ее руку. Она резко отстранилась и бросилась в проулок.

Человек, шедший навстречу, остановился, посмотрел вслед девушке и, покачав головой, елевым голоском произнес:

— Грех-то, грех-то какой на твою голову, сестра Лизавета. Такое утро бог дал, а ты с парнями шляешься. На молениях тебя не видно...

Лиза ускорила шаг и, завернувшись за угол, скрылась.

Николай понял, что перед ним тот самый таинственный Криушин. Он с любопытством смотрел на крепкого, бородатого, старающегося выглядеть старым, человека с маленьким крысиным лицом и колючими, неприятно бегающими глазами.

«Так вот ты какой, Криушин, — думал Николай. — Видно и впрямь, страшнее кошки зверя нет...».

Словно догадавшись, что о нем подумали, Криушин прощупал Николая своими маленькими глазками и, подойдя к нему вплотную, зло сказал:

— Оставь девушку, душу ей не бери, корреспондент. А то как бы худа не было. Неужели тебе городских барышень мало?

— А вам какое дело? — резко ответил Николай. — Что мне, у вас брать разрешение? И не грозите, пожалуйста! Я не боюсь. А вот вам надо опасаться.

— Не тебя ли, сопляка, мне опасаться? — насмешливо спросил Криушин.

— Может быть, и меня. Я ведь знаю, чем вы на молениях занимаетесь, какие брошюры читаете братьям и сестрам во Христе.

Криушин застыл на мгновение. Затем буркнул:

— Тебе что же, Лизавета рассказала? Мало ли что эта малохолдная может по глупости наговорить.

Николай понял, что сказал лишнее.

— Лиза тут ни при чем. Колхозники говорят.

Криушин повернулся и пошел прочь.

Про брошюры, которые Криушин читал сектантам, Николаю рассказала Лиза. Сначала он не придавал этому значения.

— Ну вот Криушин сам себя и высек. Проповедует, что книги — дело рук дьявола, а сам вам брошюры читает...

— Да нет, Николай Петрович, эти книжечки особенные. Их в Америке печатают. Криушин матери говорил.

— Как в Америке? Зачем Криушину книги из Америки? Он же английского языка не знает.

— В них по-русски написано.

Тут только Николай понял, о каких книгах идет речь. В печати в то время публиковались материалы о том, что заокеанские «благодетели» снабжают главарей сект антисоветской литературой.

Он подробно расспросил Лизу. Оказалось, авторы брошюр призывали «стадо христово» уклоняться от выборов, переписи населения, не вступать в общественные организации и даже вредить Советской власти.

«Ну погоди же, Криушин, — подумал тогда Николай. — Разорву твою паутину, хоть и плетешь ты ее хитро».

Корчуганов решил сообщить об услышанном работникам госбезопасности. Но, приехав из командировки, он сразу отдался той газетной горячке, какая всякий раз охватывает редакционный коллектив во время уборки. Теперь же, после встречи с Криушиным, Николай вновь вспомнил об этом.

«Сообщу, как только вернусь в райцентр», — подумал он.

Вечером они, как обычно, встретились с Лизой на ферме. Николай стал помогать девушке, делая все очень неумело. Лиза весело смеялась:

— Ну, Николай Петрович, скотника из вас не выйдет...

Лиза теперь больше не считалась на ферме отстающей. И хотя она не обогнала еще Ширяеву, все же надолго по ее группе круто ползла вверх. Корчуганов радовался этому. Не ускользнул от него и тот перелом, который произошел в девушке. Замкнутая и печальная прежде, она словно оттаяла. Часто весело и заразительно смеялась, стала разговорчивей и общительней.

По дороге в село Николай рассказал Лизе о разговоре с Криушиным.

— Ой, Николай Петрович, что теперь с нами будет? — испуганно воскликнула девушка.

— Ничего не будет. — успокаивал ее Николай. — Что может сделать эта старая крыса?

— Не знаете вы его, Николай Петрович! Мать говорит, что Криушин человека убить может, и бог простит ему этот грех.

— Руки коротки!.. Да вы не бойтесь. Лиза, ничего он не сделает. А на моления больше не ходите.

Лиза жила на краю села или, как здесь называли, на хуторе. Когда Николай провожал девушку, они подолгу стояли возле калитки. В последние встречи Николай привозил Лизе книги, и она, боясь материнского гнева, тайком читала их на ферме, а потом они вместе обсуждали, иногда спорили о прочитанном. На этот раз разговор зашел о романе «Овод» Э. Войнич. Николай рассказал о жизни писательницы.

— Смотри-ка! А я думала, что все это было очень давно, — удивилась Лиза. — А она, оказывается, совсем недавно умерла...

Они долго еще говорили о Монтанелли, о любви Джени и Артура. Наконец, Лиза стала прощаться.

— Мне пора, Николай Петрович, а то мать опять ругаться будет.

— Еще минуточку, Лиза, — упрасивал он девушку, взяв ее за руку. — Семь бед — один ответ.

Она не сразу освободила свою руку...

Не успела Лиза захлопнуть за собой дверь, как на нее набросилась мать.

— Ты что же это, нечестивица, шляешься до полуночи? Все с тем писакой? Смотри, девка, к добру это не приведет. Вот и брат Федор о том же говорит...

— Да что вы, маманя, все Федор да Федор. Словно Криушин у нас свет в оконце. Своим умом жить надо. А Николай Петрович плохому меня не учит.

— Он тебя научит, погоди! Того и гляди ни вдовой, ни девкой останешься. Вон и моленья забросила. Вскружил тебе голову этот корреспондент, будь он проклят.

Ссориться с матерью Лизе не хотелось. Она знала, что та все делает под диктовку Криушина, поэтому стала молча готовиться ко сну. Когда она уже легла, мать неожиданно под села на край постели и стала нашептывать:

— Брось ты его, Лизутка, на что он тебе, плюгавый такой, сдайся, чернильная душа! Разве я о таком женихе для тебя думаю? Да и он не против, все время намекает...

— Криушин?!

От гнева и возмущения у Лизы перехватило дыхание.

— А что, чем брат Федор не жених? Совсем не старый, в силах еще. А главное — человек он святой.

— Да что вы, мама, как вы только могли подумать даже!

И, отвернувшись к стенке, Лиза заплакала от обиды, нанесенной родной матерью...

А Николай тем временем возвращался в самом радужном настроении. У него было так хорошо на душе, что, казалось, звезды, немые свидетели только что закончившегося свидания, мигают, завидуя его счастью.

— Лиза, Лиза, — шептал Корчуганов. — Какая она замечательная девушка!

Вот и кукурузное поле. Легкий ветерок шевелил сочные листья темно-зеленых великанов.

Торопливые шаги сзади заставили Николая обернуться. Его кто-то догонял. Он остановился. Спереди тоже послышались шаги. Смутная тревога охватила Николая.

В это время совсем рядом раздался чей-то голос:

— Он?

И в ответ знакомый, скрипящий:

— Он самый.

Николай отпрянул в сторону. Но поздно. На него накинули мешковину. Сильный удар по голове сбил с ног.

Целых две недели пролежал Корчуганов в больнице. Первые дни врачи опасались за его жизнь, но потом дело пошло на поправку. Разрешили посещения. И первым, к удивлению Корчуганова, пришел в больницу редактор.

— Ты что же, Николай Петрович, Шерлока Холмса взялся играть? Почему нам ничего про сектантов не сказал? В одиночку решил действовать? — пожурил он Корчуганова.

Николай пробормотал что-то в свое оправдание.

— Не оправдывайся, брат, сам виноват, вот и расплачиваешься. Хорошо, люди помогли следователю...

И он рассказал Николаю, что произошло после того, как его доставили в больницу.

Следующей ночью в колхозе «Рассвет» случился пожар. Загорелась изба Александры Вороновой. Сгорела до тла — стояла она на отшибе, и когда колхозники, разбуженные ночным сторожем, прибежали к пожарицу, там уже тлели головешки. Александра Воронова и Лиза едва спаслись. Дверь избы была снаружи подперта кодьями.

На старшую Воронову было жутко смотреть. В одной перепачканной сажей

сорочке она стояла на коленях, воздев руки к небу и, устремив обезумевшие от страха и горя глаза на догорающий дом, с надрывом кричала:

— Господь покарал меня за грехи! Молитесь, люди добрые!

Но когда колхозники разъяснили ей, что это Криушина ружье дело, она словно очнулась и закричала не своим голосом так, что у всех, кто был рядом, мороз по коже пробежал:

— Будь он проклят, иуда! Стори он в огне, в котором он меня с дочкой хотел спалить...

Дочери в это время с Александрой Вороновой не было. И никто не знал, где она. Да в суматохе и не хватились. А Лиза в то же утро добралась до райцентра и рассказала все, что знала про «брата» Федора.

Криушин пытался было скрыться, но его задержали. А во время следствия и о других черных делах его стало известно. Два года назад в колхозе «Рассвет» был убит сторож, охранявший хлеб на току. Тогда работники угрозыска так и не дознались, чьих это рук дело, а сейчас, припертый к стене, Криушин сам сознался, что убил сторожа и украл хлеб. Да и дружки его, узнав, что он за птица, побоялись держать язык за зубами.

— Да никакой он не Криушин вовсе, — рассказывал редактор. — Это он когда к нам приехал, фамилию сменил, а раньше он Зотовым звался. Отец его до революции в Воронеже свои магазины имел, а сын сделался конокрадом и за это не раз в тюрьму попадал. Там его, видно, кто-то и надоумил святым заделаться. Должность не обременительная, а прибыльная...

Выписали из больницы Николая в один из последних дней «бабьего лета». Весь сентябрь шли непрерывные дожди, а тут вдруг, словно по заказу, проглянула хорошая погода. Было тепло и солнечно. Николай вышел на улицу и полной грудью вдохнул свежий, бодрящий воздух. Он шел по селу, радуясь возвращению в жизнь, и все кругом казалось ему значительным, интересным.

В редакции, как только Корчуганов вошел, мы все сразу обступили его, спрашивали о здоровье, подбадривали, советовали отдохнуть. Но вынужденное безделье осточертело Николаю.

Из кабинета вышел редактор:

— Ну как, Николай Петрович, отдохнете денка два?

— И так я много отдыхал. Дайте лучше мне задание потрудней.

Редактор внимательно посмотрел на Корчуганова и едва заметно улыбнулся.

— Так куда же мы вас направим?

— Если можно, пошлите в колхоз «Рассвет»...

Через полчаса Николай уже мчался на полутной машине навстречу своей новой судьбе.

Стихи Алексея Верховцева

Алексей Верховцев с 1940 года связал свою судьбу с Советской Армией и до сих пор находится в строю.

Начало войны застало его на границе пулеметчиком, а закончил он ее в Германии командиром артиллерийского взвода.

Стихи начал писать еще до войны и с тех пор совмещает нелепкий армейский труд с поэзией, в которой, естественно, преобладает военная тематика.

Стихи А. Верховцева печатались в окружных военных газетах, а также в газетах «Красная звезда», «Алтайская правда» и в коллективном сборнике армейских авторов «Голос солдатского сердца».

Сейчас Алексей Верховцев готовит для издания книжку стихов.

НАШ ДОМ

Из Москвы меня переводили
К месту новой службы в глубь Сибири.
Плакал сын об улице Манежной,
Об улыбке бабушкиной нежной,
Об отряде, о друзьях по школе,
Уезжая, тосковал до боли.

Я сказал, обняв его: — Держись!
Уж такая у военных жизнь.
Для покоя Родины кочуем.
Дом наш там, где мы с тобой ночуем,
Где висит отцовский вещмешок.
Вещмешок — в поход, и дом пошел.

Сын привык, освоился в Сибири,
Только... вновь меня переводили.
Было жаль и в этот раз до боли
Оставлять товарищей по школе,

С кем наметил столько планов дерзких
Для атак ступенек пионерских.
Но не плакал, губы сжав упрямо.
За него слезу пустила мама...

Сын сказал, обняв ее: — Держись!
Уж такая у военных жизнь.
Для покоя Родины кочуем.
Дом наш там, где вместе мы ночуем.
Где висит у папы вещмешок.
Вещмешок — в поход, и дом пошел.

СТОЛБЫ

Ни деревца, ни перелеска
В степной заснеженной глуши.
В глазах от солнечного блеска,
Как от сполохов, мельтешит.

И только поезду навстречу,
По пояс в искристом снегу,
Груз проводов взвалив на плечи,
Столбы без устали бегут.

Им недосуг стоять на месте:
Спешат доставить в срок гонцы
Поклоны, цифры, сводки, вести
Во все края, во все концы.

Лишь семафор у редких станций,
По-командирски встав на путь,
В строю, держа размер дистанций,
Их заставляет отдохнуть.

ПОЛКОВНИК УХОДИТ В ОТСТАВКУ

Г. П. ТИМОФЕЕВУ.

Диагноз, безжалостный, как приговор,
Внесен в медицинскую справку.
Врачи непреклонны в решении, и вот
Полковник уходит в отставку...

А может, ошибка?
Ведь все же не стар...
В отставку?
Ну, знаете, слишком!
Да в эти-то руки армейский устав,
А не пенсионную книжку!

И ревностным взглядом — в который уж раз! —
В приказе он ищет поправку...
Но точен и строг министерский приказ:
«Полковник уволен в отставку».

Легко ли снести человеку «отбой»,
Коль он по характеру — воин?
...Встает по подъему с сигнальной трубой,
Ложится с солдатским «отбоем».

Увидя знакомую роту в окно,
Приметит изъяны в заправке...
Хоть срок установленный выслужил, но
Полковник в строю — не в отставке!

На тяжесть болезни махнувши рукой,
Впервые нарушив уставы,
Он сам по приказу ушел на покой,
Но душу в казарме оставил!

ВЕТЕРАН

Со следами царапин и ран,
Повидавший немало лиха,
На гранитном подножии — танк
Отдыхает мирно и тихо.

А когда гусеничный лязг
Тишину вспугнет спозаранку,
Смотровыми щелями глаз
Провожает колонну танков.

И, оставшись от пыли сед,
Он к судьбе своей не в претензии.
Только смотрит тоскливо вслед,
Как солдат, что ушел на пенсию.

ДОРОГОЕ НАСЛЕДСТВО

Как родная сердцу память детства,
Вместе с светлым образом отца
Мне достался, вроде по наследству,
Старый шлем буденовца-бойца.

Выцветший, пробитый, обожженный...
Но отец всегда гордился им:
Мол, такой носил Семен Буденный —
Первой конной славный командир.

А когда, бывало, выпьет чарку —
Разойдется: — Ну-ка сядем, сын!
Шлем наденет. Задымит сигаркой.
Запоет: «Мы врезались в Крым»...

И пойдут рассказы о Гражданской:
Пермь, Царицын, Питер, Перекоп...
— Помню, — скажет, — бились под Цимлянкой,
От Царицына недалеко...

Размечтавшись, улыбнется гордо
И смахнет слезинку невначай...
— Мне тогда, как раз вручили орден.
Сам Семен Михайлович вручал!

Прихвастнет: — Картину видел в клубе —
Конница?.. Буденный впереди?
Рядом — я. Заметил, может? В шубе.
В этом самом шлеме. Приглядишься!

Мне, конечно, было интересно.
Только зависть мучила порой:
Мой отец и вдруг... такой известный!
Старичок, а на тебе — герой!

Ну, а я? Чего уж там — букашка!
Вот повоевать бы!.. Только с кем?
Брал я с горя саблю-деревяшку
И отцовский выгоревший шлем...

...Нет давно в живых отца. Нет детства.
Сам войну прошел я. Пролил кровь...
Но живет отцовское наследство:
Старый шлем и к Родине любовь.

ПЕСНЯ О ЮНОСТИ

А. БЕБЯКОВУ.

Юность наша, в пламени прожитая!
Огневými трассами прожитая.
Взрывами снарядов опаленная,
Фронтóвую пылью пропыленная.
Боевыми меченная шрамами,
Смелая, задорная, упрямая,
С песнями душевными и грустными,
С первыми мальчишескими чувствами —
Не на вечеринках, не в Сокольниках,
А в солдатских письмах-треугольниках...
Юность наша, порохом пропахшая,
Трудная, но даром не пропавшая!

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Отправляться в дальнюю дорогу
Нас звала военная гроза.
Мать одна осталась у порога —
Любящая, добрая, в слезах.

Я ничем не мог ее утешить,
Ведь судьбу не пишут на роду...
Уходил наш полк порядком пешим
В сорок первом памятном году.

За четыре долгих грозных года
Довелось изведать ратный труд
И насквозь пройти огни и воды,
Не минуя даже «медных труб».

С извещением в траурном конверте
Смерть не раз склонялась над судьбой...
Чудом сберегла меня от смерти,
Видно, материнская любовь.

Вячеслав Штыров

ДЛИННЫЕ

Даже как-то странно: Париж остался на севере. А французский реактивный самолет «Каравелла» прочерчивает на глобусе уверенную линию к югу. Где-то по курсу, как говорят летчики, — Африка.

Никто из нас, двадцати восьми человек — членов туристской делегации советской молодежи, не бывал еще на африканском континенте. Что ожидает нас в одной из древнейших стран Африки — Марокко?

Справочник скуп: площадь — 450 тысяч квадратных километров, 11 миллионов жителей. Независимость обретаена в 1956 году. Во главе государства стоит король Хасан II. Вот и все.

А ведь за этими сухими цифрами и фактами — живая, не книжная и не кинофильмовая земля, живые люди. Как они встретят нас?.. И еще — какая там сейчас погода? Для нас с детства Африка и жара — одно и то же. А на самом деле как? Москва проводила нас осенней прохладой и как-то не верится, что где-то может быть жарко.

Все эти мысли проносятся со скоростью реактивной «Каравеллы». Солнце уже и с девятикилометровой высоты ушло с горизонта, окунувшись в воды Атлантики. И сразу — ночь, такая черная,

что иллюминатор превращается в идеальное зеркало.

Внизу засверкали огненные стрелы. Под нами гора, не наша, чужая, средиземноморская. А ведь по расписанию мы должны уже подлетать к Касабланке, крупнейшему городу Марокко. Самолет пошел в обход этой грозовой зоны и выбился из строгих рамок графика.

Но вот в салоне загорается сигнальная лампочка, и стюардесса на французском, немецком, английском и арабском языках предупреждает:

— Самолет идет на посадку. Просим пристегнуться к сидению!

Не доверяя пассажирам, она выходит из своей каюты и проверяет, все ли выполнили ее просьбу. И вдруг мгновенно меняется привычное состояние. Самолет стремительно пошел на посадку — с девяти тысяч метров сразу к земле. Экипаж должен до минимума свести расхождение в графике и ему нет дела, что пассажиры в это время хватаются за голову — острая боль режет уши.

ШАДЬШ

В иллюминаторе показалось вздыбленное огненное море — «Каравелла» пролетает над ночной Касабланкой, залитой сиянием неоновых реклам. В сплошных линиях начинаем различать отдельные точки. Мягко вздрогнув, самолет прекращает свое бешеное снижение, заскользив по бетону.

Под нами африканская земля. Стюардесса открывает двери и приглашает к трапу. Но что такое? Ту ли дверь открыла наша вечно улыбающаяся стюардесса? Нам кажется, что в самолет ворвался горячий и влажный воздух из духовки. Сейчас нечем станет дышать.

Выходим на трап. На лицо падают плотные, очень теплые капли дождя, который накрапывает с абсолютно черного неба.

Здравствуй, Африка!

Нас встречают представители Марокканского комиссариата по делам молодежи и спорта, работники советского посольства и консульства, корреспонденты. Теплые слова приветствий, первые интервью в эту полночную пору. Впереди восемнадцать дней жизни в Марокко, три тысячи с лишним километров на пассажирском автобусе, который встретил нас у здания аэровокзала.

Отныне нашими постоянными спутниками становятся шофер Мохаммед Ибрагим Собар и гид — студент Фесского университета Абдель Али Бенани.

Фары автобуса выхватывают из темноты кусок автострады. До свидания, Касабланка! Мы едем сквозь ночь в столицу Марокко Рабат.

Абдель Али подает микрофон одному из наших товарищей:

— Сонг, сонг! «Москоу найт», «Москоу ивнинг», плиз.

Все ясно. Нас просят спеть. И над убегающим по шоссе световым зайчиком фар взлетает песня:

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра...

Улыбается Мохаммед, играя баранкой автобуса, доволен Абдель Али — русская песня звучит на африканской земле.

МАРОККО — КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Ветер с Атлантики полощет огромное красное полотнище с зеленой пятиконечной звездой. Это государственный флаг Марокко. Абдель Али объяснил, что красный цвет символизирует красную марокканскую землю, а на русский язык Марокко так и переводится — «красная земля». Во время поездки по стране мы убедились в точности этого названия. Почва Марокко — это красноземы, розовеющие от горизонта до горизонта.

Красная марокканская земля, умытая кровью и потом своего народа, сделала только первые свободные вдохи. Сегодняшний день и древняя история здесь еще живут рядом.

Вот современный дворец короля. Он занимает огромную часть Рабата. Перед главными воротами площадь для парада королевской гвардии. На часах у ворот и у дверей приемного покоя стоят гвардейцы короля. Белые ботинки, белый мундир с широкими, на манер наших грузчиков, штанами. На головах фески. Карманы штанов торчат от спрятанных в них патронов, на поясе тоже коробки с патронами, а в руках автоматы французского производства.

Недалеко от этого дворца развалины другого древнего королевского дворца древнейшей династии меренитов. Над этими развалинами громоздится каменная башня Хасана Первого высотой 69 метров. Построили ее в XIII веке. Тогда ее высота равнялась 120 метрам. В XVIII веке во время землетрясения верх-

няя часть башни обвалилась. Но и то, что осталось до наших дней, представляет довольно оригинальное сооружение. К вершине башни ведет не обыкновенная лестница, а гладкая, постепенно поднимающаяся квадратная спираль шириной метра в три, так что по ней можно подняться на мотоцикле. Говорят, что Хасан Первый поднимался на вершину этой башни верхом на лошади.

С вершины башни открывается чудесная панорама Рабата и вид на побережье Атлантического океана. В северной части этого побережья — город Сале. Когда-то город был грозной республикой корсаров — морских пиратов, наводивших ужас на мореплавателей. Сейчас Сале превратился в пригород Рабата. Мы побывали здесь в клубе молодежи. Потомки древних пиратов, участники художественной самодеятельности клуба, исполнили для нас несколько арабских песен и плясок и с видимым удовольствием слушали ставшие нашим гимном в Марокко «Подмосковные вечера».

МАЛЬЧИКИ ПОД ПАЛЬМОЙ

Последний день в Рабате начался у нас рано утром. Перед дальней дорогой по стране объявляется ранний завтрак. И хотя мы уже знаем, что завтрак всегда однотипен — чашка кофе с молоком и кусочек французской булочки с маслом (порция явно не удовлетворяющая наш туристский аппетит), никто от него не откажется, так как обед должен быть уже в Мекнесе, а до Мекнеса — ого сколько ехать!

Автобус едет к ресторану по тихим утренним улицам. Вот и пальма, под которой всякий раз останавливается наш автобус. Выходим. Но что это? Под знакомой пальмой два живых комочка. Мы остановились. Неужели дети? Мы не заметили, как сзади нас возник полицейский. Страж порядка подошел к комочкам и плюнул ногой один из них.

Протирая глазенки, из-под пальмы вышли два мальчика — один лет восьми, другой поменьше. В лохмотьях, грязные, тощие, они растерянно озирались по сторонам, приходя в себя после тяжелого недетского сна. Полицейский что-то сердито проворчал, и мальчики пошли в сторону, к стоянке легковых автомашин.

У меня ожало сердце. Что ожидает сегодня этих голодных, невспаившихся ребятитшек? Подадут ли им на кусок хлеба, сумеют ли они заработать своими маленькими ручонками хоть на один обед? И что они будут делать завтра, послезавтра? И, может быть, сегодняшний полицейский через день-два поведет их в полицию за кражу куска хлеба.

Потом, во время поездки по стране, мы несколько раз встречались с нищими беспризорными детьми.

В Марракеше из окна гостиницы я видел, как на помойке во дворе гостиницы взрослый мужчина и несколько маленьких детей выбирали остатки обеда.

В Танжере, богатом международном порте, у нас была еще одна встреча с маленькими марокканцами. Мы группой возвращались часов в одиннадцать вечера в свою гостиницу по поднимающейся террасой танжерской улице. Со Средиземного моря дул в спину прохладный ветер. И вдруг группа наша наткнулась на знакомые комочки. Ребятишек восемь, тесно прижавшись друг к другу, крепко опали на асфальте под черной крышей-небом. Я взглянул на крайнего. За пазухой его, прильнув к его маленькому телу, спал черненький щенок. И незольно пришло в голову банальное сравнение, которое неожиданно приобрело далеко не банальный смысл: собачья жизнь!

Да, у тысяч марокканских ребятишек жизнь действительно хуже собачьей И усилия, которые предпринимает сейчас комиссариат по делам молодежи, создавая специальные центры для беспризорников, еще никак не могут решить этой острейшей проблемы молодой африканской страны.

САМОВАР — СЛОВО РУССКОЕ

Километрах в семидесяти от Рабата на берегу Атлантического океана расположен город Кенитра, гордостью которого является современный морской порт. У ворот порта, в надежде найти работу, проводят свой нерадостный день марокканские безработные. С ними мы встречались по всей стране. Это тоже наследство, оставленное французскими колонизаторами. До сих пор в стране, по существу, почти нет своих собственных промышленных предприятий, а те немногие, которые имеются, принадлежат заокеанским фирмам и компаниям. Вот почему тысячи рук в стране остаются безработными, вот почему отчаявшиеся марокканцы бросают своих детей, пополняя ими армию беспризорников, и уезжают с родины в надежде найти работу в Европе или в Америке.

Правительство как-то пытается сгладить остроту этой тяжелой национальной проблемы. Из безработных создаются специальные бригады, которые работают на земляных работах, на строительстве и ремонте дорог. Обласканные такой благотворительностью, безработные получают в месяц 135 дирхамов. Что это за сумма, нетрудно себе представить, если учесть, что самый дешевый обед для одного человека обходится в 6 дирхамов. Средняя же марокканская семья состоит из 5 человек. Значит, на один только обед семья должна израсходовать 30 дирхамов. Четыре обеда в месяц! Как живут эти семьи остальные дни, один аллах ведает.

А вот паша города Кенитра, который устроил нам любезный прием в своем собственном доме-дворце, живет по-другому. Богато живет паша! Красивый огромный сад со стройными кипарисами, фонтаны, под деревьями клетки с обезьянами и птицами, цветники. Как-то не верится, что за оградой этого райского сада столько голодных детей и безработного люда.

В глубине сада, в здании, похожем на павильон большой международной выставки, приемный зал, уставленный мягкими кожаными подушками и низенькими круглыми столиками. В центре стоит столик с самым обыкновенным самоваром, пышущим сочным паром.

Традиционный прием в марокканском духе. Паша — сама улыбка. И хотя хозяин дома превосходно говорит по-французски, свое приветствие он произносит на арабском языке. Абдель Али переводит его слова на французский. Потом наш переводчик сообщает смысл речи на русском языке. Слухи во время этого двойного перевода потчуют нас традиционным мятным чаем с восточными сладостями.

Приготовление чая — целый ритуал. Перед самоваром несколько чайников. В одном заваривают свежие зеленые листья мяты, в другом чайная заварка. Все это несколько раз перемешивается, перебалтывается, а затем торжественно выливается в стаканы. Зал наполняется мятным ароматом.

Пыхтит самовар. И вдруг мы слышим среди арабских слов паши родное русское — «самовар».

Представляете, как оживились три члена нашей делегации, которые приехали сюда из знаменитой самоварами Тулы!

Начинается спор. Паша говорит, что первый самовар был сделан марокканцем. У туляков мнение совершенно противоположное.

Паша отдает приказание слуге, и вот на столе водружается огромный самовар из чистого серебра, отделанный затейливыми узорами.

— Наши мастера в Фесе сделали, — гордо сообщает Паша.
— А чьей работы этот самовар? — спрашивает один из туляков, показывая на самовар, из которого нас только что утощали.
Переводческая машина приходит в действие — и все мы приятно удивлены. Самовар, из которого Паша предпочитает пить чай, попал сюда... из Тулы!

МАМЕД ЛАЗРАНЕ ОСТАВЛЯЕТ ПОЛИЦИЮ

С Мамедом Лазране мы встретились в студенческом клубе. Смуглолицый двадцатидвухлетний парень был нам представлен как директор этого клуба.

Разговорились. Если бы Лазране пришлось заполнить свою автобиографию, для его 22 лет она оказалась бы очень длинной.

Сын хозяина маленькой ткацкой фабрики, он уже работал во многих местах. Был Мамед и корреспондентом рабатской газеты, работал диктором рабатского радио. Потянуло его и в полицию — понравилась форма полицейского офицера. Но работа в полиции пришлось Мамеду не по вкусу.

— Я все больше и больше задумывался над тем, куда идет наш народ, над тем, какое будущее ожидает нашу молодежь. И решил, что мое место там, где воспитывается эта молодежь.

Клуб, которым руководит бывший полицейский, проводит большую работу среди молодежи. Об этом мы узнали и от других членов клуба.

Вот шеф кукольного кружка Кенени. Он так влюблен в свое дело, что считает все остальные дела второстепенными.

— Наши куклы сейчас делают то, чего еще не может дать школа. Мы выступаем перед молодежью, которая нигде не учится, и таким путем даем ей элементарные знания.

В разговор вступает Саид Мамед. Он тоже член кукольного кружка.

Кенени знакомит нас:

— Это наш главный сценарист, автор большинства кукольных пьес.

— Свои пьесы я пишу так, чтобы, посмотрев их, мои зрители могли познакомиться с историей нашей страны, с элементарными сведениями из географии, литературы, чтобы они стали хоть немного грамотнее.

Здесь же студенты делают своих кукол — будущих героев пьес, лепят головы, шьют платья, строят декорации.

— Мы хотим учиться у вашего Образцова, — сообщает Кенени.

Учиться у нас хотят и многие другие марокканцы. Помню, как в гостиницу в Касабланке пришел к нам один молодой марокканец. Он мечтает о том, чтобы стать композитором, хорошим композитором.

— Мне очень нравится классическая музыка. Я люблю Чайковского, Глинку, Шестаковича. Я очень хотел бы учиться у русских композиторов, чтобы создать настоящую, нашу, марокканскую музыку.

Этот парень написал директору Московской консерватории письмо с просьбой принять его на учебу. Он не надеялся на скорый ответ. Однако ответ пришел очень скоро. Из Москвы сообщили, что его могут принять на учебу. Нужно только разрешение марокканского правительства.

И он пишет второе письмо — правительству. На сей раз ответ пришел гораздо позднее, чем из Москвы.

— Письмо было коротким. Мне отказали в поездке в Москву. А так хотелось!..

МЕКНЕС — СТОЛИЦА МАРОККАНСКИХ ВИН

У каждого марокканского города есть своя, только ему присущая особенность. Когда говорят о любом из них, то обязательно скажут: «Этот город самый...»

Про Мекнес нам сказали еще в Рабате:

— В Мекнесе самые хорошие вина и вообще он считается столицей марокканских и даже африканских вин. В его окрестностях находится самый крупный винный погреб и завод по производству виноградных вин.

Нас это удивило. Дело в том, что мусульманская религия, господствующая в Марокко, запрещает арабам пить вино. Ни в одном ресторане марокканцу вина не подадут.

Такой своеобразный сухой закон для хозяев страны действует всюду. Но, не потребляя винного зелья, арабы вместе с тем считаются добрыми виноделами. Они трудятся день и ночь на виноградных плантациях, выращивая специальные винные сорта винограда, работают в слишком уж ароматных цехах винного завода, раскинувшегося в окрестностях Мекнеса.

Хозяева завода (французы) познакомили нас с процессом производства вин. Гигантские чаны вместимостью в тысячи гекталитров хранят различные сорта вин. Аромат такой, что только от него одного начинаешь пьянеть. А арабы, работающие в этих цехах, по их словам, так ни разу и не попробовали, что за продукцию они производят.

В лаборатории завода нам устроили дегустацию всех сортов мекнесских вин. После такой пробы обратная дорога в Мекнес показалась очень веселой. И только наш гид и шофер ехали обратно такими же, как и сюда, на завод. Закон есть закон!

Но Мекнес — не только вина. Среди старинных памятников города особенно выделяется древний бассейн, мавзолей и огромная тюрьма-подземелье.

Узкая, сглаженная временем лестница ведет под землю. Хранитель тюрьмы огромным ключом открывает массивные двери в подземелье, из которого несет сырость и холодом. Сначала кажется, что в тюрьме кромешная тьма. Но затем глаза начинают различать смутные очертания вырубленных в земле камер. Сверху через узенькие отверстия проникает рассеянный свет дня.

Вена отделяют нас от тех времен, когда в подземных камерах-пещерах томились узники. Вот следы страшных расятий, а здесь цепями к стене приковывали особо опасных преступников. Повсюду следы безуспешных подкопов, обвалов. Того и гляди — оживут тени минувшего, застонет земля. Нет, лучше скорее под жаркое солнце из этой страшной тюрьмы грозного короля.

В Марокко очень много таких памятников старины, которые мусульмане считают святыми. Поэтому не раз наша долгая поездка к какому-нибудь памятнику оканчивалась одним и тем же сообщением гида:

— К сожалению, внутрь войти нельзя — неверных не пускают. Святое место.

Так и на этот раз наша поездка к старинному мавзолею закончилась ничем. Нас остановили у ворот. Ничего не оставалось делать, как вручить свою камеру нашему шоферу Ибрагиму Собару, чтобы по приезде домой узреть эту святую достопримечательность хотя бы на киноэкране.

На пути из Мекнеса в Фес наша машина запетляла по горной дороге. На одном из поворотов неожиданно открылась живописная панорама города в горах. Это древнейшая столица Марокко Мулай Идрис. Об этом городе ходят легенды. Говорят, что даже в самые жестокие годы, когда вся страна была порабощена иноземцами, за стены этого города не могла ступить нога европейца. Только недавно жители стали пускать сюда не-

верных. И все равно, когда идешь по узким улочкам этого горного города, постоянно ощущаешь на себе подозрительные и ревнивые взгляды. Гнет корана чувствуется здесь острее, чем где бы то ни было.

КАЗАРМЫ ОТДАНЫ СТУДЕНТАМ

Примет новой жизни в Марокко не так уж много. Поэтому всякий раз, когда они нам встречались, мы искренне радовались за своих марокканских друзей.

Еще задолго до приезда в Фес Абдель Али много рассказывал о своем родном городе, о Фесском университете, где он учится. С особой гордостью рассказывал он о том, что университет этот занял помещения, где во времена колониализма размещались французские солдаты.

И вот мы в университете. За огромной стеной — одноэтажные строения, бывшие французские казармы. Теперь здесь живут студенты. И не только марокканские. Сюда приехали на учебу молодые ребята из Гвинеи, Кении, Мали, Сенегала, Нигерии и других африканских стран. Дело в том, что Фесский университет считается одним из крупнейших мусульманских учебных заведений. Он готовит специалистов по корану, мусульманских проповедников, специалистов по арабской литературе.

В университет мы прибыли в первый день учебного года. Шли экзамены — для студентов, кто не сдал их в конце минувшего учебного года, и для вновь поступающих в университет. Поприсутствовать на экзаменах нам не разрешили. Опять законы корана! Зато на прием к ректору — пожалуйста.

Картина незабываемая. За столом, застыв как изваяния, со скрещенными на груди руками стоят три человека в белых балахонах, покрывающих их с ног до головы.

Средний начинает что-то говорить по-арабски. Его речь переводится на французский, а затем уже на русский.

Это и есть ректор университета и, по словам нашего гида, один из ученейших в современном мире мусульманин.

Так не присев и не выйдя из-за стола, ректор завершил свой короткий рассказ об университете и вежливо дал понять, что прием в цитадели мусульманства закончен.

Университет мы покидали с противоречивым чувством. С одной стороны, радовались вместе с Абдель Али, что солдатские казармы отданы студентам, а с другой стороны, было как-то странно, что такое огромное учебное заведение более чем с двумя тысячами студентов уводит своих питомцев в призрачный средневековый мир корана.

Такое же чувство осталось у меня и после посещения марокканских школ. Это же чудесно, что в стране, которая только-только освободилась из-под ига колонизаторов, учится уже половина всех детей. Это же замечательно, что на уроке ребята изучают свой, родной арабский язык, растет новое, грамотное поколение марокканского народа.

Но и сюда тянет свою паутину религия. В одной из школ мы присутствовали на двух уроках. На одном из них малышам читали проповедь, а на другом они, доходя до иступления, зазубривали одну из страниц корана. Народ, сбросивший с себя цепи колониализма, все еще опутан липкой паутиной религии.

«МОЙТЕ РУКИ — НЕСУТ КУС-КУС!»

— Ребята, мойте руки — несут кус-кус! — с этим необычным призывом обратились к нашей делегации, когда мы приехали на встречу с марокканскими девушками в культурный центр. Для нас и без того это было целым событием — встреча с девушками. Дело в том, что все тот же коран запрещает девушкам появляться в мужском обществе. На протяжении всей поездки мы не имели возможности поговорить с марокканками об их жизни.

И вот встреча в женском культурном центре, где объединены девушки и женщины, сбросившие с себя чадру. Уже только один этот факт давал возможность отнести их к прогрессивной части марокканских женщин.

Гостеприимные хозяйки приготовили сюрприз — решили угостить нас национальными блюдами. К особенностям марокканской кухни относится отсутствие вилок, ложек и ножей. А самым знаменитым марокканским блюдом считается кус-кус. И вот, наконец, мы получили возможность познакомиться с этим блюдом и одновременно проверить, что удобнее — ложка или пилтерня.

Рассадили нас за традиционными низенькими столами, на них появились огромные металлические миски. Горой навалено кушанье, от которого идет пар и ароматный запах. Это и есть кус-кус — нечто напоминающее плов, в который добавлен пареный виноград и еще целый комплекс каких-то диковинных плодов. Миска — на шесть-восемь человек. А ложек-то нет...

Заметив нашу растерянность, хозяйки решили показать пример. В миску полезла девичья рука. Углубившись в горячую гору, рука вынырнула обратно с горстью сочного жареного мяса. Девушка проворно перебрала из ладони в ладонь горячий рис с мясом и виноградом и слепила из него плотный комочек. Комочек полетел в рот. Вот и вся хитрость.

Никто из нас не решился последовать ее примеру. И тогда... Тогда девушки решили взять шефство над «неграмотными» едоками и начали предлагать нам уже готовые колобки...

Мы пришли к единодушному выводу: руки — по крайней мере, в данном случае — менее совершенное орудие, чем ложка.

Вслед за миской кус-куса на столе появился поднос с жареными курами. Ни ножей, ни вилок тоже не подали. Но у курицы есть хоть кости, за которые можно ухватиться.

На третье марокканки принесли гроздь винограда и традиционный мятный чай.

Трапеза в культурном женском центре носила веселый дружеский характер. И вдруг за одним из столов вспыхнул громкий спор.

Была у нас в делегации инженер-химик из города Клина Рита. Узнав об ее специальности, одна из марокканок поразилась:

— Инженер? Как мужчина?

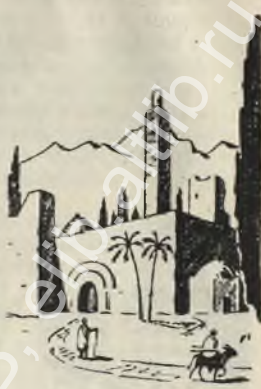
— Ну да, как мужчина, — тоже удивилась Рита.

— И столько же зарабатываешь?

— Совершенно столько же.

Марокканка, же веря, закачала головой. Другие ее подруги тоже смотрели на нас с недоверием.

Около получаса понадобилось переводчику, чтобы объяснить девушкам, что Рита действительно настоящий инженер, что она училась в одном институте с мужчинами, получала такую же стипендию, как и мужчины, получает такую же зарплату, как и мужчины.

И все-таки я не уверен, что наш рассказ не показался девушкам сказкой. Многие марокканцы, с которыми мы встречались, не верили, что может существовать строй, который обязывает всех иметь не менее, чем восьмилетнее образование. Они не могли представить, что наши газеты и радио ежедневно печатают и передают объявления, начинающиеся словами: «Требуется на работу». А когда я рассказал о комсомольском призыве сотен молодых ребят и девчат на Алтайский моторный завод, где не хватает рабочих рук, мне просто смеялись в глаза — для страны с огромной армией безработных это тоже казалось сказкой.

В такие моменты каждый из нас по-новому оценивал достижения нашей страны.

ЛЮДИ БЕЗ РОДИНЫ

Вот кого мы никак не могли понять — людей, которые говорили на чистейшем русском языке и не знали или даже не хотели знать правды о нашей родине. Несколько встреч с русскими эмигрантами показали нам жалкое цудро этих «перелетных птиц». Разные пути привели их на марокканскую землю и по-разному проходили наши встречи.

Есть на пути из Феса в Марракеш самый, пожалуй, маленький и самый красивый город Марокко — Ифран. Здесь всего 800 домов и ни одного бедняка — это город-дача. На склонах гор раскинулись фешенебельные коттеджи, которые принадлежат богатейшим людям Касабланки, Рабата, Танжера и заморским миллионерам. Зимой здесь любят отдыхать и сам король — склоны гор покрываются снегом, можно заняться лыжным спортом.

Мы обедали в маленьком ресторане. Обед уже подходил к концу, когда кто-то из наших ребят заметил, что на нас пристально смотрит старая пара, присевшая за столом в противоположном конце ресторана. Какое-то волнение было написано на лице старика.

Когда мы собрались садиться в автобус, старик вдруг заговорил на русском языке.

Он коротко рассказывал свою историю, а у меня в глазах начали мелькать кадры из кинофильма «Две жизни» — так походил этот старик на гарсона-белоземлянина. Оказывается, молодость его прошла в белогвардейской армии, он был помощником Ерангеля. И вот, недобитый на своей родине, он скитается по чужбине. Вместе с женой, уроженкой Таллина, он живет на иждивении дочери и ее мужа, которые являются хозяевами ресторана. Дочь уже почти не говорит по-русски, а он... он думает сейчас об одном:

— Тяжело прошла жизнь. А главное, я не могу быть даже похоронен на родной земле.

Старик вышел, чтобы проводить наш автобус. Когда машина тронулась, старик поднял трясущуюся руку и помахал нам. По его щекам текли слезы...

Мне стало жаль его. Но это была особая жалость, наподобие той, которую испытываешь в зоопарке, когда видишь в клетке опасного хищника, состарившегося в неволе.

Вторая встреча, в тот же день, состоялась в Азру. Начала барахлить машина, и шофер решил сделать остановку. У нас было время, чтобы побродить по городу.

С группой туристов мы зашли в магазин фирмы «Кодак». У витрины с открытками мы о чем-то заспорили, не обращая внимания на продавца — высокого, с ранней сединами мужчину. И вдруг:

— Вы русские?!

Завязался разговор. Продавец поведал нам свою невеселую историю.

Ему исполнилось шестнадцать лет в эшелоне, в котором немцы вывозили молодежь из осажденного Ростова в Германию. Родных никого не оставалось — мать с отцом умерли еще до войны.

Закончилась война. Но он, оказавшись в Западной Германии, так и не вернулся домой. Долго скитался по свету, прежде чем попасть в Марокко. Здесь и нанялся продавцом к фирме «Кодак».

Когда в Советский Союз начали возвращаться люди с судьбой, похожей на его, он заколебался. Но американская пропаганда сделала свое дело. «Голос Америки» твердил: возвратившихся людей в Советском Союзе ждет беспощадное наказание, вплоть до расстрела. И он поверил. Когда предложили получить советский паспорт, отказался.

— И вот теперь я — «апатри», человек без родины. По паспорту значусь гражданином ООН. Это значит, теперь я не русский, не француз, не марокканец.

В Марокко он женился на француженке. Имеет двоих детей, которых учит русскому языку, собирает русские книги и пластинки. И всё равно боится вернуться домой. Когда мы предложили ему съездить в Советский Союз, хотя бы в качестве туриста, он с серьезным видом заявил:

— Боюсь. Боюсь трех вещей. Меня могут арестовать сразу же на аэродроме. Но если даже выпустят из Советского Союза, я здесь могу потерять свое место. И третье, чего я тоже очень боюсь — могу влюбиться в русскую девушку, а ведь у меня двое детей...

Боится он всего. В любой день его могут уволить из магазина. Может наступить и такой день, когда марокканцы скажут европейцам: «Хватит, пожилы у нас, пора и честь знать...».

Грустным было наше прощание. Он хотел поговориться с нами досыта. Словно человек, испытывающий жажду, он не мог оторваться от источника русской речи:

— Последний раз я разговаривал с русским год назад. Это был старый хозяин ифранской гостиницы. В Азру, кроме меня, нет русских.

У него тоже тряслась рука, глаза тоже блестели от слез... Но его я жалел совсем по-другому. Вот ведь до чего может довести человека грязная пропаганда врагов социализма!

Самой неприятной была встреча с белоэмигрантами в Марракеше. В один из вечеров марракешский комиссариат по делам молодежи решил устроить для нас вечер на террасе семиэтажного дома, где находится один из лучших ресторанов города. Мы ожидали, что на встречу придут молодые марокканцы.

Лифт поднял нас на крышу дома. Внизу великолепная панорама ночного Марракеша, расцвеченного огнями реклам. Любуемся городом, ждем участников встречи.

Через несколько минут снова зашумел лифт и из него вышло двое мужчин и женщина. Мужчина постарше неожиданно заговорил на чистом русском языке.

— Добрый вечер! Мы русские. Пришли поспорить с вами, поговорить по душам.

Но уже с первых минут стало ясно, что за птичек поднял лифт на седьмой этаж. Нет, не за разговором по душам пришли эти люди. Грязью и бессовестной клеветой начали обливать они нашу Родину, наш народ.

— Что у вас там за жизни! Вот у нас в свободном мире...

Свободный мир! Страна, где люди не могут найти работу, где бродят толпы брошенных на произвол судьбы детей, где религия одурманивает народ, страна, где маленькие дети вынуждены своими ручонками добывать себе на пропитание...

Наши товарищи дали провокаторам достойный отпор. Но те не унимались. Разговор принимал все более острый характер. Бывали моменты, что пальцы сами сжимались в кулак и хотелось съездить по этим физиономиям — один из мужчин был недобитым белогвардейцем, второй бендеровцем.

Бендеровец начал вдруг поливать грязью наших шахтеров. И тут Лене

Нечипоруку, члену знаменитой на всю страну бригады коммунистического труда Кузьмы Северинова, чуть было не изменила выдержка. Страшно было на него смотреть. И непрошенные гости поняли, что дальше оставаться здесь опасно. Как никак, до земли семь этажей. И они, поджав хвосты, кинулись к лифту.

Да, разными были люди без родины. И если фотограф из Азру с болью в голосе говорил: «Там на Кавказе», «там в Ростове», то эти марракешские провокаторы шипели со злобой: «у вас в России», «у вас», «у вас...».

А мы в такие минуты с особым чувством гордости произносили привычные дома слова: «У нас в Советском Союзе...».

НА УЗКИХ УЛИЦАХ МЕДИНЫ

Но, конечно, не эмигранты и не европейцы определяют лицо современного Марокко.

Это лицо не едино, и особенно резко бросается это в глаза в городах. Каждый город состоит из двух частей — европейской и национальной — медины. Если европейская часть города ничем не отличается от центральных улиц европейских городов — здесь так же кричат рекламы, здесь торгуют магазины тех же самых фирм, которые мы встречали и в Париже, — то национальная часть города — средневековье, сохранившееся до наших дней.

Медина обычно отделена от европейской части древней стеной. Когдаходишь в ворота этой стены, совершаешь огромный скачок в прошлое. Узкие, грязные улицы, резкие запахи. Несмотря на то, что солнце в Африке нещадно палит, на улицах медины темно, так как высокие стены узких переулков пропускают лучи лишь жалкими порциями.

Там, где улицы пошире, они запружены бесконечными рядами лавок. Это город-базар. Кажется, что торгуют здесь все, от мала до велика. Арабский базар — это незабываемое зрелище. Для марокканца базар — все. Для него он вобрал в себя весь мир. Здесь он рождается, здесь он влачит свою нерадостную жизнь, здесь он и умирает.

Лавки стихийно сгруппировались по видам товаров. Вот целый ряд продуктовых лавок — здесь продаются фрукты, овощи, мясо, восточные сладости. И над всем этим густые тучи мух, а сладости, по-моему, за день убывают в весе, так они усыпаны мухами.

Здесь же ходят увешанные кружками и пиалами продавцы воды. Вода на спине в кабаньей шкуре. У нас бы обязательно сказали: куда смотрит санинспекция? В медине же к этому привыкли и не задумываются, что отсюда начинают свой коварный путь многочисленные эпидемии и заболевания.

Отдельными рядами стоят лавки перекупщиков европейских товаров. Это самые «хитрые» лавки. Здесь могут незаметно подсунуть покупателю вместо капроновой куртки точно такую же, но из саржи, или выдать за дорожную вещь подделку.

Но наиболее интересны лавки с изделиями ремесленников. Как правило, сам продавец является и главным мастером по производству своих товаров. Вся его семья, от мала до велика, тоже на глазах у покупателей работает без устали. В одной

лавке ткут ковры, в другой шьют чупяки и отделывают различные изделия из кожи, в третьей чеканят медные изделия, в четвертой ювелиры делают самых различных форм и фасонов бусы из бисера...

Когда наступает час молитвы, из многочисленных мечетей разлетаются призывные молитвы мулл. И чем бы ни занимался в эту минуту марокканец, он оставляет свое занятие, снимает обувь и, встав на колени, начинает шептать слова молитвы.

С марокканскими торговцами мы постоянно встречались и на улицах европейской части городов. Они «преследовали» нас всюду, в ресторанах, в музеях, на стоянках автобусов и всюду предлагали изделия кустарей.

Мы быстро узнали одну особенность местной торговли. Здесь уважают только того, кто умеет торговаться. Первоначальная цена всегда очень завышена. И надо обладать тактом и опытом, чтобы назвать более низкую цену, но так, чтобы не обидеть торговца.

Торг занимает много времени. И если покупатель особенно умело ведет его, продавец в знак особого уважения может отдать ему вещь бесплатно.

Нас всегда смешили эти сцены бойкой торговли. Торговаться, оказывается, принято даже в фирменных магазинах. Но мы так и не смогли за время поездки привыкнуть к этим торговым тонкостям.

БЕЛЫЙ ГОРОД — КАСАБЛАНКА

Из Марракеша наш путь лежал обратно на север. Но прежде, чем покинуть этот типично африканский город, мы совершили поездку к вершинам гор, туда, где даже в самые знойные летние месяцы на горах лежит снег.

Дорога в горный поселок Азни, расположенный у края этих снежных вершин, — самая опасная в стране. Невероятно крутыми петлями убегает она по склонам гор. Проезжая часть намного уже нашего Чуйского тракта, так что две машины разъезжаются с большим трудом. Выше, под крутыми обрывами, мимо которых бежит дорога, — прожорливая желтая река. Ежегодно она съедает десятки машин, рухнувших с высокого обрыва, — ограждения даже на самых опасных участках дороги отсутствуют.

Зато дорога в Касабланку казалась нам дорогой в рай — ровная, прямая, почти без подъемов и спусков. Мелькали мимо пальмовые рощи, все дальше увозил нас автобус от знойного дыхания Сахары, убегая от красного ветра — мамба.

Наконец, Касабланка. Вот и вернулись мы туда, куда две с лишним недели назад привез нас французский самолет. Тогда мы видели только ночную Касабланку. Теперь она предстала перед нами во всем своем великолепии.

В переводе на русский язык «Касабланка» — «Белый город». И действительно, над вечной зеленью улиц поднимаются, белые дома, огромные небоскребы. Здесь живет около миллиона человек. В основном, это европейцы и американцы. Для них здесь многочисленны отели, рестораны, коттеджи. Особенно много в Касабланке пляжей, опоясавших город по всему океанскому побережью. Здесь и бассейны с пресной и океанской водой, многочисленные вышки для прыжков в воду. Но в октябре купальный сезон считается в Марокко закрытым, так как температура воздуха «всего» около тридцати градусов тепла, а температура воды двадцать два-двадцать четыре градуса.

Конечно же, такой «холод» нас не остановил. Марокканцы разглядывали нас с удивлением и качали головами: смотрите, какие закаленные люди! Им, конечно, было невдомек, что для наших обских пляжей, например, такие температурные условия — мечта.

ДЛИННЫЕ ТЕНИ ПАЛЬМ

Касабланка — Рабат — Танжер. Вот последний участок нашего маршрута по Марокко.

Интересна судьба Танжера — города-порта. До получения страной независимости Танжер являлся международным городом. Сейчас он стал таким же городом, как и все остальные города страны.

Обращенный спускающимися к Средиземному морю террасами, город как бы поднялся над Гибралтарским проливом, гордо выпятив грудь. Невеселая слава ходит об этом городе, где до сих пор вольготно чувствуют себя жулики и контрабандисты всех мастей.

На приеме в муниципалитете Танжера нам подробно рассказали о проблемах, которые предстоит решить городским властям. Потеряв международный статус, город столкнулся с массой невероятно трудных вопросов. Городская законодательная ассамблея, которая прежде устанавливала свои собственные законы, ликвидирована. Но судебный кодекс до сих пор остался прежним. Это значит, что за одно и то же преступление в Танжере наказание мягче, чем в любом городе страны. Легко себе представить, как это привлекает преступников.

Немедленного решения требует и экономическая проблема. Дело в том, что земли в радиусе 100 километров страдают вечной засухой и по существу не дают никаких урожаев — здесь живут самые бедные в стране крестьяне. Большой промышленности в городе тоже нет. Процветал он только за счет международной торговли: через его порт проходит много судов. Существовавший специальный выгодный монетный и финансовый режим давал танжерцам возможность жить за счет перепродажи товаров. Контроль марокканского правительства ликвидировал эти преимущества, они отданы казне. Экономическая жизнь города начала затухать, многие танжерцы потеряли средства к существованию.

Сейчас принимаются меры к тому, чтобы создать свободную зону порта, решается вопрос о строительстве огромной судовой верфи, в котором, очевидно, примет участие Советский Союз.

Самым интересным местом в Танжере является маяк, поднявшийся над волнами Атлантики. Он расположен в живописном месте на высокой горной круче. Ночью и в непогоду указывает он путь кораблям, идущим мимо Танжера. Свежий ветер постоянно обдувает корпус маяка, играет пышной листвой пальм.

Сейчас над Марокко раннее утро. Пальмы еще отбрасывают длинные тени. Но вслед за утром наступает день, и тени становятся короче. Наступит такой день и для марокканцев.

С этой мыслью мы покидали древнюю и молодую страну пробудившегося континента.

Рис. Г. Вильмса.

Сатира

и
юмор

А. Баздырев

СИДЕЛ ЧЕЛОВЕК...

Он серой копной горбился на краешке скамейки в сквере, уныло убеждал меня, что не пропадет, что о нем еще вспомнят, пожалеют. И методично, не глядя под ноги, долбил массивным резиновым каблуком жиденькую веточку клена.

Веточку эту никто не сажал и не поливал. Она сама выбилась на свет. Раздвинула у самой ножки скамейки сухую, острую шебенку, выломив оконце в асфальте и, обрадовавшись солнцу, раскустилась, засверкала зеленым лаком. У нее еще не хватало сил постоять за себя, не согнуться под каблуком. Когда он давил, она, словно большая бабочка, всхлопывая крыльями-листьями, припадала к горячему асфальту. Когда он приподнимал ногу, она поспешно выпрямлялась, чтобы опять согнуться.

Я плохо слушал, что он говорил. Мне очень хотелось сказать: «Отодвиньтесь, ведь вам все равно что топтать». Но стоило поднять на него глаза, встретиться с ним взглядом, и охота заступаться за веточку пропадала. Это был и он и не он, тот человек и не тот человек.

Долгие годы и всего какой-то месяц назад он сидел не тут, не на грубой скамейке, а в полированном дубовом кресле, за дубовым столом и сам порой казался выточенным из дуба: вечным, тяжелым, чужим.

Темный тамбур и одетые толстой обшивкой двери не могли удержать в стенах кабинета его жесткий и властный голос. Его слышали в приемной, в самых глухих уголках коридора и еще дальше. Слышали, и по привычке верили: останься без него хоть на день кабинет, умолкни хоть на час его властный голос — все замрет. Застынет на улице пестрая людская река, окаменеют с раскры-

тыми клювами на деревьях птицы, покроются пылью телефоны. Никто не будет знать, что и как делать.

И вот его уже месяц нет за дубовым столом и в дубовом кресле. А этого никто не заметил. Улица шумит, как прежде, и даже с каждым днем все звонче, в небе с веселым гомоном носятся птички — стан: заботливые родители учат летать своих оперившихся птенцов. И телефоны не молчат, трезвонят на все голоса.

День или два спустя я проходил ранним утром по скверу мимо знакомой деревянной скамейки. Кленовая веточка, умытая росой, тянулась вверх чистенькая и прямая.

А его не было.

НАКАРКАЛ

Уже по одному тому, как управляющий отделением совхоза Шумаков тянулся перед телефоном, можно было догадаться, что на другом конце провода начальство. Нежным, почти девичьим голосом он ворковал в трубку: «Я вас понял, все будет исполнено», не переставая, улыбался, да так, что на лице его, точно на медном чайнике, играли зайчики.

Закончив разговор, Шумаков бережно повесил трубку на рычаг, постоял немного в задумчивости и вслух сам для себя многозначительно произнес:

— Да-а!

Кроме Шумакова, в конторе отделения было еще двое: рассыльная, она же уборщица, Поля, и дед Поярко — печник, стекольщик, шорник, короче говоря, деревенский мастер на все руки. Они молча с сочувствием глядели на управляющего, когда он крутился, словно привязанный, около телефона. Но как только он произнес «да-а!», старик приподнялся и напомнил о себе: звал, так говори, зачем?

Вообще-то дед Поярко, примерно, знал, какая нужда заставила посылать

за ним рассыльную. Вчера вечером на отделение приезжал директор совхоза и дал здоровый нагоняй Шумакову за то, что на кухне в свинарнике не исправна печь. Из-за этого три дня поросят сырым кормили. Но одно дело предполагать, а другое услышать от самого управляющего: так, мол, и так, товарищ Поярков, просьба к тебе великая, выручи...

Но, к большому удивлению старика и рассыльной Поля, управляющий загворил совсем о другом.

— Вот что, — строго промолвил он. — Зачем не видишь, к нам придут комбайны с людьми из Черемшанского совхоза. У себя они, говорят, уже убрали, теперь к нам на помощь едут. Так что надо собирать народ на митинг. Ты, Пелагея, помоложе, поэтому оповести дальние улицы. Ну а ты, дед, беги хоть эти дома, что вокруг конторы.

Поля, получив указание, собрала с юбки подсолнечную шелуху в горсть, бросила в поддувало печи и, выскочив из конторы, направилась вдоль улицы. А дед медлил. Нарочно, чтоб затянуть время, долго возился с кисетом, чиркая спичкой, пыхтел, раскуривая самодельную папиросу. И все время негромко, но и не себе под нос, наговаривал: «Вот вызывают. Думаешь, по делу, а они к рассыльной в напарники ставят, ровно мальчика какого. Да я лучше за это время окна в общежитии застеклю или печь в свинарнике излажу...»

Шумаков сидел за столом, пытался что-то писать, но Поярков не давал ему сосредоточиться.

— Ты сегодня уйдешь, дед, или намерен до вечера у меня на нервах играть? — не вытерпел Шумаков в конце концов. — Ты не думай, у меня ведь тоже работа есть, некогда с тобой рассусоливать.

— Ты, слышь, товарищ Шумаков, не сердчай, — несмело подошел к его столу Поярков. — Ты знаешь меня, я всегда хочу, как лучше. Вот ты сказал, комбайны придут к нам из Черемшанки. А ты подумал, что им, комбайнам-то, не миновать мостика через протоку. Дорога тут одна! Как хочешь, конечно, но я бы на твоём месте, чем людей баламутить со всякими митингами, лучше б послал парочку мужиков мостик этот поправить. Знаешь, на грех, говорят, мастера нет. Машины теперь пошли большие, тяжелые, а мостик там трень-брень, от ветра качается. Да и мне, по правде говоря, тошно бегать в рассыльных. Зима на дворе, столько окон, печей...

— Да что ты, дед, шулки шутишь? — с дрожью в голосе произнес Шумаков и огляделся кругом, словно конторские стены пригласил в свидетели. — Нет, вы посмотрите на него! То стоял, про мост жужжал, теперь опять об окнах и печках вспомнил... Ты же старый человек, Поярков, должен понимать. Разве можно лезть в глаза людям со всякой чепухой, когда речь идет о митинге! Оста твой или тот же мост и завтра чикуда не денутся, и через неделю. А митинг — это, если хочешь знать, политика. Попробуй-ка, не проведи его! Так взгреют, что не захочешь...

Дед Поярков и Поля добросовестно исполнили указание управляющего. Скоро около конторы стало шумно. Сюда, бросив закладывать силос, пришли доярки, за ними следом слесаря из ремонтной мастерской, рабочие с пилорамы. Даже на току остановили машины. Все отправились на митинг речи слушать.

Шумаков велел вынести из конторы на улицу стол, сам накрыл его красной сатиновой скатертью. И еще одно предусмотрел: чтобы своевременно узнать о приближении черемшанских механизаторов, послал на пожарную каланчу подростка и наказал ему «смотреть в оба».

Дозорный на каланче, управляющий и сидевшие около конторы рабочие отделения ждали комбайны. Никто из них не обратил внимания на то, что на сельской улице давно уже маячит одинокий пешеход — молодой парень, одетый в промасленный и заляпанный свежей солончаковой грязью комбинезон. Увидев людей около конторы, он подошел, сдержанно поздоровался и спросил, где можно видеть местное начальство.

- А тебе по какому делу начальство-то? — выступил вперед Шумаков.
 — Комбайны надо выручать, вот по какому делу, — со злом отрубил парень.
 — Мостик ваш через протоку провалился, чуть машина в воду не угодила...
 — Вот это помитинговали! — охнул кто-то.
 Шумаков с минуту тупо глядел на черемшанского механизатора, потом перевел взгляд на красную скатерть, на притихших слесарей из ремонтной мастерской. И вдруг встретился глазами с дедом Поярковым.
 — Накаркал, старый черт, — прошипел он сквозь зубы. — Ну, подожди, я тебе это припомню!

ЛЕБЕДЬ И МОТЬКА

Купленного молодого бычка словно в насмешку звали Лебедем. Мастью он был пестрый, черное с белым, поэтому скорее напоминал сороку. Осанку имел тоже далеко не лебединую.

Неизвестно почему, утомительная ли дорога повлияла, или, может быть, трава в наших местах оказалась не такая, как у него на родине, бычок часто страдал животом, ходил всегда понурый, грязный. Рос он, несмотря на недомогания, все-таки быстрее других телят. Но те были шустренькие, ладенькие. Чуть что, поднимут хвосты — на коне не догонишь. А Лебедь не только бегать, в ходьбе-то не поспевал за стадом. Тащится всегда сзади, тощий, нескладный — трясло пряслом. Любой теленок мог ему поддать под бок, отогнать от свежего куста травы.

Но больше всего доставалось Лебеду не от телят, а от пастуха Мотьки Демина.

От Мотьки в селе кое-кому частенько приходилось плакать. За свои четырнадцать лет он, наверное, не пропустил мимо себя с миром ни одной собаки и ни одной кошки, не говоря уже о слабых девчонках и мальчишках. Сильных и умеющих постоять за себя он не трогал, знал, что не одолеет, а жиденьких да еще трусоватых колол беспощадно, причем часто так, за здорово живешь. Но если всем прочим от него попадало время от времени, когда случилось подвернуться под горячую руку, то Лебедь в этом отношении не знал выходных. Свернет, например, какой-нибудь теленок в сторону. Они, маленькие, как ребятки, любопытные, все посмотреть и понюхать им хочется. Мотьке, уж если он иначе не мог, надо было этого, любопытного, бичом достать. А он развернется со всего плеча — и по Лебеду.

— Эй, — кричат, — пошевеливайся. породистый! Ишь опять навешал побрякушек на галифе, черт вонючий!

Телятницы разговаривали с Мотькой и добром и худом, сам зоотехник предрезал его:

— Ты брось, Демин, свой «цыганский овес». Если еще увижу, что ты хлещешь Лебеда, янут отниму и тебя на ферму не пущу. Пойми, голова садовая, этот бычок очень ценный, дорогой. Подожди, вырастет он — таким красавцем станет, каких не только ты, отец твой и дед не видели. Если у нас в колхозе весь скот будет такой породы...

Мотька делал вид, что слушает зоотехника, а сам едва сдерживался, чтоб не захохотать. Что мелет человек? Лебедь — красавец и еще ценный. Умора! Да эту ценность уже сейчас можно угнать на скотское кладбище. Все равно, как наступят холода, протянет ноги.

Лекции зоотехника не убеждали Мотьку. Наоборот, после них он еще злее изводил Лебеда.

К счастью, Мотькина власть над телятами быстро кончилась. В самый разгар уборочной он вместе с родителями укатил в город. Слышно было, будто отец устраивал Мотьку на завод в ученики, но люди, бывавшие в городе, говорили, что видели Демина-младшего совсем в другом месте, при белом халате в ларимакерской.

Но дело не в этом.

В своем селе Мотька появился только через три с лишним года. Бабка Демиха ради приезда внука нажарила гусятину, слезила в погреб за солониной, дед слетал в село.

Застолье у стариков Деминых собралось порядочное. Пришли Мотькинны дяди, тети, двоюродные братья с женами, двоюродные сестры с мужьями. Мотька с деревенской родней держался чинно. Разговаривал баском, к старым и малым обращался на «вы», часто без всякой надобности поправлял модный галстук и поглаживал пышный хохол на голове.

Выпили. Потом, в разговоре, кто-то из родни вспомнил:

— Да, Матвей, ты не забыл того бычка, которого колхоз на племя покупал? Теперь ты его не узнаешь. Здоровый стал, гладкий. Нынче на выставке у вас в городе его показывали. Не видал, случаем?

— Позвольте, позвольте, — прищурил глаз Мотька. — Это вы о чем? Не про того ли слабона говорите, которого откуда-то зоотехник привозил?

— Во, во, про того самого.

— Так ведь тот, по-моему, издох.

— Да нет, зачем же издох? Живой и, вроде, на здоровье не жалуется.

— Не может быть! — вспыхнул Мотька. — Я ж его как сейчас вижу: худой, одни мослы, на хвосте висюльки насохли, болтаются, как бубенчики. Да нет, чего говорить! На что угодно могу спорить — не могло из того скелета ничего дельного получиться.

Родственники уж и не рады, что завели такой разговор. Дед пробовал погасить спор. Поднял рюмку:

— Давайте, гости дорогие. Разговор от нас не уйдет. Мало ли кто кем был, важно кто кем стал.

Но Мотька знай свое. Крутит головой: «Не-ет, извините! В жизнь не поверю, на что угодно могу спорить...»

Пришлось деду и другим родственникам вести дорогого гостя на скотный двор смотреть быка.

Лебедь стоял в просторной загородке, позванивая цепью, капризно перекапывал в яслях сено. Когда к нему приблизились, он недовольно покосился, устало вздохнул и отвернулся. Видимо, за лето на выставке ему порядком надоела глазелющая глублика.

— Ну как, признаешь? — спросил Мотьку один из двоюродных братьев.

Узнать в Лебеде прежнего, мучившегося поносами теленка, было не так просто. Высотой и шириной он стал почти с пень, которая занимала добрую треть.

прихожей у бабки Демихи. Но и не узнать его тоже было нельзя, особенно тому, кто проходил за ним все лето с бичом.

Мотька, должно быть, не знал, что делать, верить или не верить своим глазам. Сперва он долго разглядывал Лебеда издали, затем медленно, словно сомневаясь, стоящий перед ним был или поддельный, подошел ближе, зачем-то подергал за хвост. Вид у Мотьки был такой, будто его самым бессогрешнейшим образом надул кто-то.

— Ты гляди, — озадаченно качал он головой. — Живой! Можно сказать, настоящий бык: два глаза, четыре ноги, гора говядины. Даже вон на левом ухе моя метка осталась. Рассек как-то бичом по ошибке. Хотел по рылу задеть...

— Ты, паря, шибко близко-то не подходи к нему, — предупредил дед. — Опасайся. Летом он смиренный бывает, хоть верхом ездит. А зимой звереет. Настоится один в своей клетке-то.

Не предостереги Мотьку старик, он, скорее всего, постоял бы еще немного около бычьего хвоста и отправился бы доедать оставшуюся на столе гусятину. А тут его заело. Что ж такое на самом деле? Он, Мотька Демин, твердо считал, что купленный на племя бычок давно окошел. А этого бычка, оказывается, на веревке держать боится. На цепь привязали. Теперь Мотька хочет получше разглядеть своего старого знакомого, ну, может быть, ткнуть разок другой кулаком в пах, а ему говорят: «Не подходи!».

— Это вы кому говорите «опасайся»? — деланно засмеялся он. — Разве вы забыли, как я муштровал его? Да он всю жизнь одного взгляда моего будет бояться. Я, бывало, только замахнусь, только прикрикну, а он уже от страха...

И не успел досказать.

С непостижимым для такой громадины проворством Лебедь круто извернулся, глухо, как человек, когда с силой вгоняет топор в дерево, гекнул. В тот же миг Мотька показал родственникам подметки своих городских ботинок и пластом растянулся на полу около передних ног быка.

Лебедь собирался повторить удар. Нагнул рогатую голову, напрягнул шею так, что толстая стальная цепь заныла, будто струна.

Заныла, но не порвалась.

Мотька тоже оказался проворным малым. Сперва ужом скользнул мимо ног быка, потом на четвереньках вприпрыжку проскакал метра два до конца загородки и только тогда выпрямился. Вид у него после свидания с Лебедем был не праздничный. Хлястик на полушальто болтался оторванный, брюки на коленях темнели свежей зеленью. Поглаживая бок, он опасливо оглядывался на загородку и всхлипывал:

— Ишь ты, еще будается. Как добрый! Обрадовался, что не издох?

Рис. А Урюпина.

ПУТИ СЛОВ

Алексей Николаевич Толстой написал в Париже повесть «Рукопись, найденная под кроватью». Герой этой повести — Сашка Епанчин, вспоминая 1918 год во Франции, рассказывает о преступном, отвратительном обычае — избииении арестованных полицейскими:

«А в участках у них городовые — ажаны — первым делом бьют тебя в ребра и в голову сапогами, это у них называется «пропускать через табак»... После избииения на площади Согласия меня и Михаила Михайловича сволокли в участок и там «пропустили через табак», после чего Миша и я, харкая кровью, пролежали три месяца в сводчатом подвале на железных с дырочками койках».

Выражение это «пропускать через табак» осталось со времени преследования курильщиков во Франции. До сих пор у французов существует глагол «табассэ» — «tabasser», что значит ссориться.

А у военных «таба» — «tabac» означает — бой, дело, в том смысле, как наше: «Дело было под Полтавой».

Да и наши поговорки: «Пропал ни за понюшку табака», «Дело — табак» — это следы наказаний за курение табака в старые времена.

Но табак, несмотря на все преследования, победил повсюду.

Наши поговорки: «Ради милого дружка и сережка из ушка», «Для

милого дружка — семь верст не околица», с одной стороны, и «Дружба дружбой, а табачок врозь», «Дорожка вместе, а табачок пополам», с другой, доказывают, что иной раз табак дороже всего.

На войне, в окопах люди делились самым сокровенным — последней щепоткой табака...

Табак попал в Испанию в 1518 году, после открытия Америки. Испанские завоеватели, привезя табачные листья в Европу, сохранили его индийское название «табакко».

В Россию табак проник в царствование первого русского царя Михаила Федоровича (царствовал с 1613 по 1645 год). Вместе с другими товарами табак попал к нам из Царьграда — Константинополя, нынешнего Стамбула. Сами турки называют табак «тютюном», и под этим названием он стал известен на Руси. А слово «табак» в Турции значит совсем другое: там так называют... тарелку!

Позднее из Франции к нам попало и другое растение «никотиана рустика», низший сорт табака. Французам этот сорт не нравился, и они говорили про него «амер-фор» («амерфор»), что значит «горько-крепкий». Название «амерфорный табак» скоро превратилось у нас в «мерхорный табак», а затем в нашу махорку.

Табак прокладывал себе путь через запреты и преследования. А вот такую

ценную культуру, как картофель, во многих местах вводили принудительным порядком.

У нас в некоторых областях вплоть до недавнего времени картофель называли «чертовым яблоком». Это след его насильственного введения. Называют у нас картошку и «земляным яблоком». А во Франции другого названия картофеля вообще не существует! По-французски картофель «пом де тер» — земляное яблоко...

«Яблоко» мы находим и в помидорах: по-французски они прежде назывались «pomme d'or» («пом д'ор»), что значит «золотое яблоко». Слово это итальянское, переделанное на французский лад. Но сейчас французы употребляют только название «томат». Это древнее ацтекское название, пришедшее в Европу из Америки.

У нас редко говорят «томаты», но зато помидорный сок называют «томатным соком».

В старых словарях ни томаты, ни помидоры не значатся. Отсутствуют оба названия, например, в известном «Толковом словаре» В. И. Даля. Значит, слова эти пришли к нам недавно.

«Помидор» — сравнительно новое слово, а вот «яблоко» — издавна существует у многих народов. Недаром даже в легенде о грехопадении Евы змей искусил эту мифическую прародительницу рода человеческого именно яблоком.

Яблоко — одно из самых древних плодов на земле, растет повсюду. Слово «яблоко» прочно вошло в наш словарь, обозначая не только плод.

В самом деле, до странности много вещей называют яблоком. Сердцевина в мишени для стрельбы в цель — яблочко. В анатомии — яблоко берцовой кости. Кадык — адамово яблоко. Глазное яблоко. Рукоятка меча тоже именуется яблоком, так же как и символ императорской власти, — державное яблоко. Яблоко на шпильях бабчен, на котором укрепляют флюгер или промоотвод, и т. д.

С яблоком в этом отношении может сравниться только одно латинское слово «caput» («капут») — го-

лова и все производные от корня «сар» («кап»)...

В древнем Риме жрецы, служительницы храмов Весты, богини огня и домашнего очага, носили белую туннику до пят. Из-под причудливого головного убора весталок спускались длинные косы. Называлась головная повязка «capita» («капиталь»), от «капут» — голова. Почти все названия современных головных уборов произошли от этих косынок, которыми покрывали свои головы весталки!

По-французски шляпа — «chapeau» («шапо»). Если кого-нибудь спросить, какое из двух слов, шапка или шляпа, русское, то всякий ответит, что шапка — это русское слово. А ведь именно в шапке лучше всего слышится французское «шапо». И старинное название воинского головного убора, шлема или каски — кивер, у французов звучит совершенно по-русски: «chapska» («шапка»!).

В русской литературе «кивер» встречается нередко, например в лермонтовском «Бородино»:

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Английская фуражка «кэп», где в начертании слова остался неприкосновенным корень «кап», потому что англичане пишут «сар», а выговаривают «кэп», породило кепи и нашу кепку.

В 1490 году появилась в русской письменности «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле». К Дракуле пришли турецкие послы — «и поклонился по своему обычаю, а кап своих с глав не сняша». Оскорбленный Дракула «повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их».

До нашего времени этот «кап» дошел в названии украинской шапки-ушанки «капелюх»!

Французский головной убор «капелан» мы переделали в капор, а синоним капелина — «капошон», «капуш» превратился в русском языке в откидной башлык, принятый к вороту плаща. К слову сказать — башлык тоже от слова «голова», от

татарского «башка» получился... В XVII—XVIII веках у нас выговаривали «капишон» и в словаре «Сочиненном Надворным Советником Иваном Нордстемом, в Санктпетербурге изданием типографщика и книгопродавца И. К. Шнора в 1780 году отпечатанный» указано: «КАПИШОН, или наглавник».

Во французском языке словом «capot» — «капо», мужского рода, обозначаются следующие слова: плащ с капюшоном, покрывшка, головка люка, кожух, то есть капот мотора. А в женском роде «сароте» — «капот» верх, то есть голова экипажа, шинель, женская шляпка — все обозначения, указывающие НА ВЕРХ, на голову. И современные слова «капотаж, капотирование», переворты самолета через голову, тоже от «кап»!

В книге Валентина Катаева «Почти дневник» описывается работа трех наших летчиков:

«Два самолета сели хорошо. Третий сделал «козла» и чуть не скапотировал, но выровнялся и подрулил к лесу».

Вот уже и новое слово от «капотаж» — капотировать!

От французской шинели — «капот» — получился и наш капот, домашнее платье. Но это только сейчас капот-халат — носят дома. А во времена Пушкина капот обозначал верхнюю женскую одежду, пальто. Например, в «Пиковой даме»:

«Только Лизавета Ивановна успела снять капот и шляпу, как уже графиня... велела подавать карету». И в рассказе «Метель»: «Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо».

Верхушка колонны «капитель», и тончайшие кровеносные сосуды — «капилляры», и королевские указы «капитулярии», и морские разбойники «каперы» — все это производные от слова «капут» — «голова» и его корня «кап». И, действительно, все эти слова имеют прямое или косвенное отношение к голове.

Капитель — головка колонны. У римлян волосы и прическа назывались

«капиллюс», отсюда и «капилляры» — толщиной в волос. В раннюю феодальную эпоху, в VIII—X веках, при Каролингах, которые правили громадной территорией, состоящей из нынешней Франции, Западной Германии и Северной Италии, королевские указы — «капитулярии» — не подлежали обсуждению и главенствовали над всеми остальными законами страны. Главенствовали на морях в прошлые времена и «каперы». Это были наемные пираты, которые в военное время по договору с одной из воюющих сторон, захватывали неприятельские суда.

На «капер» очень похоже наше слово «каптерка» — так называются в армии материальные склады. В России, до Октябрьской революции, заведующие хозяйством в воинских частях назывались каптенармусами, то есть главными над продовольствием, обмундированием, оружием и прочим снаряжением. Каптенармус происходит от французского «капитен-д'арм» — главный над оружием. Но и слово «capitaine» — «капитэн» — капитан тоже получилось от «кап»!

Слово «каптенармус» наша молодежь уже забыла. В рассказе Юрия Нагибина «Нас было четверо» есть любопытное место. Мальчики знали, что старый вагоновожатый был в свое время в Красной Армии, но: «...Как выяснилось, он был не просто бойцом, а самим «каптенармусом».

— Ну, уж это ты загнул, белобрысый! — воскликнул Колька, на которого звучное слово «каптенармус» произвело необычайно сильное впечатление».

Слово «капрал» (унтер-офицерский чин) профессор А. Н. Ушаков приводит от итальянского «сарогале» («капорале»). Итальянский язык, прямой наследник языка латинского, взял корень «кап» для обозначения главного в звене, головы своего подразделения.

Очень интересно замечание Т. Г. Винокур в книге «Древнерусский язык»: «Займствования из латинского языка, в основном, относятся к позднейшим эпохам. К древнерусской эпохе принадлежат лишь некоторые слова... Капуста (известна с XI века),

от « capitum » — головка. Вот еще одно слово от «кап!»

У нас называют кочан капусты «головкой». В. И. Даль писал: «Кочан, кочень, кочева, котева — голова».

В русском языке существует выражение: «Были разбиты на голову и капитулировали». А капитуляция и значит безоговорочная сдача в плен, то есть сдача голов. Когда-то так головы и сдавали не в переносном, а в буквальном смысле.

Возглас « kaputt » («капут») в современном немецком языке значит — разбит, погиб, словом — капут, потерял голову!

Интересно сопоставить, что в римском судопроизводстве уголовное дело — уголовное, у головы, дело, связанное с потерей головы, — обозначалось прилагательным «капиталис». И наша «уголовщина», «уголовник» также происходит от слова «голова». В одном из самых древних памятников русской письменности, в «Русской правде», упоминается «головьник» — убийца и головничество» — убийство. А в «Книге законов» 18 века разъяснено: «Мог истец с выданным ему головою поступать как бы со своим рабом и только отвечал, если убьет его до смерти». Эта поправка являлась дополнением к закону, по которому в рабовладельческой стране преступника лишали всех гражданских прав и «выдавали головой», и с ним можно было делать что угодно, вплоть до его убийства. Отсюда и пошло выражение: «Выдать с головой».

Во Франции слово «шапित्र», означающее главу книги, тоже получилось от корня «кап», так же, как и международное обозначение купола цирка, шатра — «дапито».

В столице Соединенных Штатов Америки Вашингтоне — здание Конгресса, главного законодательного учреждения страны, называется Капитолий. Кстати сказать, слово «главный» тоже происходит от «глава», «голова». И книги наши разделяются оглавлениями на главы.

В дореволюционной России «хозяйном» города был «городской голова». Раньше по деревням мужики «выбирали» навязанных им старшин, которые назывались «головами».

Производным от корня «кап» является и «капитал!» Недаром «капио, каптум» означало: «приобретать, прибирать к рукам, присваивать».

Во время празднеств в Риме в жертву богине Изиде приносили козочку с позолоченными рождками. Козочка по-латыни называется « caprella » («капелла»). От нее и получилось потом название храма — капелла, и языческое капище, и маленькая каплица.

Необходимо вспомнить, что и слово «трагедия» получилось от козла, по-гречески «тратос». Его приносили в жертву во время празднеств в честь Вакха. Во всяком случае козочки — «капеллы» существовали раньше, чем римляне начали строить свои храмы!

Слово «капелла» теперь у нас означает часовню и в то же время хор или маленький оркестр. От «капелла» производные — «капельмейстер», то есть начальник капеллы, дирижер хора или оркестра. Капельдиректор — слуга при капелле — в наше время превратился в театрального служителя, в билетера: «директор» по-немецки слуга.

«Капище» — двускатный деревянный навес с резными украшениями, под которыми обычно стоял идол Перуна, главного славянского бога, бога грома и молнии. Капище — языческая церквушка. Потом над такими церквушками стали возводить купола, венчающие здание. В то время купола назывались главами, «головами» над зданиями... Купол — слово итальянское: « cupola ». Оно могло получиться от латинского « сира » — «купа», что значит — чан, кадка, бочка. Ведь купол и напоминает опрокинутый чан!

Интересно проследить, как скрещиваются слова: ведь наша купель, в которой до революции крестили детей, погружая их в воду, происходит от глагола «купать», а купель-то ведь это просто чан, то есть «купа» — по-латыни!

Православие пришло на Русь из Византии, когда над храмами там уже были купола. Наши церкви строились по византийскому образцу — с куполами. Но вот, например, в

«Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтов упоминает не купола, а главы:

Над Москвой великой
златоглавою.

Над стеной кремлевской
белокаменной...

Упоминаются главы и в пушкинском «Борисе Годунове», в «Евгении Онегине» и во многих других произведениях русских классиков:

Ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни.
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом...

Крестами золотыми
Горят старинные главы...

Но уже Лесков употреблял в «Соборях» одновременно и «главы» и «купола»: «Были домики на самом берегу реки, как раз насупротив пятиглавого собора с высокими куполами».

Современные писатели редко применяют слово «глава» в этом значении. Например, в последней части трилогии А. Коптяевой «Держание» в описании московского Кремля фигурируют уже только купола: «Лишь ветер да солнце играли на плитах мощеного двора, оглаживая кружева каменной резьбы и золотые купола старорусских соборов».

$$\begin{aligned} 50x + 10y + z &= 501 \\ y + z + z &= 100 \end{aligned}$$

$$49x + 9y = 401$$

$$y = \frac{401 - 49x}{9}$$

$$x + \frac{401 - 49x}{9} + z = 100$$

$$92 + 9x - 49x + 401 = 900$$

$$92 - 40x = 499$$

$$92 - 40x = 499$$

$$50x + \frac{4010 - 490x}{9} + z = 501$$

$$450x + 4010 - 490x + 9z = 4509$$

$$92 - 40x = 499$$

Н О В Ы Е К Н И Г И

ДЕМЧЕНКО А. ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ. Роман. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., стр. 304. Цена 74 коп.

Во время Великой Отечественной войны юная Марина была партизанкой. Прошли годы, и вот Марина Васильевна Иноземцева — агроном целинного совхоза на Алтае. В совхоз приезжает новый инженер-механик Дмитриев, друг и соратник Марины по партизанскому отряду, спасший однажды ей жизнь.

Об этих людях, прошедших суровые жизненные испытания, об их трудной любви, которую не затушили ни годы, ни расстояния, рассказывается в романе. Удались автору также образы молодых целинников Ильи Петрова, Серафима Подгорного и других.

БАЗДЫРЕВ А. КОНЕЦ НАХАЛОВКИ. Повесть. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 228 стр. Цена 57 коп.

Повесть глубоко обнажает корни современного мещанства и одного из главных его проявлений — тунеядства. Рано усвоила Аграфена Игнатьевна Выдрина законы дореволюционного прошлого: «Не обманешь — не проживешь. Хватай, что дается в руки, иначе достанется другому». Но наступили иные дни. Рядом с домом Выдриной рос новый город, росли новые люди, которым была глубоко чужда ее частнособственническая психология. Изображая острую схватку старого и нового, автор всем содержанием своего произведения утверждает: «Победа новой жизни неизбежна».

Повесть выходит вторым изданием.

КАУРОВ Б. УХОДЯЩИМ НА ВОСТОК. Книга стихов. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 232 стр. Цена 50 коп.

В новой книге стихов поэт обращается к своей излюбленной теме — романтике юности, идущей туда, где рождаются первое мужество, первые трудовые радости, первая любовь. Эта любовь рождается не в уюте домашнего мирка, а там, где «парни, пропахшие дымом», и девушки, чьи улыбки «вспыхивают в отвесах костров». Перешагнув пороги школ и вузов, юность отправляется в дорогу, чтобы обрести крылья, найти настоящее счастье и любовь.

В книгу включены также поэмы: «Товарищ Чжан», «Нобратимы», «Глубокий след».

ОСИНИН Н. ЧЕРЕЗ ВСЕ ПРЕГРАДЫ. Барнаул, Алтайское книжное издательство. 1962 г., 336 стр. Цена 48 коп.

«...Зимой 1942 года мне довелось встретить несколько советских ребят, которые прошли сотни километров по оккупированной врагом территории навстречу наступающей Красной Армии. Когда у них спрашивали: «Как же вы не побоялись холода, смертельной опасности?» — они, будто сговорившись, отвечали: «К своим хотелось. Не могли жить при фашистах — мы же пионеры».

Так пишет в предисловии к книге ее автор Николай Осинин, объясняя замысел произведения. Повесть посвящена советским ребятам, оказавшимся во время Великой

Отечественной войны на оккупированной врагом территории. Через все преграды юные патриоты пробиваются к своим, в партизанский отряд.

Книга для детей среднего школьного возраста.

ВАГАНОВ Л. СКАЗКА ПРО ТАЕЖНОГО МАСТЕРА САПОЖНОГО. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 30 стр. Цена 25 коп.

Богато иллюстрированная красочными рисунками стихотворная сказка о хвастливом, самонадеянном зайце, возомнившем себя замечательным мастером-сапожником и открывшем в лесу сапожную мастерскую. Что из этого вышло и как заяц был посрамлен, читатель узнает, познакомившись с книжкой.

Сказка рассчитана на детей дошкольного и младшего школьного возраста.

КИЛЬДЮШЕВ А. ЗВЕЗДЫ НАД МОРЕМ. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 64 стр. Цена 8 коп.

Автор рассказывает в книжке о полном романтики труде рыбаков Миссия, о их мужестве в постоянной борьбе с морской стихией.

Книжка для детей среднего и старшего школьного возраста.

ЛОТКИН Н. ЕСТЬ РЕБЯТА РАЗНЫЕ. Стихи. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 26 стр. Цена 4 коп.

С тонким юмором и лукавинкой автор рассказывает о детях-школьниках, о их повседневных делах и работах, печалях и радостях.

Книжка хорошо иллюстрирована. Рассчитана на детей младшего школьного возраста.

АНТРОПЯНСКИЙ Н. (составитель). СОРОКА-ВОРОНА. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 56 стр. Цена 13 коп.

Книжка включает в себя детские народные песни, байки, шутки, потешки, скороговорки, загадки. Иллюстрирована.

Рассчитана на детей дошкольного и младшего школьного возраста.

ВАСИЛЕНКО В. (составитель). ТРИ РОЗЫ. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1962 г., 104 стр. Цена 21 коп.

В сборнике собраны интересные сказки разных народов мира.

Книга рассчитана на детей среднего и старшего школьного возраста.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. ЗЕЛЕНСКИЙ. Чудак-человек. Очерк.	3
Геннадий ВОЛОДИН. Новые стихи.	10
Г. КОМРАКОВ. На горе. Рассказ.	14
Александр ЭДОКОВ. Командировочное. Кубинская румба. Юности. Стихи.	21
Лев КВИН. Угол и овал (Чья вина?) <i>Драматическая история.</i>	24
П. АНТОНОВ. Ветер рвет паутину. <i>Документальная повесть.</i>	75
Алексей ВЕРХОВЦЕВ. Наш дом. Столбы. Полковник уходит в отставку. Ветеран. Дорогое наследство. Песня о юности. Ма- теринская любовь. Стихи.	85

ЗАМЕТКИ ТУРИСТА

Вячеслав ШТЫРОВ. Длинные тени пальм.	90
---	----

САТИРА И ЮМОР

А. БАЗДЫРЕВ. Сидел человек... Накаркал. Лебедь и Мотья. Рассказы.	103
---	-----

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Дмитрий КОВЯКОВ. Пути слов.	109
Новые книги.	114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Квин (редактор), **Н. Дворцов**, **А. Баздырев**, **А. Бутаков**, **И. Казанцев**, **Б. Кауров**,
И. Масаулов, **М. Юдалевич**.

Технический редактор **Г. Жданова**.

Корректоры: **Л. Конева**, **Г. Шулякова**.

Сдано в набор 1. II. 1963 г. Подписано к печати 10. IV. 1963 г.
Формат 70×92¹/₁₆ — 7,25=8,48 уся, п. л. (7,61 уч.-изд. л.).
АГ 00700. Заказ № 765 Тираж 4000 экз. Цена 40 коп.

Алтайское книжное издательство, Барнаул, Ленина, 76.
Типография «Алтайская правда», Барнаул, Короленко, 105.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Цена 40 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО